Джефф Нун

ВИРТ

«Сказать, что Джефф Нун талантливый автор — то же, что сказать, будто Лайл Ловетт немного артикулирует.»
«Атлантик»

Амфетамин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Будущее. Близкое будущее. Время виртуальной реальности – и новых «средств», расширяющих сознание до невероятного предела.

Время, когда компания отвязных молодых парней и девушек начинает странную Игру. Игру, в которой много правил, но первое из них: «Будьте ОСТОРОЖНЫ. Будьте ОЧЕНЬ ОСТОРОЖНЫ!»

Перед вами – «Вирт». Книга, после которой окружающий мир для вас изменится навеки!

- Джефф НУН
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - День первый
      - Тайные райдеры
      - Кот Игрун
      - Плотские способы
      - Кот Игрун
      - Мозговое дерьмо (Нешуточная доза)
      - Кот Игрун
      - Бессонница
      - Кот Игрун
    - День второй
      - С угрожающими улыбками на устах
      - Джэм-режим
      - В Бутылке
      - Травяная дымка
      - Кот Игрун
      - Промывая дреды
      - Факельщики
    - День третий
      - Грустная колыбельная
      - Кот Игрун
      - Такие хорошие ощущения
      - Змеерезка
      - Кот Игрун
      - Английский сад
  - Часть вторая
    - День двадцать первый
      - Зараженный басами
    - День двадцать второй
      - «Сливи Тув»

        - Тяжелые утраты
        - Кот Игрун
        - Обрезая дреды
        - Мои первые слова
        - Ленточный червь
- Часть третья
    - День двадцать третий
        - Обперьенный
        - КОТ ИГРУН
        - ПРАХ К ПРАХУ, ВОЛОС К ВОЛОСУ
        - ПАЛЬБА (ТЯЖЕЛЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ)
        - ИДЕАЛ БЫТИЯ
        - КАРМАХАНИКА
        - КОТ ИГРУН
        - ПРАХ К ПРАХУ, ПЕРЫШКО К ВОЛОСУ
        - ВОЗВРАЩАЯСЬ В ЦВЕТАХ
        - ДЕРЬМОВИЛЛЬ
        - ДАС УБЕРДОГ
        - ВСПЫШКА
        - СМЕРТЬ ЗА ЖИЗНЬ
        - В мир чисел.
    - День Двадцать Четвертый
        - КОНЕЦ ПОСТА
        - СТРАННЫЙ ДОМ
- ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
    - ЖИЗНЬ ПОЛНА СЮРПРИЗОВ
    - СТАРАЯ ЛЕДИ
    -

Джефф НУН
ВИРТ

Нику,
совершенно обперьенному,
живущему на даб-стороне

Молодой паренек кладет перо в рот...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

День первый
«Иногда возникает стойкое ощущение, что весь мир вымазан Вазом».

Тайные райдеры

Мэнди вывалилась из круглосуточного «Вирта на любой вкус», сжимая в руке желанную упаковку.

Неподалеку сидела собака – настоящая собака, микс плоти и крови; теперь такую нечасто встретишь. Коллекционный экземпляр, находка для истинного ценителя. Собака была привязана к столбу дорожного знака. Знак гласил: «Нет ходу». Внизу развалился робо-бродяга. С головы у него свисали густые дреды, в руках он держал запачканную, написанную от руки табличку: «Голодный и бездомный. Помогите, пожалуйста». Мэнди – дерганная, вся на иголках – быстро прошла мимо. Бродяга сделал вялое движение табличкой в сторону девушки, а тощая собака тихонечко заскулила.

Через окно фургона я прочитал по губам Мэнди: «Отвали, нищета. Подыщи себе жизнь». Что-то типа того.

Я наблюдал за ними сквозь призму зыбких ночных огней. В тот период мы пристрастились к темному времени суток. Существо было с нами в машине, что являлось тяжким преступлением; хранение живых наркотиков – пять лет заключения гарантированы.

Мы ждали новенькую. Битл сидел спереди. Он был в плотно облегающих дамских перчатках, густо смазанных Вазом. Ему нравилось чувствовать смазку за рулем мобиля. Я раскинулся на заднем сидении за спиной у Битла, Бриджит дремала напротив. Тонкие струйки смога поднимались с поверхности ее кожи. Существо-из-Открытого-Космоса лежало между нами, завернутое в шотландский плед. Оно источало масло и воск и практически утопало в собственном соку.

Я уловил какое-то оживление в воздухе над тем местом, где стоял наш фургончик.

Вот дерьмо!

Теневой коп! Трансляция от стены магазина, работа собственными механизмами; мерцание огней в густом смоге. И тут же – вспышка оранжевого света; инфо-сигналы из глаз полицейского. На какую-то долю секунды свет выхватил Мэнди, считывая информацию. Она увернулась от световых потоков и принялась что есть мочи колотить в дверцу фургона.

Напуганная внезапным светом, собака залилась лаем.

Я открыл дверцу ровно настолько, чтобы худая девчонка сумела пролезть. Мэнди просочилась внутрь.

В этот момент собака попробовала вцепиться полицейскому в голень. Но клыки цапнули только дымку. Собака казалась обескураженной!

Мэнди протянула мне пакет.

– Достала? – спросил я, помогая ей забраться внутрь.

И снова снаружи – оранжевая вспышка, обжигающий свет.

– Достала Прелестей, – сказала она, перешагнув через Существо.

– Тех самых?

Мэнди лишь выразительно на меня посмотрела.

Снаружи что-то нестерпимо выло. Я оглянулся и увидел несчастную собаку, полыхающую в огне, а теневой блюститель порядка уже двигался в нашу сторону, перезаряжаясь. Он опять испустил свой инфо-луч, постепенно подбираясь к номеру нашего фургона – номеру, состоящему из случайного набора цифр. В вашем банке данных таковой не значится.

Входные двери «Вирта на любой вкус» распахнулись в очередной раз. Спотыкаясь, наружу вывалился молодой парень, явно чем-то напуганный.

– Это Себ, – прошептала Мэнди.

Следом за ним вышли двое полицейских. На этот раз - реальные версии. Из плоти и крови. Они рванули за ним вдогонку до металлического забора, что опоясывал стоянку с одной стороны. Я повернулся к Битлу с криком:

– Облава! Погнали, Би! Прочь отсюда!

И мы погнали. Сначала – задний ход, подальше от этих столбиков.

– Осторожнее! – это от Мэнди, нервной до чертиков. Машина дернулась назад, и Мэнди швырнуло прямо на Существо-из-Открытого-Космоса. Я вцепился в ремень безопасности. Брид резко вышла из состояния сна – шок в зрачках как свидетельство внезапного пробуждения. Существо обхватило Мэнди всеми шестью щупальцами. Девчонка пронзительно завизжала.

Фургон соскочил на тротуар. Я подумал, что Битл пытается сбить с толку преследовавшие нас сигналы. Может, он этого и хотел, но все закончилось оглушительным ударом и нестерпимым визгом заднего левого колеса, выведшим нашу инопланетную реликвию из состояния меланхоличной прострации.

Бродяга оплакивал своего пса и молотил кулаками смог теневого копа, а мы тем временем уносили ноги подальше от этого места. Машину повело по широкой дуге, и вся картина как

будто сдвинулась и поплыла в сторону: теневой блюститель, бродяга, мертвая собака, – пока Битл не взял ситуацию под контроль. На полу салона Мэнди боролась с Существом, поливая его всякими непечатными словами. Через плечо Битла я видел, как металлическое ограждение приближалось к нам с неумолимой быстротой. По другую сторону сетки сломя голову несся Себ – по направлению к трамвайным путям. Преследовавшие его плотские полицейские уже перелезали через забор. Но тут Битл врубил дальний свет на полную, захватив блюстителей врасплох. Он направил наш тайномобиль прямо на них с ликующим воплем:

– Аааааа! Смерть всем копам! Смерть!

Полицейские свалились с сетки. В свете фар их лица представляли собой сплошное наслаждение – мирские законники, напуганные до смерти. Теперь они улепетывали от нашего мобиля, но Битл плотно сидел у них на хвосте; в самый последний момент он вывернул руль, как заправский ас, уводя тайномобиль к воротам. Останки тысячи предыдущих трипов, разбросанные по полу фургона, отреагировали звоном на наш поворот на Олбани-Роуд, а затем – еще раз налево на Уилбрахам-Роуд. Прощальный взгляд на «Вирт на любой вкус»: теневой коп, испускающий в воздух сигналы; робо-бродяга в виде расплавленной груды пластика и плоти. Полицейская сирена зашлась воем в темноте.

– Это за нами, Би, – закричал я. – Рви!

Битл покосился на датчик скорости. О, боже, кажется, мы летим! Тайные райдеры! Доставка перьев на место – то есть, к нам домой. По причине легкого сотрясения Мэнди еще глубже погрузилась в объятия Существа.

– Отвяжись от меня! – закричала она.

Держась за ремень, я выронил пластик с покупками, потянулся свободной рукой к взбесившемуся Существу и легонько пощекотал его брюшко – единственное слабое место. Как ему это нравилось! Смех вынырнул откуда-то изнутри – за тысячи миль отсюда. Пока Существо извивалось на полу, Мэнди удалось избавиться от его объятий.

– К чертям все это! О, Боже! – Ее всю трясло после непродолжительной борьбы.

Через заднее стекло я заметил свет догоняющих фар. Вой сирены становился все громче, пронзал все сильнее. Не сбавляя скорости, Битл повернул за угол на Александра-Роуд. Брид вцепилась в ремень безопасности с единственным страстным желанием – скорее заснуть. Ее кожа была вся покрыта тенями. Существо-из-Открытого-Космоса всем своим видом молило об

устойчивом положении в фургоне. Мэнди пыталась держаться на одном месте, я держал товар в свободной руке, а Битл сжимал руль.

Каждому из нас пришлось во что-то вцепиться.

Александра-Парк напоминал мрачные джунгли, которые тускло светились по правую сторону. Мы приближались к Боттлтауну, и не было никаких сомнений, что демоны уже поджидают нас в парке: сутенеры, шлюхи и дилеры – реальные, виртовые или робо.

– Битл, копы уже совсем близко, – закричал я.

– Народ, пристегнись, – отрезал он, как всегда хладнокровный, вписывая фургон в Клэрмонт-Роуд – узкую улочку справа.

– Не оторвались, – не унимался я, отслеживая картину преследования.

Битл пронесся, как угорелый, по улице и через Принцесс-Роуд влетел в лабиринт под названием Расхолм. Полицейские по-прежнему преследовали нас, но с самого начала погони у нас было три убийственных преимущества: Битл знал эту местность как свои пять пальцев; вся механика нашего мобиля была смазана Вазом; и, наконец, сам Битл подсел на скорость. Мы старались держаться как можно крепче, пока наш рулевой бросал фургончик то вправо, то влево. Удержаться на месте было архе-сложной задачей, но мы не роптали.

– Давай, Би! – визжала Мэнди, обожавшая подобные приключения. По обе стороны нашего продвижения распластались старомодные террасы. На одной стене кто-то нацарапал большими буквами: DAS UBERDOG. И чуть ниже: бедный = чистый. Даже я не знал, где мы находимся. На это у нас есть Битл. Полное знание, активизированное Джэмом и Вазом. Теперь он вез нас по какой-то задней аллее, периодически соскабливая краску с обоих боков тайномобиля. Ничего страшного. Машина все стерпит. Быстрый взгляд сквозь заднее стекло: вот они, копы, газуют черти куда. Пока, пока, ублюдки! Мобиль вынырнул из аллеи, и вот мы уже на Мосс-Лэйн-Ист. Битл снова свернул направо, мы были уже совсем близко к дому.

– Сбрось обороты чуток, – предложил я Битлу.

– К чертям медлительность! – ответил он, дав по газам.

– Мы тут, как яйца в корзине, колупаемся у тебя за спиной, – возмутилась Мэнди. И парень несколько поостыл. Вот оно, где собака зарыта: кое-какие вещи на этой земле все-таки заставляют Битла сбавлять. Например, виды на новую женщину. Бриджит, должно быть, испытывала схожие чувства. Она буквально сверлила глазами новенькую – и вся дымилась кольцами смога.

Она лезла из кожи вон, чтобы проникнуть в сознание Битла. Подозреваю, что ничего у нее не ладилось.

Ладно, не суть важно.

В этот момент напряжение вроде бы спало, и я опрокинул содержимое пакета на ковер. Пять синих виртовых перышек порхнули вниз. Я словил парочку, пока они кружились в воздухе, и прочитал название первого лейбла.

– Терморыбки, – сказал я. – Уже было.

– Откуда я могла знать? – огрызнулась Мэнди.

Я прочитал следующий лейбл:

– Милые Сосунки! О, нет! А где же оно?

– В следующий раз, Скриббл, – обиделась Мэнди, – ты сам пойдешь за покупками.

– Где Английский Вуду? Ты мне обещала. Я думал, что у тебя есть связи?

– Это все, что было в наличии.

Я прочитал три оставшихся.

– Пробовал. Пробовал. Не пробовал, но все равно звучит неубедительно. – Я предоставил перьям вольную. Они разлетелись по всему фургону.

Глаза Мэнди впивались в перышки, словно дротики – одно за другим.

– Они такие красивые.

– А остальные... – начал было я.

– То есть?

– Без подстав. Весь комплект. Английский Вуду. Гони.

Синее перышко приземлилось на брюшке Существа-из-Открытого-Космоса. Одно из щупальцев потянулось к нему. Игольчатые пальчики обхватили перо. Тут же на теле возникло сальное отверстие. Существо перевернуло находку щупальцами, засунуло перо прямо в дырку и почти мгновенно начало меняться. Я не был уверен на сто процентов, какое именно перо приземлилось в нем, но, судя по движениям щупальцев, наш космический друг уже барахтался в компании с Терморыбками.

Мне, конечно, знакома эта волна.

Битл обратил свой взгляд на шум волн за спиной и возмутился:

– Оно путешествует в одиночку! Никто не должен путешествовать в одиночку!

У Битла был пунктик относительно погружения в Вирт в одиночку. О том, что там необходимо заботиться друг о друге, и что кто-нибудь из друзей всегда должен быть рядом. На самом деле, он имел в виду – без меня вам там не обойтись.

– Расслабься, Би, – сказал я. – Просто рули.

Чтобы позлить меня, он выдал неожиданный спурт, но я был на чеку и крепко держался за ремень. Никаких проблем.

Я повернулся к Мэнди.

– Давай сюда!

– Ты, правда, хочешь? – спросила Мэнди.

– Хочу. Так ты нашла Вуду?

Мы свернули на Уилмслоу-Роуд, и Мэнди вытащила перо, припрятанное во внутреннем кармане джинсовой куртки. Иссиня-черное. Абсолютно нелегальное.

– Нет. Зато нашла вот это...

– Что это такое?

– Себ назвал это перо Черепно-мозговой Кал. Как считаешь, ему удалось скрыться?

– Кого это волнует?! И это все, что удалось достать?

– Говорю же тебе, это самый таск. Тебе не нравится?

– Конечно, нравится. Просто мне нужно другое.

– Тогда сам доставай.

– Мэнди! – я уже начал терять терпение. – Ты не понимаешь...

Ее рыжие волосы пламенели от каждого проносившегося за окном фонарного столба. Мне приходилось держаться подальше от этого сгустка огня.

Кажется, я западал на новенькую.

Мэнди уверяла, что с черного хода «Вирта на любой вкус» можно купить некий бутлег-ремикс – в нужное время у нужного человека. Нужного человека звали Себ. Поставщик, – так говорила Мэнди. Он работает на легальной кассе, но периодически имеет дело с прелестями черного рынка. Так говорила Мэнди. И мы послали ее за Английским Вуду. Она вернулась с пятью дешевыми Синими и одним дурным Черным. Даже все вместе, они все равно не дотягивают до территории Вирт – тысячи миль до Вуду. Девочка облажалась.

Фургон неожиданно изменил направление движения, отчего нас всех кинуло в сторону. Черное перо выскользнуло из рук Мэнди. Существо предприняло попытку поймать бесхозную ценность, но Оно уже плескалось в глубоких волнах, прижатое к двери фургона. Его щупальца онемели, и Оно промахнулось.

Я зафиксировал незаконное перышко в телесные границы своих ладоней. Мобиль совершил еще один резкий поворот, чуть не оставив заиками тормозящих прохожих. Через боковое стекло Битл гаркнул:

– Вы, охуевшие пешеходы! Найдите себе мобиль! – Он управлял фургоном наподобие насекомого: не думая, а реагируя на уровне инстинктов. Парень был слегка не в себе. Кортекс-Джэммерс, мозговой зажим. Преднамеренные помехи в коре

головного мозга, приход от Джэма. Знаете, как летает муха? На максимально возможной скорости, и постоянно минуя возникающие на пути преграды. Вот так же и Битл. Говорят, тише едешь – дальше будешь, но мы преисполнены веры в нашего водилу. Он сам был как сжатый на Джэме страх, и это было великолепно.

Я перевернул черное перо, чтобы прочесть метку. Она была написана от руки, что всегда обещает приятное времяпрепровождение.

– Черепно-мозговой Кал...

– Хорошее? – поинтересовалась Мэнди.

– Хорошее?! Брось.

– Ты что, не хочешь? – спросила она.

– Я уже пробовал.

– Ничего хорошего?

– Все в порядке. Просто супер.

– Себ говорил, что оно – просто прелесть.

– Прелесть, конечно, – подтвердил я. – Но это не Вуду.

Битл резво откликнулся на произнесенную вслух марку.

– Она достала его, Скриббл?

– Она все проебала.

– Сволочь, – процедила сквозь зубы Мэнди.

– Все правильно. Двинутая сволочь, – сказал я ей.

– Эй, вы двое. Замолчите, – включилась своим затуманенным голосом девушка-тень Бриджит. – Тут кое-кто пытается заснуть. – Бриджит была подружкой Битла, и, по-моему, она просто хотела поставить новенькую на место.

– Сон – это для мертвых, – съязвила Мэнди. Один из ее девизов.

– Почти приехали, – объявил Битл.

Мы неслись по Расхолм, вниз по склону. Мэнди приспустила боковое стекло. Ей удалось сделать щелку высотой в пол-дюйма, а потом проржавевший механизм заклинило. Но даже этого было достаточно, чтобы язык у меня распух под воздействием проникнувшего в салон соцветия запахов: кориандр, корица, кардамон – каждый из них генетически доведен до совершенства.

– Господи! – обратилась Мэнди ко всей нашей банде. – Полжизни за порцию кэрри. Когды мы ели в последний раз?

Битл ответил:

– В четверг.

– А какой день недели сегодня? – промямлила Бриджит из далеких потемков мира Теней.

– Кажется, где-то в районе уикэнда, – предположил я. – Но я не уверен.

К этому времени Существо-из-Открытого-Космоса смешалось в один клубок щупальцев, и было видно, как Терморыбки бороздят его кровеносную систему. Мне стало завидно.

– Меня кто-нибудь просветит, какого черта мы таскаем с собой это инородное дерьмо? – вдруг прорвало Мэнди. – Почему нам его не продать? Или не съесть? – В фургоне повисла гнетущая тишина. – Я просто хочу сказать, зачем мы носимся в поисках перьев, когда рядом валяется эта Тварь! Нам не нужны никакие перья!

– Существо останется с нами, – твердо сказал я. – Никто не посмеет дотронуться до Него!

– Ты просто хочешь его обменять! – не унималась Мэнди.

– Ну и что с того, Мэнди? У тебя есть возражения?

– Ладно, давайте скорей доберемся до дома, – решила Мэнди. – И хряпнем продукта.

– Обязательно хряпнем, – ни с того ни с сего сжалился я над ней. Она влилась в банду всего два дня назад и была полна честолюбивых замыслов.

Просто мы ее загрузили по полной программе.

– Я знаю, что сплоховала сегодня в «Вирте на любой вкус». Я просто не знала, что надо брать.

– Я же все тебе разжевал.

– Давайте сегодня не будем спать и поиграем в Вирт, – сказала она. – Давайте приготовим еды из тех остатков, что есть в холодильнике. И не полезем в кровать.

– Все будет, – успокоил я ее. Все, что угодно, лишь бы заглушить эту боль.

Мы с трудом вписались в правый поворот на Плат-Лейн. И потом – еще раз, чтобы въехать в гараж в нашем доме. От внезапного торможения фургон резко дернулся. Нас всех отбросило к задним дверям.

– Вот мы и дома, – торжественно объявил Битл. А кто-нибудь сомневался? Только Существо, преисполненное Виртовых знаний, все еще продолжало свой путь. Оно, образно выражаясь, перетекало туда и обратно, наслаждаясь своим положением.

А потом голос...

– Скриббл... Скриббл... Скриббл...

Слова, взявшиеся из ниоткуда, парили над головой и звали меня.

– Скриббл...

Голос Дездемоны...

Я огляделся, высматривая того, кто меня дурачит.

Черт. Никому не позволено пользоваться этим голосом. А дальше – внезапная вспышка, и Дездемона отрывается от меня и

тонет в ярко-желтом сиянии...

– Кто это сказал? – возмутился я.

– Что именно, Скриббл? – спросила Мэнди.

– Мое имя! Какой мудак назвал меня по имени?

Тишина воцарилась в фургоне.

– Это был голос... голос Дездемоны...

– Нам все еще надо думать о ней? – ввернула Мэнди.

– Да.

Обязательно. Обязательно надо думать. Думать о Дездемоне. Не покидать ее в своих мыслях. Пока я не найду ее снова. И потом мы будем вместе вечно.

Я слушал, как мобиль демонстрирует свою ржавую сущность.

Райдеры уставились на меня. Битл – и тот – повернулся ко мне лицом. Его зрачки истекали Джэмом.

– Никто не звал тебя, Скрибб.

И вдруг – опять тот же голос.

– Скриббл... Скриббл...

И тут до меня дошло, откуда шел этот голос: от Существа.

На его тельце образовался разрез, ряд черных десен прорезался на поверхности вслед за крошащимися зубами, и наружу вынырнул сальный язычок.

– Скриббл...

И только я слышал до боли знакомый голос.

Почему только я, и почему Оно имитировало этот голос? Такой красивый, волшебный голос...

Битл разрядил напряжение:

– Давайте же, наконец, делом займемся! Все в дом!

Я слышал, как на Плат-Филдс кричит сова. Настоящая, виртовая или робо – кто теперь разберет разницу?

Не суть важно.

В этом крике была тоска.

Кот Игрун

Безопасная выборка за неделю, мои котятки. Статус: синие и легальные.

ТЕРМОРЫБКИ. Вы плавали в Морях Питча. И вот вы опять на Земле и испытываете легкую тошноту. Могло быть и хуже. А все потому, что питчевые Терморыбки проникли в вашу систему. Ваш кровяной поток стал для них домашней рекой. Им так нравится барахтаться в закоулках кровеносной системы. Вы ощущаете жар внутри, обжигающий жар. Только один способ бороться: прикупите несколько нанокрючков, наживку в виде питчевых червяков, и – айда на неделю рыбачить. Вы ведь знаете, что Кот

Игрун всегда говорит только правду.

МИЛЫЕ СОСУНКИ вставляют по-полной. Они хотят вас на ужин. Шесть лапок, четыре крылышка, два усика и демоническое жало. Они покроют все ваше тело укусами и превратят вас в ходячий пчелиный рой. Единственное спасение – кворковый сок. Он превращает Милашек в желе. Лучше вам раздобыть этот сок поскорее, ведь эти жучила не заставят себя долго ждать. Закавыка же в том, что искомые кворки обитают на планете Дженгл. Кот советует спринцевать Сосунков.

Плотские способы

Нам пришлось волоком вытащить из фургона Существо-из-Открытого-Космоса – его склизкую тушку, замотанную в шотландский плед, насквозь пропитанный выделениями.

Битл открыл двери фургона.

– Вываливайтесь, ленивые вы засранцы, – заорал он, залезая обратно в салон, чтобы собрать раскиданные по полу перья. Одно из них, Черное, он припрятал в своей табакерке. – Такое ощущение, что я трипую за тысячи миль отсюда. – Битл быстро зашагал к дому.

Наша квартира располагалась на верхнем этаже Расхолм-Гарденз. Вне всяких сомнений, мы находились в Расхолм, но сада не было и в помине. Только какие-то старомодные многоквартирные клетушки на углу Уилмслоу и Платт.

Камера на входе отреагировала на физиономию Битла самым что ни на есть милым образом – раздвинув ворота в неспешном соблазнительном свинге. Брид вернулась в свой теневой режим и, словно во сне, поднялась по освещенным ступенькам. Остались только мы с Мэнди, держащие эту консерву, то есть – Существо, которое теперь очень напоминало склизкий Ваз, перепачкавший все наши руки. Ого, Существо все горело; очень рисково. Вот за что уважаю.

– Давай-ка, Большая Тварь, разомнемся, – запустил я.

Зов Дездемоны умолк. Теперь Оно изгалялось на своем диалекте. Кса, кса, кса! Кхэзи, Кхэзи! Что-то вроде того. Может, Оно путешествовало по виртовым волнам в поисках нового пристанища. А может быть, это я становлюсь наивным романтиком, особенно – когда манчестерский дождь изливается в памяти, и я начинаю судорожно строчить на бумаге, стараясь не упустить ни одной детали. Бриджит, помнится, говорила, что тамошний дождь – не простой дождь; что-то приключилось с городским климатом. Вам всегда кажется, что дождь вот-вот начнется, но дальше этого «вот-вот» дело не идет. Клянусь, я

запросто представляю себе, как капли дождя прикасаются к коже. Для меня эти осадки означают все: все, что было в прошлом; все, что было утрачено. Я могу различить на гравии отметины от дождя. Через дорогу, в парке Плат-Филдз, большие черные деревья колышутся под ветром и шепчут, благодарно впитывая влагу, как настоящий дар. Месяц похож на тоненький ножик, на выгнутое лезвие. Годы и годы спустя, за тысячи миль оттуда, я все еще чувствую эту неспешную борьбу на подступах к двери в дом.

На самом деле, Существо-из-Открытого-Космоса – никакое не существо из открытого космоса. Просто Мэнди дала Ему это прозвище, и оно нам понравилось. А как бы вы сами прозвали бесформенную каплю, которая не говорит ни на одном из известных вам языков и появилась в вашем мире волей несчастного случая? Сложновато, не так ли?

– Не роняй Его! – прошипела Мэнди сдавленным от напряжения голосом. Дождь прилизал ее рыжие волосы, челка прилипла ко лбу.

– А я Его разве роняю?

– У него голова на земле!

– А это Его голова? Я думал, что это хвост.

Мэнди уже начинала злиться. Как будто я должен был прыгать от радости, что мне выпало счастье таскать всяких пришельцев по скользкому гравию под проливным дождем! Как будто я должен был знать все способы транспортировки Существ.

– Держи Его крепче, – не выдержала она.

– Держать – за что? Оно все такое склизкое.

И тут вдруг включилось мерцание теневого полицейского, трансляция откуда-то с Плат-Филдз. Он крался словно туман, яркие огни всех его механизмов мигали, то появляясь, то исчезая за кронами деревьев. Я попросил Мэнди ускориться.

– Нет, вы только подумайте, он меня еще и торопит, – огрызнулась она.

Чтобы пронести Существо в дом, нам пришлось скомкать его в виде странной фигуры – что-то вроде ленты Мёбиуса, завязанной в узел. Существо не возражало; в объятиях Вирта его тело стало супер-флюидным. Краем глаза я выхватил копа, уже оставившего позади лесопарковую зону и подбирающегося к домам. Я хлопнул дверью. Тишина. Пауза. Задержка дыхания. Во взгляде Мэнди сквозило отчаяние. Обнаженные в свете домашних огней глаза; напряженные руки изо всех сил пытаются удержать вес инопланетного мяса.

– Вот, зараза! – воскликнул я. – Мы оставили плед. – Существо у нас в руках было совершенно голым.

– Как мы дошли до такого? – спросила Мэнди.

– Что?

– Почему все всегда происходит именно так?

– Да, ладно. Пойдем.

Прямо над нами, на пролет выше, Брид блуждала среди теней, волоча за собой смог.

– За ней, – сказал я.

Складывалось впечатление, что я тащил плохой сон вверх по скользкой лестнице, выскальзывающей из-под ног.

Иногда возникает стойкое ощущение, что весь мир вымазан Вазом.

– Ты что, клеишься к Битлу? – спросил я, пропыхтев половину первого пролета.

– К Битлу? Не будь идиотом.

– Хорошо. А то Бриджит тебя убьет.

– Себ кое-что рассказал.

– Да ну? – удалось выдавить мне сквозь сбивающееся дыхание.

– На завтра планируется новый завоз.

– Чего?

– Новые поступления. Он сказал, материал хороший. Бутлеги. И черные.

– Вуду – не черное. Я же тебе говорил.

– Да, Английский Вуду. Себ...

– Так он достал Вуду?! Мэнди!

– Пока еще нет. Оно должно прийти завтра.

– Мэнди! Это...

– Смотри! Существо! Оно...

Я выронил Тварь. Мои ладони были все мокрые. Мир ускользал от меня. Перо колобродило у меня в голове. Волшебный разноцветный образчик. Я практически дошел до искомого состояния. Оставалось совсем чуть-чуть.

– Скриббл! – голос Мэнди вернул меня на землю. – Что с тобой?

– Мне оно нужно, Мэнди! Без подстав. Надо опять искать Себа.

– А вот и не надо искать. Он дал мне контакт. Сказал, что Икарус займется новой партией.

– Икарус?

– Икарус Уинг. Он – поставщик Себа. Знаешь его?

Никогда о таком не слышал.

– Мэнди, почему ты раньше мне не сказала?

– Я собиралась. Но копы... и потом все это... теневой коп... собака. Скриббл, я испугалась. Я... я извиняюсь...

Я посмотрел на нее – сальные из-за дождя, огненно-рыжие

волосы прилипли к голове, на нижней губе остался след от запекшейся краски. Само собой, никакой особенной красоты в свете лестничного освещения не наблюдалось – лицо помято от напряжения транспортировки инопланетной плоти, – но мое сердце все равно распевало песню: песню любви, наверное. Одному богу известно, как долго я не пел.

– Как ты думаешь, с Себом все будет в порядке? – спросила она.

– Разыщи его, Мэнди. Спроси про Английский Вуду…

– Мне кажется, что он больше не сядет на кассу этого «Вирта на любой вкус».

– А ты не знаешь, где он живет?

– Нет. Он шифруется… Скрибб! – глаза Мэнди налились испугом.

– Что? Что случилось?

– Там! В углу!

Мы уже осилили первый пролет. У стены стоял старый буфет. На нем было написано: «Нет Ходу». Между буфетом и стеной лежала свернутая в спираль лента – фиолетово-зеленая. Она зашевелилась. Абсолютно неожиданно.

– Это змея, – завизжала Мэнди. Черт! И тут же погасли все огни на лестнице.

Скотина домовладелец установил везде таймеры, чтобы свет горел строго определенное время. Следующий выключатель находился на расстоянии каких-то двух футов вниз по лестнице. Но два фута – это неблизкий путь, когда в руках Тварь, вокруг кромешная тьма, да еще и змея снов караулит по близости.

– Без паники! – сказал я.

– Включай скорей этот ебаный свет!

– Замри!

Мэнди выронила Существо. Но я держал Его со своей стороны, и поэтому почувствовал ладонью рикошет от веса, когда студенистая масса шлепнулась об пол. Мэнди уже неслась к выключателю. Давай же, новенькая, врубай скорее! Я весь вспотел от страха, а Существо продолжало скользить у меня из рук. Свет зажегся, но не потому, что Мэнди достала до выключателя. Это женщина из 210-ой вышла на шум и первой добралась до кнопки. И вот, что предстало ее взору: Мэнди, застывшая в двух дюймах от выключателя; я, с трудом удерживающий пульсирующий беспредел из щупальцев и склизи; фиолетово-зеленая спираль, готовая молниеносно среагировать на ближайшую тень.

Я почувствовал острую боль в левой ноге, в том месте, куда меня уже кусали. Но это было давно, больше четырех лет назад. Тогда почему мне больно? Иной раз стервозная память играет с

нами злые шутки.

Женщина таращилась на нас около двух секунд, а потом истошно завопила:

– Аааааааа!!!!!!!!!!

Это был пронзительный всепоглощающий крик. Шум разлетелся по коридорам, угрожая привлечь внимание соседей.

Мэнди ударила ее.

До сих пор я ни разу не был свидетелем насилия в ее исполнении. Только представлял себе, как это будет выглядеть.

Женщина сразу заткнулась. Я вообразил, как большинство квартиросъемщиков подскочили в своих постелях от этого крика, а потом – от внезапной тишины. Будем надеяться, что они все наделали в штаны.

– Что здесь такое? – выдавила, наконец, женщина.

Мэнди уставилась на меня. Я посмотрел сначала на Мэнди, потом – на Существо в ежесекундно слабеющих руках, и, наконец, перевел взгляд на женщину.

– Это реквизит, – сказал я.

Она вылупилась на меня.

– Мы – авангардная труппа. Наш театр называется «Выжималы». <(примечание: Выжималы – авторский слэнг, в оригинале – dripfeeders, дословно – люди, которых кормят внутривенным вливанием. В реальности Вирта этим термином обозначаются безработные, которые живут на полном обеспечении государства, но при этом частично ограничены в правах, в частности – им отказано в свободе передвижения.>)

Что я такое несу!?

– Мы сейчас ставим новый спектакль, называется «Английский Вуду»...

– Ага, – подтвердила Мэнди, придя в себя.

– Пьеса экспериментальная и безумная. Эта... э... вещь была изготовлена одним сумасшедшим художником специально для нашего театра. Он использовал в своей работе старые покрышки и тонны животного жира. Мы лишь доставляем эту штуковину по адресу.

– Вам нравится? – вставила Мэнди.

Женщина продолжала таращиться, вероятно, готовясь к новым голосовым залпам.

– Мы живем в 315-ой, – сказал я. – Не желаете заглянуть к нам наверх? У нас там сейчас друзья. Мы собирались немного порепетировать. Ну как, одобрямс?

– О, Господи, ну и гадость, – проворчала женщина, прежде чем хлопнуть дверью.

Мы с Мэнди улыбнулись.

Мы улыбнулись. И между нами прошла какая-то искорка.

И не спрашивайте, что это было.

– Змея уже уползла? – осторожно спросила Мэнди.

Змеи снов выходили из-под плохого пера под названием Такшака. Каждый раз, когда что-то мелкое и ненужное пропадало в Вирте, одна из этих гадюк прокрадывалась в этот мир в обмен. Клянусь, эти змеи обладают какой-то властью. Неприятные твари.

– Она уползла. Давай, включай свет. И поскорее закончим.

Итак, мы проделали весь путь по лестнице вместе: два гомосапиенса и поддерживаемый с двух сторон гуманоид. Нам удалось добраться до второй площадки за отведенное системой освещения время. Мы опять подняли шум: Мэнди одной рукой шарила по стене, нащупывая выключатель, а другой отчаянно поддерживала выпадающую плоть. Не повезло. Никогда не везет! Существо шлепнулось об пол, как кусок свежего мяса. Темнота была густой и наполненной вздохами.

– Включи свет, новенькая.

– Я не могу найти...

– Давай же.

– Не могу найти выключатель.

– Ну-ка, пропусти...

И тут ее пальцы нащупали заветную кнопку.

Свет на мгновение заполнил пространство, а потом снова погас с тем характерным звуком, который означает, что лампочка перегорела. Лампочка действительно полетела. В этой секундой вспышке мы оба увидели быстрый промельк фиолетового и зеленого.

– Змея! – закричал я. – Быстрее! Быстрее!

Мы подобрали Существо и потянули его за собой из последних сил прямиком в наше убежище под номером 315. Я вмазался в дверь, ожидая сурового сопротивления с ее стороны, но на удивление – путь был свободен, и мы ввалились всем гуртом: мужчина, женщина, инопланетянин. Мэнди захлопнула дверь одним ловким движением изящного каблука, и мы с облегчением повалились на ковер в гостиной.

Дверью змее прищемило голову, и Битл уже спешил к ней с большим кухонным ножом в руках.

Он наклонился и отрезал ей бошку.

Кот Игрун

Подпольная выборка за эту неделю.

ЧЕРЕПНО-МОЗГОВОЙ КАЛ – настоящий мозгоеб. Не пробуйте его в одиночку, мои котятки. Этот Вирт сносит крышу. Вам

предстоит путешествие по тропам собственного сознания – дело достаточно путанное. В самом центре этого лабиринта вы наткнетесь на очень сердитое чудище. Только избранные знают, на что похоже это чудовище, поскольку только они забираются так далеко.

Ваш покорный слуга, разумеется, побывал там, и даже выжил, чтобы сварганить вот эту рецензию. Но такого кошмара я не пожелал бы и своим врагам (если бы у меня были враги). Разве что эти враги – уже полные мудаки, и в таком случае.... смело кормите их этим видом. Черепно-мозговой Кал также известен, как Синапсные Убийцы, Монстр Трах, Храм Тошноты, Стиратель Личности. Называйте его, как хотите, делайте с ним, что хотите, но помните правило: Будьте осторожны. Будьте предельно внимательны. Это не для слабаков.

Замечание: хранение этой прелести может влегкую обеспечить пару лет принудительного отдыха в четырех стенах. А это значит, что вы пропустите много хороших игр и замечательных приключений. Так что не горячитесь. Храните перо в надежном месте. Кот вас предупредил.

Мозговое дерьмо (Нешуточная доза)

Брид возлежала на диване, лениво листая копию «Кота Игруна» двухнедельной давности. Битл стоял у окна, копаясь в тайнике с перьями. Голову убиенной змеи он прикрепил к отвороту куртки. Я сидел, положив голову на стол – прижимался к столешнице правой щекой, а левым глазом буравил комочек яблочного джема. Я постепенно приходил в норму. Поездка оказалась на редкость тяжелой. Существо-из-Открытого-Космоса валялось на полу, пытаясь зафиксироваться и роняя слизь на турецкий ковер. Мэнди окопалась на кухне, где поглощала хлеб с медом.

Ну конечно! А король восседал у себя в бухгалтерии, подсчитывая свой доход. Несомненно. Фигня только в том, что мы угрохали недельную норму на пять скучных Синих и одно уже пользованное Черное. Битл, естественно, может слить нижнеуровневый Вирт каким-нибудь робо-бродягам. Или я могу уговорить Брид исполнить несколько смоговых песен в ближайших пабах под аккомпанемент моих клавиш и вертушек – но, опять же, херня в том, что повсюду полно теневых полицейских. В большинстве пабов дежурит по одному копу – транслируют по Виртовой рации и направляют инфо-лучи на всех нежелательных элементов. Эти самые инфо-сигналы пересылают пойманную внешность в имеющийся Банк данных за какие-то

наносекунды.

Все боятся теневых копов. Ходили слухи, что они тоже умеют – наподобие девчонок-теней – вогнать сигнал прямо в мозг и считать все твои мысли. Но это не совсем так. Они – всего лишь робо-тени и забирают с собой только то, что различают лучи – то есть то, что лежит на поверхности. Не принимайте всерьез небылицы; у теневых полицейских нет души.

УВАЖАЕМЫЙ ГОСПОДИН, У НАС ЕСТЬ ОСНОВАНИЯ ПОЛАГАТЬ, ЧТО В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ ПОСОБИЕ, ПРЕДНАЗНАЧЕННОЕ ДЛЯ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ. А какой идиот в наши дни не берет дармовой кормовой капусты? МЫ ВЫРАЖАЕМ НАДЕЖДУ, ЧТО ЭТО НЕ ГОНОРАР ЗА СЕГОДНЯШНЕЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ. Я покосился бы на барную стойку, ища поддержки у хозяйки. А она, как назло, уперлась бы взглядом в банку с Фетишами. ДАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ БУДЕТ РАСЦЕНЕНО КАК ПРЯМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 729. ОБЪЯСНИТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА.

Без проблем, офицер. Уже начал. Щас тебе.

Этот яблочный джем выглядел очень даже аппетитно. Эх, кто бы знал, как мы проголодались!

Мэнди вернулась с кухни, уплетая сэндвич. Она плюхнулась на одну из подушек, специально разбросанных для сидения. Мы все на таких и сидели, все пятеро – Тайные райдеры, в той или иной форме жизни. Битл повернулся к нам лицом – пять синих перышек зажаты в руке. Он переложил их, одно за другим, во вторую руку, выкрикивая названия, а потом подбросил перья в воздух и дал им медленно осесть на ковре.

– Терморыбки, Великолепные Цветы, Пыль Венеры, Крылья Грома, Милые Сосунки…

Мы наблюдали, как перышки кружатся по комнате. Битл повернулся к Мэнди:

– Дешевые Синие, – сказал он. – Мы не принимаем дешевые Синие.

– Надо же было хоть что-то купить, – заревела Мэнди. – Нельзя же войти в магазин и прямо спросить про черные перья! Себ бы поднял тебя на смех…

– Тебе что, нравится этот барыга? – спросил Битл. Мэнди просто отвернулась. Битл приоткрыл свою табакерку и достал черное перо. Он шагнул к нам, размахивая этим Виртом, как счастливым билетом.

– Итак. Сегодняшняя развлекуха… Черепно-мозговой Кал. – Его губы сложились в улыбку. Но это была неприятная улыбка.

Мэнди опять повернулась к Битлу.

– Господи Иисусе, если б я знала, чем все это обернется…

– Тебе не терпится, Скриббл, жуть как хочется перышка, верно? – спросил Битл, пропустив мимо ушей комментарий Мэнди.

– Это не Вуду, Би, – мрачно заметил я.

– Я вам не верю, ребятки, – вставила Мэнди.

– Нет, это не Вуду, – протянул Битл. – Но это перо – наша единственная развлекуха на этот вечер. Других у нас нет. А Битлу сегодня, как никогда, нужна поддержка. Давайте же вставимся этими перьями.

Мэнди открыла рот, явно хотела что-то сказать. Битл, не мешкая, вставил перышко в приготовленный очень кстати ротик, так что его пушистая часть ткнулась в твердые стенки гортани Мэнди. Новенькая быстро его заглотила, как настоящая звезда Порновирта, и глаза у нее загорелись знакомым блеском.

– Видишь, как она его оприходовала? – спросил Битл. – Легко и просто. Наш человек. – Битл вынул перо и наклонился к Бриджит.

Брид лежала на полу, с лицом накрытым копией «Кота Игруна».

– Можно мне пропустить этот вид? – вопросила она характерным затуманенным голосом. – Как-то сегодня не катит, Би. Сегодня мне хватит и обыкновенной Ко-оперативной Улицы.

Улица Ко-оп представляла собой реальный нижнеуровневый Мыльный Вирт синего цвета. Обычно ты балуешься этим лейблом по понедельникам, средам и пятницам. Перо закидывает тебя в северную часть города, предоставляет дом, чтобы в нем жить, и жену или мужа, и тебе нужно взаимодействовать со всеми персонажами эпопеи на всем протяжении этой реалистичной истории. Такое впечатление, что весь мир поголовно подсел на эту забаву. Кроме Дронтов, разумеется; эти малочисленные несчастные нелетучие птички, пусть даже и наглотаются перьев по самое нехочу, все равно не в состоянии порхать. Официально они проходят как Виртуально Иммунные, но дети прозвали их Дронтами – отсюда и повелось. Однажды я встретил одного такого – много лет назад, – и отчаяние, сквозившее у него в глазах, никогда, никогда меня не покидало.

– Никто ничего не пропустит, – решительно заявил Битл, поднял газету с лица Брид и запихнул перо ей в рот. Вот дерьмо! Настоящее оральное изнасилование! Но я был слишком слаб, чтобы что-то предпринимать. Затем настал черед Существа – Битл прикормил ближайшее отверстие на его тельце. Тварь каталась по полу; клянусь, я практически разбирал его смех. Наконец, дошла очередь и до меня.

– Скриббл... – голос Битла позвал меня сквозь годы.

– Я не буду, Би, – сказал я. – Мне нужно Вуду...

– Никто ничего не пропустит, – повторил он.

– Дездемона...

– Мы найдем ее.

– Вуду будет завтра... Мэнди так говорит. Давай дождемся...

– Не хуя ждать! Бери, что есть!

Он силой заставил меня открыть рот; одной рукой сдавил мне щеки, другой – пропихнул перо в землю обетованную, глубоко в заднюю часть гортани. Я чувствовал, как оно щекочется, и от этого мне хотелось сблевать. Но тут накатил Вирт. И я улетел. Я чувствовал, как вращается вирт-реклама, а затем пошли титры. Реальность стала аморфной и переменилась в соответствие с формой прихода, и мои последние мысли были: Зачем это мы употребляем? Черепно-мозговой Кал?Это такой низкий уровень, что в нем даже есть Вирт-реклама. А мы должны были улететь в высь в поисках потерянной любви! Но вместо этого мы играли, просто играли в...

С воплями проносясь по туннелям мозговой плоти, сводя воедино мысли, выстраивая слова и крики, крики, исходящие из сердца. Электрические импульсы управляют мной, комнатные обои становятся красными с розовым, кровь хлещет с потолка. Брид прячется за небольшим диваном. Битл овладел Мэнди сзади на турецком ковре. Существо-из-Открытого-Космоса кружится в воздухе и мягко приземляется на обеденный стол. Я бреду по болоту плоти в сторону кухонной двери за овсянкой на завтрак. Перешагнув через Битла и Мэнди, я вижу, что дверь заперта на замок и на засов, и выглядит как стена говядины. Кровь выливается из замочной скважины. Брид выбирается из-за дивана, сжимая в руке нож для резки хлеба. Существо нашло на столе ком джема. Оно его лижет. Я хотел забрать этот джем себе. Джем обращается в желе, яблочное желе. Существо его лижет. Я оборачиваюсь к любовникам. Брид отрезает кусочки от окорока Существа и пытается кормить ими меня. Я отворачиваюсь от стены розовой плоти. Не знаю – почему. Цветочные часы считывают двадцать лепестков до одиннадцати. Битл извергает из себя яблочную сперму. Она брызжет на мой постер Интерактивной Мадонны на Седьмом Вудстоке. Мэнди кончает одновременно с ним. Брид направляет лезвие в шею Битла. Кровь хлещет из вспоротой шеи. Я лижу кровь. На вкус – как яблочный джем. На вкус – просто как Вирт. Просто как сон. На вкус – как сон. Что означает... а дерьмо!

Неожиданный вопль.

Черт! Я слышу Призрачный зов! А это значит... это значит, мы в Вирте!

Теперь уже инопланетянин занимается любовью с Мэнди. И Битл, распластанный на столе, с головы до ног – в этом яблочном джеме. Кислотном Джэме. Джем-джэм сжигает его. Он пронзительно кричит. Я наблюдаю со стороны. Брид повернула лезвие и погружает его себе в запястье. Это действует мне на нервы. По причине явного перебора. Это не может быть настоящим. Такого рода ощущения. Призрачный зов! Это другая жизнь где-то... И она не единственная!

– Это все не реально, Би! – мне кажется, я кричу.

Битл просто глядит на меня, его губы покрыты яблочным джемом, и эта глупая самодовольная усмешка у него на лице...

– Битл! Слушай меня! Мы в Вирте! Я слышу призрачный зов!

Призрачный зов – это ощущение, которое иногда возникает в Вирте; реальный мир зовет тебя обратно. Там больше от жизни, чем здесь. Это просто игра.

Битл продолжал вкушать джем, размягчая его языком. Он потянулся, чтобы погладить руку Мэнди, когда та всадила нож себе в вены. Кровь брызнула на Интерактивную Мадонну, смешавшись с желе, уже размазанным по всему постеру.

Я так думаю, мертвая звезда теперь действительно интерактивна.

Теперь у Мэнди лицо Дездемоны, и Дездемона истошно вопит. Кровь сочится из ее великолепного рта. Для меня это уже чересчур. Пора выбираться отсюда.

Внезапный выброс! Обратно!

Призрак схватил меня за подмышки, выдернул в реальность, и реальный мир распахнул мне свои объятия. Запертая дверь была нараспашку. Я вернулся. С воплями вмазался прямо в циферблат. Две руки времени – стрелки – схватили меня, часовая и минутная...

Кресло приняло мое тело, как какой-нибудь труп. Кровь утекала назад в раны, закрывающиеся на стене. Комната представляла собой сплошной вопль боли. Стеклянная ваза, в которой стояли цветы, собранные Брид, разбита вдребезги – должно быть, разбилась при выбросе. Голос, зовущий из зеркала на стене...

– Какого хуя!

Голос Битла.

– Кто, вашу мать? Кто, блядь, дернулся наружу?

Ответов нет.

Битл обозревал нас всех, как на широком экране, его глаза все еще были застланы пластами плоти, игровой плоти. В неистовой ярости он размахивал пером, как флагом.

– Кто, блядь! Кто-нибудь мне ответит?

Никто не ответил.

Брид на диване, «Кот Игрун» порван в клочья. Мэнди на полу, рядом со сброшенной диванной подушкой. Подушка зияла двумя отвратительными разрезами. Перья кружились по комнате.

– Мне там было хорошо! – орал Битл. – Я замечательно проводил там время

Я сидел в кресле, как зверь, пойманный в капкан. Сквозь дымку перьев и плоти, размытые формы Вирта, все еще цепляющегося за жизнь, я различал только Существо-из-Открытого-Космоса. Оно визжало и дергалось, глядя на перья, выпавшие из подушки. Оно размахивало своими щупальцами в безумном танце, оно решило, что это – Вирт-перья. Существо наловило их целый ворох и вставило около дюжины в отверстия, открывшиеся в его плоти. Потом выплюнуло их все. Да, оно тоже страдало, и я видел дырки в его плоти – в тех местах, где прошелся нож. Вирт всегда плохо действовал на Существо. Но раны уже затягивались, перерождаясь. У Существа была эта особенная способность: полная замена и восстановление поврежденной плоти. Но все-таки оно страдало. Все шло неправильно. В конечном счете, все идет неправильно. Я по-прежнему не мог пошевелиться, я просто сидел и слушал его причитания. Существо хотело домой, в покой. Что за блядство мы с ним творим?

– Кто, мать его, дернулся наружу?

– Не я, Би, – только и смог выдавить я. Солгал. В страхе.

– Я охуительно хорошо проводил время! Никто не смеет вытаскивать меня наружу таким блядским образом! Никто!

Потом была тишина. Все уставились на него. Последний проблеск Вирта выпал из него, из всех нас, и внезапно комната стала холодной, холодной и пустынной – эффект афтершока.

Выброс наружу – это хреново. Действительно хреново. Это встроенная опция в театрах нижнего уровня, но никто этого не любит. Это – все равно что признать поражение. Типа ты был слабаком, не смог справится с Виртом. Кто же захочет такое признать? И что еще хуже: если ты совершаешь выброс, ты выдергиваешь остальных игроков вместе с собой. А это очень болезненно. Как будто с тебя сдирают кожу.

– Это я. – Одинокий голос Брид. – Мне было страшно, Би.

– Хрена лысого тебе было страшно!

– Би!

– В этом-то и прикол. Скажи мне. Ведь в этом и весь прикол?

– Именно в этом, Битл, – отозвалась Мэнди.

– Скриббл?

– Да, Би, все правильно. В этом прикол Черепно-мозгового

Кала. Он пугает.

Мне было стыдно...

Битл ударил Брид по лицу.

Она рыдала в углу, и если бы я только смог выбраться из этого кресла, может быть, я бы и сделал что-нибудь хорошее – просто для разнообразия. Скорее всего, я бы убил ублюдка.

.... стыдно из-за моей слабости.

Возможно, я сделал бы все. Но не сделал ничего.

Битл собрал все Вирт-перья, какие сумел найти, и впихнул их в глотку Существа.

По крайней мере, у одного из нас будет хорошая ночь.

Битл ушел к себе в спальню, захлопнув за собой дверь. Остались я, тень, новенькая и инопланетянин. И все у нас шло наперекосяк, и где-то вдалеке ухала сова.

Если можно сделать ремикс мертвой Мадонны, то почему нельзя сделать ремикс ночи?

Кто ответит на этот вопрос?

Кот Игрун

Проснись, ты же знаешь, что сны существуют. Пребывая внутри сна, ты полагаешь, что сон – реальность. Внутри сна ты не знаешь о мире яви.

То же самое с Виртом. В реальном мире мы знаем, что Вирт существует. Находясь внутри Вирта, мы воспринимаем его как реальность. Внутри Вирта мы просто не знаем о существовании реального мира.

ПРИЗРАЧНЫЙ ЗОВ. Воплощение стервозности в чистом виде. Когда этот призрак овладеет тобой, тебе ничего другого не остается, как только идти за ним. Обратно к жизни, обратно к скуке. Ведь именно так ты себя и чувствуешь, правда? Однако, Призрачный зов – это не так уж и плохо. Что?! И это говорит Кот?! Призрачный зов – это неплохо?! Чуваки, Кот, наверное, тронулся! Слушайте-слушайте, мои котятки.

Только немногие избранные слышат Призрачный зов. Они – райдеры на грани. Те самые странные люди, которые не способны собрать свое сознание воедино... о чем это я? Это их проблемы. Вирт или реал? Призраки зова существуют в обоих мирах; они мерцают на границе, как жуки-светляки. Кто они? Что они? Насекомые или пламя? И то, и другое! Поверьте знающему Коту. Призрачный зов – это особенные существа. Просто они еще этого не знают. Кот им советует: сопротивляйтесь искушению, не дергайтесь наружу. Дернуться – значит уступить. А вы дерзайте. Дерзайте во имя вашего истинного призвания.

Призрачный зов призывает тебя: возвращайся назад! Но лучше дай мне унести тебя в высь. Ты нужен Вирту.

Ты нужен Коту.

Бессонница

Я страдал. Страдал бессонницей. Заперевшись в комнате, записывал все, что было, в летописи тех дней. Оправдывая свое имя. Скриббл занимается скрибблингом, писаниной. (Скриббл – дословно переводится с английскаго как «писать» – прим.перев.). Намереваясь извлечь хоть какой-то смысл из всего случившегося, и стараясь найти выход из положения.

И теперь, вспоминая об этом, я думаю. И раздумья меня утомляют. Нас убивают утраты. Из четырех людей в этом логове сегодня ночью только двое еще живут, и это как дурной сон, ставший явью. Такое не должно повториться. Никогда. Вирт был обязан извлечь все лишнее из наших дурных снов и превратить их в театр, восхитительный театр.

Я страдал от бессонницы, писал в леджере и слушал в полуха, как скрипит кровать за стеной. Битл занимался любовью с Брид, со спящей Брид. Вопреки всем аргументам и просекая расклад, я знал, что это произойдет.

И тут раздался приглушенный стук ко мне в дверь. Я слегка ее приоткрыл, и на пороге стояла Брид, собственной персоной. Она стояла у меня на пороге, а из соседней комнаты по-прежнему доносился шум любовных занятий.

– Скриббл... – протянула она. Припухшие, отяжелевшие веки, голос, переполненный дымом.

– Я работаю, Брид, – это все, что я был способен выдать, продолжая прислушиваться к шуму за стеной.

– Битл с Мэнди, – сказала она.

– Похоже на то.

Я изо всех сил старался изобразить беспечность, но тени в ее глазах затронули меня до глубины души.

– Можно мне войти? – спросила она, и я отступил в сторону, освобождая проход. Она упала на кровать и тут же свернулась калачиком, как цветок сворачивает лепестки, когда заходит солнце. Я вернулся к столу, чтобы продолжить свою писанину.

Брид уже ровно дышала, забывшись во сне.

Я сидел – облекал это все в слова, и небольшая настольная лампа скрывала меня в тени. Отблески леджера мягко мерцали в полумраке, а я сгребал в кучу слова и истории.

– Что ты там пишешь, Скрибб?

Я полагал, что она заснула, и когда я обернулся к ней, она

действительно пребывала в глубоком коматозе сна и выглядела счастливой: глаза закрыты, а сама вся замкнулась в своих очертаниях. Ее губы не шевелились, и только тогда до меня дошло, что она разговаривает во сне, вкладывая свои мысли ко мне в сознание – такой у них дар, у Теней.

Тени умеют читать мысли. У них врожденные способности к телепатии, и они могут общаться сознанием напрямую, в обход голосовых связок – погружают слова тебе в мозг и крадут все секреты, которые, как ты ошибочно думаешь, принадлежат только тебе одному. Теневые копы – это те же тени, но смикшированные с робо в большей степени, чем с живой плотью, они не такие сильные и не могут погрузиться глубоко внутрь тебя, в самую душу. Хотя и это довольно стремно, особенно – когда ты отрываешься в дикой компании на улице. Лучше всего способности человеческой Тени проявляются, когда она спит, поэтому вот как ты обычно их и находишь – грезя их снами знания.

– Не грузись, Скриббл, – подумала Бриджит.

– Я не гружусь.

– Просто мне любопытно... ты всегда что-то пишешь. О чем, интересно?

– Обо всем, – ответил я вслух.

– Тебе не нужно говорить вслух, – сказала она, и слова просто формировались у меня в сознании. Я опять посмотрел на нее спящую и понял, что она имела в виду.

– Это странно, – подумал я. Просто подумал!

– Что ты имел в виду, когда сказал: обо всем?

– Обо всем, что происходит.

– С нами?

– Конечно. С Тайными Райдерами.

Битл однажды нас так назвал, и название прижилось. Он, по-моему, из тех людей, которые превращают жизнь в приключение. Прямо как дети, ну и что с того? Это – расплата за Кортекс-Джэммерс; они просто хотят опять стать детьми.

– Это наша история, – подумал я.

– Очень мило, – ответила она.

Потом наступила глубокая тишина. Только звуки ее дыхания у меня в голове, и мягкие лепестки времени опадают с циферблата будильника – минуты, оставшиеся до наступления утра.

Я вернулся к своим записям, но ничего не получалось, ничего хорошего... Я прервался и взял сигарету – «Напалм» с фильтром. Пару секунд я наблюдал, как клубится дым. И кружатся лепестки, осыпающиеся с будильника. Такая вот херня. В соседней комнате

стало тихо.

Голос Брид снова вошел в сознание:

– Ничего, если я тут сплю, Скрибб?

– У тебя есть своя кровать.

– Не сегодня, Скрибб. Не сегодня.

Я сделал еще пару глубоких затяжек, пока мысленно формулировал слова.

– Все в порядке, Скрибб. Это наслаждение.

Черт! Мысли, по-настоящему грязные мысли о Брид, пронеслись вспышкой у меня в голове. Когда теневая девушка забирается так глубоко, у тебя не остается уже никаких секретов.

– Правильно, Скрибб. Никаких секретов.

– Дай мне шанс, Брид! – сказал я. Снова – вслух. Не подумав.

Голос Брид у меня в голове:

– Все приходит в рисунках. В рисунках и узорах.

– Я бы лучше просто поговорил.

– Конечно. Ты не возражаешь, если я здесь посплю?

А почему я должен возражать? Во сне она такая красивая, и целый мир ждет, чтобы я забрался в него и свернулся калачиком, теряя себя в этом клубящемся дыме.

– Спасибо тебе, – подумала она.

Как я уже говорил: никаких секретов.

– Я просто хотел тебя поблагодарить, – сказал я ей спящей. – За то, что ты за меня получила по физиономии. Ну, ты понимаешь, от Битла, в Черепно-мозговом Кале.

– Нас всех иногда заносит.

– Ты взяла на себя вину, Брид.

– Наверное, ты мне нравишься.

– Больше, чем Битл?

– Не спрашивай. Тебе будет больно.

– Я видел там Дездемону. В Вирте.

– Я догадалась.

– Ей было так больно! И я не смог остановить выброс. А потом не смог в этом признаться, только не Би.

– Ты любишь его слишком сильно, Скриббл.

– Ты тоже.

– Ты опять думаешь о ней. – Она имела в виду Дездемону. Слова Бриджит кружились у меня в сознании, как легкая дымка над бледными очертаниями Дездемоны. – Никак не можешь забыть ее, Скриббл?

– Нам надо найти ее, Брид!

– Мы найдем ее, Скриббл, – сказал голос Брид. – Хочешь поспать рядом со мной?

Это был не вопрос. Потому что она, в любом случае, знала

ответ. И легкая дымка заволакивает все в колеблющемся движении голубого цвета, и я падаю сквозь нее в страну Бриджит, которая называется страной Теней, страной сна.

Я проснулся очень рано, я лежал, обнимая теневую девушку; невинный жест для невинной ночи. Леджер все еще мерцал на столе, отбрасывая голубую тень на наши тела. Я погасил его и отправился в гостиную.

Существо-из-Открытого-Космоса спало на ковре, со ртом, полным перьев, и усмешкой на умиротворенном лице.

– Как поживаешь, Большая Тварь? – спросил я.

– Кхаси! Кха кха. Кхаси. Кха!

Ищу дорогу домой. Что-то вроде того, наверное.

– Есть еще что-нибудь от Дез, Большая Тварь?

– Кхаси. Кхаси. Кха!

Нет.

Я понаблюдал за ним пару минут, воображая себе сны, которые он сейчас видел, и пошел на кухню завтракать. В этот ранний час дом был в моем полном распоряжении, и я замечательно этим воспользовался: выдавил яблочный джем на тост и сел созерцать, как начинается день.

Я съел сладкий завтрак за исцарапанным столом, не сводя глаз с двери в комнату Битла. Там снова поднялся шум. Я не смог удержаться, и мое сознание поплыло, прямо туда, обозревая, как дается и принимается удовольствие с использованием всех этих баночек с Будуарным Вазом. Протектор, смазочное средство, контрацептив, возбудитель – в одном флаконе. Шум начал меня доставать. Он вызвал в памяти Дездемону, и ее прекрасное тело, склонившееся надо мной. Ее руки и губы. Татуировка дракона. Ее лицо приближается к моему лицу. Ощущение ее кожи, блеск в ее глазах.

Но это было всего лишь воспоминание. И воспоминания мне было мало. Я хотел вернуть ее по-настоящему. В мои объятия.

Я снова взглянул на Существо.

В голову лезли плохие мысли.

Я поднялся из кресла и подошел к его спящей тушке. Господи, ну и уродище! Я потянулся, чтобы пощекотать его брюшко. Оно умиротворенно вздохнуло из глубин виртового сна. У него остался свободный лоскут кожи, еще не полностью преобразованный сражением с Черепно-мозговым калом. Он легко оборвался у меня в руке. Существо даже не пошевелилось. Я поднес сальный кусок к губам.

Поедание Вирт-плоти – прямая дорога в театр. Это – сильнодействующий коктейль из мяса и грез. Чрезвычайно опасный. Слишком желанный. Кот Игрун однажды писал об этом

в своем журнале. Я рассчитывал на большее, чем на обычную – очень немалую – сумму по уличной стоимости за живые наркотики. Мы можем продать Существо, и сорваться отсюда, и переехать куда-нибудь, где будет лучше. Все, за исключением Дездемоны; без Существа мы потеряем ее навсегда. Но, возможно, то, что я сейчас делаю, каким-нибудь образом приведет меня к ней. Может быть, можно взять чуточку плоти, совсем немного, и посмотреть, куда это приведет? Кот утверждает, что приведет оно прямо туда, откуда появилось Вирт-существо. Я не знаю, откуда Оно появилось. Но, может быть, там я найду дверь, ведущую к Дездемоне. Кот Игрун предостерегал против подобных экспериментов, говорил, что это ублюдочный трип, и последствием будут дикие – неконтролируемые игры, театр мутантов.

Кот сказал «нет». Для меня этого было достаточно. Да и Битл по-настоящему разозлится, если узнает, что я отправился туда в одиночку. Он меня изобьет. Кот и Битл сказали «нет», и этого было довольно.

В любом случае, скорее всего, Существо происходит от желтого пера. Это самые кайфовые перья: из них не вырвешься просто так, на середине, можно только выиграть игру. Или умереть. Я не хотел испытывать судьбу.

Я облизал плоть Вирта и откусил небольшой кусочек...

Я задушен плотью. Я не могу больше дышать. В этом мире нет пространства – только плоть. У нее сладкий аромат, и она давит мне на лицо. Я ничего не могу сделать, не могу даже сопротивляться – плоть сильнее меня. Сладкий запах пробуждает воспоминания. Теперь отсюда не выбраться. Это моя судьба: быть медленно задушенным толстым, сладко пахнущим жиром! Я даже не могу закричать. Когда я пытаюсь кричать, плоть проникает мне в рот, заполняя меня своим ароматом. Мой мир обездвижен. Откуда-то мне знаком этот запах. Я погружаюсь в плоть. Последние секунды жизни. Сладкое зловоние захлестывает меня. Я знаю этот запах! Я вдыхал его всю мою жизнь. Это и есть моя жизнь. Нет! Даже раньше. Я вдыхал этот смрад раньше. В какой-то другой...

Господи!

Я слышу призрачный зов!

Плоть обволакивает меня, плоть смыкается. Все мои отверстия наполнились мясом. Меня убивает плоть Вирта.

Вирт! Я в Вирте. В котором? Дайте мне сделать выброс!

Плоть Существа обволакивает меня жиром. У меня уже не осталось дыхания. Мои последние секунды...

Существо! Боже! Надеюсь, оно не Желтое.

Выброс!

Я лежу поперек Существа, прямо напротив камина, где развели огонь. Существо обвило меня своими щупальцами. Сдавило. Я едва дышу. Но вот что я вам скажу: едва – этого все же достаточно. Пусть даже это душный и спертый воздух в логове Тайных Райдеров. Этого все равно достаточно. Вполне. И это великолепно. Я выскользнул из сонных объятий Существа и повалился на ковер.

Ковер – настоящая гавань блаженства.

Потолок надо мной весь изукрашен, искрится рисунками. Их нарисовала Дездемона: драконы и змеи, извивающиеся вокруг остро отточенного лезвия. Это было ее сознание. И я был его частью.

Давайте сосредоточимся на предстоящих днях, на всем хорошем, что с нами будет. Тайные Райдеры находят Английский Вуду, например. Райдеры отправляют Существо обратно на его родную планету. Обменять его на хер, на Дездемону. Райдеры уезжают из этой убогой хибары и дорываются до хорошей жизни. Бриджит находит свою любовь, которая будет лучше, чем Битл. И Битл находит что-то, за что можно будет зацепиться.

Все, что мы должны были сделать.

И лепестки осыпаются с будильника.

Внезапно зазвонил телефон. Звонок прозвучал резко и болезненно, не вписываясь в бормотания любви, и, по правде сказать, это были плохие новости, потому что телефон отключили за неуплату еще полгода назад. Он не может звонить! Я подскочил с пола и схватил трубку. Кажется, я успел на последнем звонке…

– Скриббл!

Этот голос.

– Дездемона!

– Скриббл…

– Это ты, Дездемона?

– Скриббл. Помоги мне.

О Господи, Дездемона…

– Помоги мне, Скриббл.

– Где ты?

– Найди меня! Как больно. Бритва…

– Где ты, Дез?

– Изысканное… – ее голос уносило прочь, в пространства Вирта.

– Изысканное? Что изысканное? Дез?

Никакого ответа. Только волны статического электричества, проходящие сквозь, волна против волны, желтое на желтом; я

слышал цвета!

– Поговори со мной, Дез! Да, блядь, не молчи, Бога ради!

– Найди дверь… странный дом…

– Что?

Голос был просто шепотом.

– Найди дверь…

– Где? Куда? – сейчас я кричал.

– Доберись до меня, Скриббл… доберись до меня…

Путь к ней умирал у меня в руках.

– Дез! Говори со мной! Говори…

Тишина.

О Дездемона. Сестренка, ох уж мне эта сестренка. Куда ты уходишь?

Я плотно, как только мог, прижал трубку к уху, но там не было ничего. Ничего. Только дурной треск на линии. И тишина в комнате.

А лепестки падают, осыпаются с циферблата, творя ковер из цветов, на который я лягу, позабыв обо всех бедах.

Обо всех моих бедах…

Кот Игрун

Калькуляторы подсчитали, что одна ночь может включать в себя только ШЕСТЬ СНОВ. Цвет есть для каждого, и для каждого есть перо. СИНИЙ – для безопасных желаний, законного сновидения. ЧЕРНЫЙ – цвет бутлег-Вирта, перья нежности и боли, колотая рана вне всяких законов. РОЗОВЫЙ – цвет Порновиртов, путь к блаженству. КРЕМОВЫЙ – цвет использованного пера, которое высосано снами. Только синие, черные и розовые перья становятся кремовыми. Производители внедряют эту способность в само оперение, чтобы ты гарантированно вернулся за новыми перьями. Ты получаешь один трип за раз. СЕРЕБРЯНЫЙ – цвет диспетчеров, разработчиков перьев – тех, кто их создает, покрывает их пленкой, делает ремиксы, открывает двери. Это инструментальные перья, и Кот Игрун собрал коллекцию, за которую и жизнь отдать не жалко. ЖЕЛТЫЙ – цвет смерти, его следует избегать при любых раскладах. Они – не для слабых. У желтых нет опции выброса. Будьте осторожны. Очень осторожны. Если ты умрешь в желтом сне, ты умрешь и в реальной жизни. Единственный путь наружу – это закончить игру.

День второй
«Хорошие сны о плохом».

С угрожающими улыбками на устах

Я взирал на мир сквозь слезы.

Мэнди и Битл вылезли из отсыревшей постели в два часа дня, и теперь сидели на кухне за поздним завтраком. Щеки Мэнди пылали как неоновая реклама. Что-то вроде: СЕКС ПОЛЕЗЕН ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ – ЗАНИМАЙТЕСЬ ИМ КАЖДЫЙ ДЕНЬ. ЭТО БЫЛО ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ. Битл был, как обычно, самим собой: волосы смазаны Вазом, прилизаны и зачесаны назад, рубашка «Питер Инглэнд» отутюжена до предела. Он тщательно побрился, и резкий аромат «Шоубиза» исходил от его кожи – так пахнут знаменитости на новогодней вечеринке. Оба выглядели свежо и сочно после приятностей секса, и я просто не мог принять это, не мог принять новую любовь. Битл чистил свой пистолет, смазывая патронник Вазом. Я так думаю – чтобы произвести впечатление на новую девушку. И это сработало.

– Он настоящий, Би? – спросила она. – Просто улет!

Ну да, разбежалась.

Пушка Битла, на самом деле, была игрушкой. Он купил ее у каких-то старых знакомых, выгодная сделка по дешевке, как он сам говорил, по причине того, что – при том, куда катился этот город – лучше подстраховаться любыми доступными способами. Битл, разумеется, никогда из нее не стрелял, да и повода ни разу не было, и протаскавшись с ней две недели, он засунул ее в какое-то потаенное место, и на этом все кончилось. Теперь же он снова извлек ее на свет божий и подлечил ее Вазом, и все – ради какой-то крутой новой уличной биксы.

Я не возражал, но Мэнди была моим открытием. Я обнаружил ее, шатаясь вокруг Крововиртовых прилавков на андеграундном рынке. Ее глаза были полны нервной дрожи и искр, когда она поглаживала перья, пробовала некоторые, просто поднося к губам, отрывалась под чарами насилия и боли. И я попал под воздействие ее чар. И предложил ей присоединиться к нам, стать Тайным Райдером. Она высмеяла название, но я по-прежнему видел потребность в компании в ее глазах. Может, я просто пытался заменить Дез самым простым и доступным способом. Может быть. Может быть, каждый из нас время от времени немного впадает в отчаяние. Может быть, легких путей просто

нет.

– Ты слышал об Икарусе, Би? – спросил я, стараясь выдерживать равнодушный тон.

Он даже не озаботился ответить – он был слишком занят, вдыхая полными легкими первоклассный Дымок. Его едкий запах погружал меня в проблески призрачного сна, и от того, что я там видел, меня пробирал озноб.

– Икарус Уинг? Мэнди тебе о нем не говорила? – Я мельком взглянул на Мэнди. Она нагребала полные ложки хлопьев «Джей Эф Кей» и отправляла их в рот – в провал между накрашенными губами. Ее глаза мертво отреагировали на мой вопрос. – Она мне сказала, что у Икаруса Уинга сегодня будет Вуду. – И опять никакого ответа от Битла. – Ты знаешь этого чувака, Икаруса, Би?

– Нет, – его голос звучал медленно и легко от Дымка.

– Нет?

– Никогда о таком не слышал.

– Ты знаешь всех, Би! Всех и каждого!

– Да что ты говоришь? – его голос стал резче.

– Ты что, издеваешься надо мной? Я...

– Иди на хуй, Скриббл!

– Би...

– Ты что, не знаешь, кто помогает тебе? У тебя какие-то проблемы? А?

Его глаза были холодными и стальными в дыму от его джойнта.

– У вас, ребята, хорошая ночка была на двоих? – Не знаю, зачем я это сказал. Просто вырвалось. Они переглянулись. И улыбнулись друг другу.

– Думаешь, Бриджит это понравится? – добавил я, прекрасно осознавая, что с Брид вполне станется выколоть Мэнди глаза пилкой для ногтей. Бог его знает, что она может сделать с Битлом. Может быть, она извергнет весь свой дым ему в голову, заставив его мозги интенсивно работать в безумном неистовстве. Это называется Теневой трах. Тоже самое, что принимать Черепно-мозговой Кал с включенным светом.

– Бриджит придется с этим смириться, – сказал Битл.

– Куда, кстати, пропала эта теневая девушка? – спросила Мэнди. В ее устах слово «теневая» прозвучало как какое-то заразное заболевание.

– Она спит в моей комнате.

– Ву, Ву, Ву! – закричала Мэнди, полная грубой жизни.

– Отлично, Стивен!

– Это не то, что ты думаешь, Би.

– Стивен? Это настоящее имя Скриббла? – засмеялась

Мэнди. – Ах, как клево!

– Да, он такой, малыш Стиви, Мэнди, – заметил Битл, прекрасно понимая, что он меня достает. – У него все не как у людей. С женщинами в особенности.

– Отвяжись, Би, – мой лучший ответ. – Меня зовут Скриббл.

– Сегодня он очень чувствительный, – съязвила Мэнди.

– Может, мы все-таки продадим пару кусочков Существа, – предложил Битл. Этого было вполне достаточно, чтобы завести меня еще больше. Я больше не мог сдерживаться.

– Ни хрена подобного, Битл. Хуй тебе на рыло!

– Да просто пару кусочков. Бумажник Тайного Райдера пуст. Я не могу ждать до следующей подмазки. Ну же, решайся, Скриббл! Руку или ногу. Или кусок его толстого брюха.

– Нам он нужен! Весь, целиком!

Я схватил Битла за руку. Мой голос напрягся;

– Ты знаешь, Би, почему. Дездемона... она...

– Большая Тварь все равно отрастит их снова. Что за потеря?

– Я в отчаянии, Би... Я... Мне кажется, Дез пытается выбраться. Она...

– О чем ты, Скриббл? – вмешалась Мэнди с набитым хлопьями ртом.

Я посмотрел на нее и отвернулся. Потом опять повернулся к Битлу. Я не знал, что им можно рассказывать, а что – нет. Нужно ли говорить им о телефоне? Боже! Битл подумает, что я спятил. Он был уверен, что Дездемона уже мертва. Телефонный звонок стал бы завершающей точкой в истории о безумии Скриббла. Черт! Может быть, я и вправду схожу с ума?! Может быть, Дездемона живет только во мне? Нет, нет. Даже не думай об этом!

– Она жива, Битл, – я приложил все усилия, чтобы голос оставался спокойным. – Я это знаю.

Теплый свет подкатил к глазам Битла.

– Как пить дать, Скрибб. Она жива. Мы найдем ее. Правильно, Мэнди?

– Еще бы!

Они просто пытались быть милыми по отношению ко мне. Я могу с этим смириться.

– Может быть, сходим к Тристану? Это тебя устроит, Скриббл? – спросил Битл.

– К какому Тристану?

– Мой старый друг. Чувак не промах. Продал мне эту пушку. Знает все то дерьмо, о котором я сам забыл. И еще больше.

– У него есть Английский Вуду?

– Он больше не занимается Виртом. Но, может быть, знает,

где его взять.

– Он, наверное, знает об Икарусе Уинге? – Ко мне вернулась надежда. По крайней мере, мы не стояли на месте. Я не хотел останавливаться, я хотел двигаться, пока еще теплилась хоть какая-то надежда. – Как ты думаешь, Би?

– Вот заодно и спросим, – улыбнулся Битл. Эта его улыбка! – А сначала мы можем проверить этого Себа, приятеля Мэнди. Ты усекаешь план, Скрибб?

Я опять подпадал под его обаяние; Битл распоряжался, и мир выглядел радужно, как куст роз.

Обязательно найдется что-то, что испортит день.

Это «что-то» обернулось кем-то, стучавшимся в нашу дверь. В дверь именно постучали. Не позвонили с первого этажа, нет... Это было нападение в ближнем бою. И шум послужил толчком для решительных действий Битла. Там, за дверью, стоял человек. Но человек бы сюда не прошел. Посторонние здесь не ходят. Квартира входила в систему внутренней охраны дома, и мимо камеры над подъездом могли пройти только жильцы. Миновать эту систему – надо было извернуться, и сделать это мог только коп. Отличный коп.

Битл активировал Джэм-режим, двигаясь, как пластинка на ускоренной записи. Первым делом он незаметно сунул пушку в карман, потом повернулся к нам и прошептал:

– Уберите отсюда этого мудозвона!

Под «этим мудозвоном» он подразумевал Существо-из-Открытого-Космоса, все еще пребывавшее глубоко в перьевых грезах на полу рядом с камином. Мы с Мэнди взялись за него с двух концов, уже со знанием дела – как ветераны, и уложили его в стенной шкаф. Вернувшись, я услышал, как Битл говорит с каким-то персонажем через дюймовую щель в двери.

– Разумеется, офицер, – говорил он. – Никаких проблем. Пожалуйста, заходите. Чувствуйте себя как дома.

Голос Битла звучал очень уверено, и, вне всяких сомнений, он уже очистил пол от всех изобличающих следов, но как они нас нашли? Может быть, коп из «Вирта на любой вкус» высветил больше информации, чем высвечивает обычно. Или коп на Плат-Филдс видел инопланетянина у нас в руках.

Коп из реала шагнула в гостиную. Настоящая, не теневая. Из плоти и крови; коллекционный экземпляр. У нее была «химия» – мелкие кудряшки. Да, определенно коллекционная вещь.

– Что здесь происходит? – спросила она.

Повисла долгая пауза. В дверях стоял напарник девицы-копа, какой-то бледный, словно присыпанный мукой, напыщенный плото-коп из ада.

– Да ничего особенного, – сказал Битл.

Оба копа смотрели на нас с угрожающими улыбками на устах.

– Хорошая у вас квартирка, – сказала главная. – Я бы хотела ее осмотреть.

– Без проблем. У вас ордер с собой?

– А мне он нужен? Мистер...?

– Битл. Я в том смысле, что как насчет неприкосновенности частной жизни.

– У нас есть причины предполагать, что вы укрываете инопланетное существо!

– Чего?

– Существо Вирта. Живой наркотик.

– Неужели?

– Вы знаете, что это строго запрещено.

– Неужели? – Битл хладнокровно подыгрывал ей.

– Просто проверка, – сказала женщина-коп, устремив взор на неиспользованное Голубое и отыгранные Кремовые перья, валявшиеся на полу.

– Самое лучшее, – сказал Битл. – Они абсолютно легальные.

– Разумеется, – сказала она. – И ничего кроме этого?

– Как вас зовут? – спросила Мэнди из ниоткуда.

Женщина-коп посмотрела прямо в глаза Мэнди.

– Я не обязана называть свое имя.

Мэнди злобно взглянула на нее – лучший образчик Крововирта. Я видел такой взгляд раньше; он заставляет испытывать страх. Но на копа он не подействовал. Никакого испуга. Никакого холодного пота. Она сохраняла спокойствие.

– Ладно, будет очень приятно с вами пообщаться, – сказал Битл.

Полицейская внимательно оглядела комнату, выискивая улики.

– Я просто вас предупреждаю. Больше не беспокойте соседей.

Ах, вот в чем дело. Любопытная сука из квартиры под нами.

– Мы постараемся, – сказал Битл.

– Слушай внимательно, малыш. Меня не так просто удовлетворить.

– Ну, это заметно.

– У тебя есть работа?

– Пока нет.

– Я, знаешь ли, не люблю выжимал; мне они как-то несимпатичны.

– Все мы не без греха.

Повисла напряженная тишина, в ходе которой Битл

попытался подавить эту женщину своим якобы неотразимым сексуальным обаянием. На нее, впрочем, оно не подействовало. Взгляды Битла отскакивали от нее, как горох от стенки, ее глаза были как тяжелый металл. Битлу повстречался достойный противник!

И тут ее молчаливый напарник рассеял чары:

– Пошли отсюда, Мердок. Ничего здесь такого нет, просто сборище никчемных детишек.

Мердок даже не посмотрела в его сторону. Она ткнула, как пистолетом, указательным пальцем в Битла.

– Я еще вернусь за тобой. Просекаешь?

– Просекаю, – хладнокровно отозвался Би.

Дверь закрылась за ними с уютным щелчком. Битл немедленно сбросил маску хладнокровного человека; достал два Джэммерса и направился прямо ко мне и Мэнди.

– И что это за дерьмо с соседями? – спросил он гневно. Его лицо перекосилось от ярости. Один длинный локон волос, избежавший прикосновений Ваза, теперь болтался перед его напудренным лицом, как ползучий побег какого-то черного растения.

– Ну так, и что за блядство здесь происходит?! – заорал он, и мы с Мэнди не могли даже смотреть друг на друга.

– Это была моя ошибка, – сказала Мэнди.

– Ну-ка, давай рассказывай, – сказал Битл.

– Нас застукали на лестнице, когда мы несли Существо, – добавил я.

– Замечательно.

– Какая-то женщина с третьего этажа, – сказала Мэнди.

– И вы его не прикрыли?

Мэнди трясло, как в лихорадке. Она посмотрела на меня.

– Ты же знаешь, что нет, Би, – решился я, молясь Господу Вирта, чтобы меня унесло прочь из этой комнаты, и я попал прямо в театр небес, где играют ангелы.

Обломись.

Битл ударил меня. По лицу. Ощущение, как удар молотком. И кстати, не слабый удар. Закаленная сталь, с рукояткой из твердой древесины.

Я убрал руку от носа, и на пальцах и на ладони была кровь.

Когда-нибудь этот чувак поплатится за все.

И он точно поплатится. Но не от моей руки.

Джэм-режим

Мы пребывали в Джэм-режиме, продираясь с резкими

гудками по глухим узким улочкам, трясясь и подскакивая в фургоне. Я, Существо, Брид и Мэнди; Битл – за рулем, заджэмованный в высшей степени. Виды южного Манчестера проносились мимо черных окон, как в плохом зарубежном кино. Битл приговорил столько Джэммерсов, что страх стал лишь скверным воспоминанием. Парень вошел в демонический трип и взял всех нас с собой.

Брид в кои-то веки проснулась и взирала на мир широко распахнутыми глазами. Будил ее я. Работа, кстати, не из легких – все равно, что будить камень, мертвую глыбу неодушевленной материи. Господи, как она на меня орала, а потом, когда полумертвый мир начал возвращаться к ней на всех парах, она возалкала крови Битла, обещая ему медленную и мучительную смерть.

Пришлось дать ей пощечину.

Она ответила пощечиной.

И было больно.

Нам обоим.

Потом я легкими тычками согнал ее вниз по лестнице к фургону и вернулся за Существом-из-Открытого-Космоса. Оно только что пришло в себя после перьевой ночи. Я бы дал ему около часа, а потом оно начнет вопить, требуя еще больше воспоминаний о своей родине. Боже! Да кто же захочет там жить?! Разумеется, перетаскивать Существо снова досталось нам с Мэнди. На этот раз мы завернули его в одеяло, и путешествие вниз по лестнице проходило, как во сне, пока не появилась Твинкль.

– Это вы, мистер Скриббл? – спросил ее звенящий голосок.

– Убирайся, малышка! – был мой ответ.

– Мистер Скриббл, это несправедливо, – отозвалась она мне в тон.

Твинкль – очаровательный голубоглазый ребенок лет десяти, со спутанными волосами, такими светлыми, что умри все живое. Я любил ее нежно, если не принимать во внимание, что она была настоящей заразой и, к тому же, слегка приставучей.

– Что там у вас в одеяле, мистер Скриббл?

– Деточка, убирайся к черту, – сказала Мэнди.

Но ребенок не унимался:

– Это инопланетянин из космоса? – спросила она.

Твинкль жила на втором этаже, ребенок в семье трех родителей: мужчины, женщины и гермафродита.

– Это просто Бриджит, – извернулся я. – Мы не можем ее разбудить.

– Не может быть. Я видела, как вы согнали Брид вниз. У вас

тут в одеяле незаконный инопланетянин.

– Да нет же, нет у нас никакого инопланетянина, – вмешалась Мэнди.

– Я его видела раньше. Я видела, как вы его тащили наверх вчера ночью. Все в доме знают.

– Послушай, Твинкль…

– Оставь ее, Скрибб, – сказала Мэнди. – Давай быстрее загрузим его в фургон.

– Я бы тоже хотела, чтобы у меня был свой собственный инопланетянин, – сказала Твинкль, а потом прозвучал вопрос, повергший меня в ужас: – А можно мне в вашу банду? Можно, а, мистер Скриббл? Можно, я буду младшим Тайным Райдером?

Она вечно меня донимала подобными просьбами.

– Нет, тебе, черт возьми, нельзя! – воскликнул я. – А теперь сгинь!

Твинкль пару секунд смотрела на меня, и медленно, шаркая ножками, побрела по коридору к двери к себе в квартиру.

Сначала Битл повез нас в Корлтон, где мы заглянули в «Вирт на любой вкус» в поисках Себа. Менеджер, тонкая, как тростинка, девушка, сказала, что Себастьян сегодня не вышел на работу, и что он, в любом случае, уже уволен – за то, что навел на них копов, – а поскольку «Вирт на любой вкус» – компания миролюбивая, такого рода сотрудник просто не вписывается в их представления об успешном бизнесе. Она дала нам его адрес из базы данных, и мы погнали фургон в Уэст-Дидсбери, но оказалось, что Себа там тоже нет, и что он не возвращался домой со вчерашнего вечера. Бледный и прыщеватый юнец, открывший нам дверь, сказал, что понятия не имеет, где сейчас Себ, и какого черта, вообще, мы его беспокоим, дескать он не пасет своего сожителя.

Потом мы мчались по Принцесс Роуд, в Боттлтаун к Тристану, напрочь позабыв о плохом сне с Мердок и копами. Может быть, все не так плохо, как кажется. Во всяком случае, на мой скромный взгляд. Просто тупая легавая в излишнем служебном рвении, ищущая, где бы сцапать каких-нибудь простаков. Битл, однако, думал по-другому.

– Эта сука, Мердок, вернется, как пить дать, – заметил он с водительского сиденья. – У нее взгляд такой был… голодный. Можете не сомневаться. Ты раньше бывала в Бутылке, Мэнди?

– Нет.

– Тебе понравится. Здесь по-настоящему стремно…

– Битл, ты подонок, – вдруг заявила Бриджит.

– Такова жизнь, – отозвался он.

– Я тебя слышала вчера ночью.

– А я-то старался не слишком шуметь. А то могло было быть и хуже.

Брид бросила на Мэнди убийственный, как пуля, взгляд.

– Эта девушка хорошо поет. По-настоящему хорошо, – сказал Битл.

Я подумал, что Брид тут же вырвет Мэнди глаза, но фургон петлял, как ракета под метеоритным дождем в космическом пространстве, и Би вел его, как маньяк. Он намеренно отклонился от курса, вильнув в сторону какой-то старой калоши на инвалидных ходунках. Старуха пронзительно завизжала. Битл миновал ее, едва не размазав по асфальту, и круто заложил влево на Принцесс-Роуд.

– Господи Боже, Би! – прорычала Брид с пола.

Мы снова расселись по местам, и Мэнди спряталась за последним номером «Кота Игруна». Она проходила своего рода экстерный курс домашнего обучения, и, вне всяких сомнений, пыталась закрутить с Битлом что-то серьезное. Без шансов, крошка. Он – магазин закрытый и запертый на все замки. Очень скоро ты это поймешь, очень скоро. Есть вещи, которые просто не выскажешь, сидя в переполненном ржавом гробу на колесах, несущемся по направлению к Боттлтауну.

– Я смотрю на тебя, – сказала Брид, сверля Мэнди тяжелым взглядом.

Мэнди упорно ее игнорировала, скрывая лицо за журналом.

– Мы едем прямо в Бутылку, Би? – спросила она.

– Точно так, детка. Прямо в Бутылку.

– К Тристану?

– К нему.

– За Английским Вуду? – Мэнди выдавала всю информацию, которой не владела Бриджит.

– Верно, детка.

– Я выяснила насчет Икаруса Уинга, – сообщила Мэнди, напыщенная, как сутенер.

– Это мой фургон, сука, – фыркнула Брид и добавила: – Убирайся отсюда на хуй!

– Извините, – ответила Мэнди, опуская «Кота Игруна», – но в данный момент это транспортное средство идет на довольно высокой скорости.

– Я знаю, о чем ты думаешь.

Мэнди занервничала, но лишь на мгновение. Стрельнула глазами в сторону Битла и снова возрилась на Брид. Брид изобразила свой лучший дымный взгляд.

– Это хорошо, что ты знаешь, – сказала Мэнди, храбро встречая этот взгляд. – Битл чувствует тоже самое. – Битл ничего

не сказал. Вот тебе, новенькая, замечательный шанс получше узнать этого человека. – Может, теперь ты оставишь нас в покое. – Морщина боли, как шрам, пересекла лоб Мэнди. Вот так оно и начинается. Капли пота стекали по ее лицу. Ее губы сжались. – Битл! – в ее голосе появились соответствующие интонации. Боже! Брид начала Теневой трах! Мэнди сжала руками голову, ее лицо перекосило от боли. – Битл!!! Что она делает?! Помоги мне!!!!

– Брид! – закричал я. – Оставь ее в покое!

Безрезультатно.

– Битл!!!

Битл даже не обернулся, чтобы посмотреть на спектакль. Возможно, он знал, как далеко может зайти Бриджит, чтобы дать понять Мэнди, что конкретно она имеет в виду. Да, наверное.

– Отъебись от меня! Уебищная теневая сука!!!

Бриджит улыбалась.

– Знаешь такую пословицу, новенькая. Чистый значит бедный...

Мэнди бросилась на нее, выпустив коготки, но споткнулась о Существо, которое все еще было слишком обдолбано перьями, чтобы о чем-либо волноваться. Закончилось тем, что две девушки сцепились на полу, и Существо присоединилось к ним, его щупальца дрожали; вне всяких сомнений, оно приняло эту драку за продолжение виртовой грезы, которой оно по-прежнему наслаждалось.

Я взирал на эту кучу-малу и думал: почему жизнь вот такая? Почему, блядь, она вот такая, жизнь?!

Битл вырулил на Мосс-Лейн-Ист.

Брид с Мэнди перекатились через Существо и вошли в клинч. Я не мог сказать ничего путного, но тут, наконец, вступил Битл:

– Прекратите там это блядство. Мы уже приехали.

Битл поставил фургон на парковочное место, обозначенное знаком «НЕТ ХОДУ». На Джэммер было плевать. Фургон встряхнуло под отвратный скрежет тормозов, и он резко остановился, отбросив Мэнди и Брид обратно в объятия Существа. Шесть щупалец обернулись вокруг Бриджит. Это было любовное объятие. Мэнди с трудом выбралась из этой свалки, тяжело дыша.

– К черту все! К черту! Мне это просто не нужно! О"кей?

Битл обернулся и посмотрел на обеих женщин.

– Моя постель тепла и широка, – сказал он, – а жизнь коротка. Понятно?

– Понятно, – сказала Мэнди.

Брид ничего не сказала. Ее глаза закрылись, встречая сладостную боль. Она погружалась все глубже в обволакивающее

тело Существа, черпая утешение из его мрачных теней.

Битл, еще больше скривившись, повел головой и искоса посмотрел на меня.

– Пошли, Скриббл. – И тут он увидел то самое выражение в моих глазах. – Боишься?

– Нет.

– Вообще-то, ты должен бояться. Чистые в Бутылку не ходят.

– Я жду. Пошли.

– Выбора нет. Понимаешь, о чем я, Скрибб?

Конечно. Иногда у тебя просто нет выбора. Даже, если ты чист, как дождь, и твоя жизнь – лишь слюнявый поцелуй на стекле. И Существо говорило со мной:

– Кхаси! Кха, кха! Кхаси, Кха! – Не оставляйте меня здесь одного. Что-то вроде того.

– Нельзя брать с собой Существо, – сказал я. – Слишком опасно. Нам оно очень нужно. Кому-то придется остаться.

– Правильно, Скрибб. Вот ты и останешься.

– Битл!

– Выбора нет.

– Это мой трип, Би. Я знаю, зачем мы здесь.

– А я знаю это место. Час твоей битвы еще не пробил, Скрибб.

Мэнди открыла задние двери.

– Давай сделаем это, Би!

Битл повернулся к Бриджит. Она лежала в объятиях инопланетянина.

– Ты ничего не хочешь мне сказать, Брид? – В его голосе было чувство. Может быть, даже нежность. Совсем чуть-чуть. Бриджит слегка приподняла сонную голову из щупалец Существа.

– Это твоя игра, Битл, – ее голос был глубоко затенен. И тут я врубился. Она не говорила, она просто думала! Я поднялся и встал между ними.

Битл ответил шепотом:

– Да, все правильно. Это моя игра.

Вот так оно все и произошло. Их последние слова, обращенные друг к другу.

Битл вышел из фургончика и подошел к задним дверям, где его ждала Мэнди. Просунув голову внутрь, он сказал мне:

– На этот раз тебе быть на шухере. – Он помолчал и вдруг добавил, немного понизив голос. – Я для тебя это делаю, Скриббл. Помнишь?

– Помню-помню.

– И для Дездемоны…

Я помню.

Битл и Мэнди идут по дорожке, усыпанной стеклом.

Послеполуденный шум в приоткрытом окне.

Спектр цветов, излучаемых солнцем, ярко сверкающим над высотками. Свет преломляется сквозь влагу, висящую в атмосфере.

Дрожащее марево в воздухе.

Миллионы кусочков солнца светятся на тротуаре.

Битл и Мэнди исчезают в радужном мираже.

Я старался следить за ними как можно пристальней, перебравшись на переднее сиденье для лучшего обзора. Повсюду – кристально острые осколки разбитых бутылок: винных бутылок, пивных бутылок и бутылок из-под джина, – они ловили и увеличивали каждый рассеянный луч манчестерского света. Весь Боттлтаун, от торгового центра до жилых многоэтажек, блестел и искрился, как разбитое зеркало самой яркой звезды. Такова красота в центре города слез. В Боттлтауне даже слезы мерцают, как драгоценные камни.

Я знал, что у Битла был дар замечать красоту даже в уродстве. Просто я больше привык к уродству, наблюдая его каждый день в жестоких зеркалах и в зеркалах женских глаз.

Боттлтаун существовет всего лет десять или около того. Своего рода урбанистическая мечта. Когда все только начиналось, здравомыслящие и благопристойные семьи быстренько выехали отсюда, и им на замену приехали молодые и апатичные, а потом появились черные, робо-бродяги, теневые готы и студенты. Впрочем, студенты быстро убрались прочь, на задних сиденьях папашиных и мамашиных мобилей, жалуясь на разгул преступности: кражи со взломом, разбой и чего похуже. Очень скоро выехали и черные, оставив это место нечистым – гибридам, которым вообще все едино. Спустя примерно год муниципалитет открыл здесь пару пунктов по приему стеклотары, один – для белых бутылок, другой – для зеленых. Хорошие милые люди из отдаленных районов приезжали сюда, прямо на край помойки, с целью сбросить свои свидетельства о чрезмерном потреблении алкоголя. Муниципалитет прекратил вывозить бутылки с приемных пунктов, и всякий, кто приходил туда, должен был тонуть в русле боли, просто чтобы добраться до старых-добрых времен.

Приемники были уже заполнены и переполнены, но люди по-прежнему приходили и разбивали бутылки о мостовую, на ступеньках и лестничных площадках. Вот так заполняется мир. Черепок за черепком, осколок за осколком, пока все это место не

превратилось в своеобразный блестящий дворец, острый и болезненный при прикосновении.

На одной из ближайших стен кто-то нацарапал слова: «чистый значит бедный». Я наблюдал за тем, как Битл и Мэнди поднимаются вверх по лестнице, друг за другом, направляясь на пятый этаж. Они то скрывались из вида, то опять появлялись, по мере того как выходили на очередную лестничную площадку. Эта ритмичная картинка меня убаюкивала. Вот я их вижу, буквально мгновение, как они проходят по четвертому лестничному пролету, потом они исчезают, и я впиваюсь глазами в следующую лестничную площадку и жду.

Жду.

Жду.

Жду, когда они снова появятся.

Прошло несколько минут. Ничего. И тут я увидел, как Мэнди несется по коридору пятого этажа, а за ней следом бежит какой-то незнакомец.

В считанные секунды я выскочил из фургона. Битое стекло врезалось мне в ноги, даже через кроссовки, и я помчался ко входу в здание. Лифт не работал, да и чему удивляться? Я бросился на лестницу, перепрыгивая через три ступеньки, и уже слышал крики Мэнди, даже на таком расстоянии; оружия у меня не было, ни ствола, ни ножа, только – две слабые руки и две ноги, с трудом поднимающиеся по лестнице.

Третья площадка.

Ускоряюсь вперед – наверх.

Навстречу шуму.

Вваливаюсь на площадку четвертого этажа – дыхалка уже не работает, пот течет с меня градом. Давай! Давай же, козел! Дальше, вверх!

Следующие ступеньки. Теперь я слышу голос Битла, выкрикивающий угрозы. Я почти ничего не вижу, свет меркнет, глаза залиты потом, и в венах быстро пульсирует кровь. Я бежал, преодолевая свои ощущения, борясь с самим собой, пытаясь найти в себе храбрость, и моя левая лодыжка ныла пронизывающей тупой болью. Только, пожалуйста, не теперь, старая рана.

Шум драки прямо у лестничной клетки, и мне удалось сдержать свой порыв. Я отшатнулся назад, холодея от страха.

Трах! Мое тело ударилось в двери лифта, и вжалось там в тень.

Я быстро заглянул за угол и сразу же оценил ситуацию. Битл лежал на полу, судорожно закрывая руками голову. Трое мужчин пинали его ногами – в голову, грудь и спину. Все они выглядели

одинаково – в кошмарном облике дружелюбной смерти, столь популярном у молодых робоготов. Их пластиковые кости гордо просвечивали сквозь плотно натянутую, бледную кожу. Ими руководила какая-то женщина. От нее исходил густой дым, темные клубы тумана, поднимающиеся от ее кожи, в точности как у Бриджит, когда она злилась и выходила из себя. Теневой гот! Голос Мэнди эхом разносился по коридору – все проклятия и ругательства молодых и сильных. Потом она появилась в поле моего зрения, ее волокли еще два робогота. Она отчаянно отбрыкивалась и царапалась, вонзаясь ногтями в их плоть. Никакого толка; эта робоплоть уже давно мертва к ощущениям. На мой скромный взгляд, как-то уж слишком много их развелось, живых бутлегов Вирта Теневого Лечения. Глаза женщины были скрыты за черными паутинами, и она распевала мрачную литанию: чистый значит бедный! Убей чистого! Мэнди заорала от боли, когда готы грохнули ее об стену и прижали, не давая пошевелиться. Теневая готка склонилась к ее лицу. По-моему, Мэнди прямо-таки напрашивались на очередной Теневой трах, потому что первое, что она сделала, это плюнула большим сгустком слюны прямо в лицо теневой готке.

Битл и Мэнди все еще боролись там, на ступеньках, и все, что я мог, это скрываться в тени мертвой шахты лифта, сдерживая побуждение бежать, вырваться отсюда, а ведь это был никакой не театр, никакой не перьевой трип. Настоящая жизнь, как Желтые Перья, не имела опции выброса. Вот почему они так похожи.

Спрятаться негде, даже в тени.

Скользящий шум у меня под ногами.

Теневая готка не отреагировала на слюну, которая заляпала ее щеку.

– У меня ощущение, – сказала она. Сперва я подумал, что она говорит про себя, про свое ощущение силы, и только потом въехал, в чем дело.

Теневая готка слышала мои мысли! Боже! Должно быть, лютая у девушки тень, раз она ловит мысли из-за угла, в кромешной темноте.

Шуршание у меня под ногами, и моя травмированная лодыжка воззвала ко мне, из глубин прошедших лет, тяжелым сосредоточием боли.

– У меня ощущение, мои братья, – продолжила Теневая готка. – Я чувствую еще одного чистого. Он уже рядом!

Я наблюдал за ними из своего убежища, вжимаясь в темноту. Их робо-глаза вспыхивали красным светом, а полные дыма глаза теневой готки смотрели мне прямо в душу и видели там страх. Шуршание стало настолько громким, что мне пришлось взглянуть

вниз. Змея снов! Фиолетовые и зеленые чешуйки. Змея, ищущая мою рану!

Должно быть, от страха и паники у меня голова пошла кругом, и я вдруг представил, как я хватаю шипы зубами и выплевываю, сломанные с треском надвое, как я поднимаю молоток на длинной ручке против Гвоздострелков-тяжеловесов! Черт! Как же мне хорошо! Я принимал это Синее низшего уровня несколько лет назад, но тут приход грянул снова, причем абсолютно безперьевой! Вирт начинал Шип-Атаку, и обычно я заканчивал в полной отключке от шипов, по одному в каждом глазу, но сейчас мне было хорошо! Так хорошо, что я готов был бросить вызов целому миру, и особенно – какой-то худосочной дымовой девице и ее ржавым робо-мудвинам.

Я выступил из тени на свет, одновременно долбанув змею ногой. Она приземлилась где-то в четырех футах от меня, прямо под ногами одного из робоготов. Он отскочил от змеи, потерял равновесие и рухнул. На полу он смотрелся, как ненужная рухлядь.

Это я, Скриббл, Герой Шип-Атаки, идущий на выручку.

Псих ненормальный.

Змея поблекла от Шиповой силы моего удара, но где-то между этим великим подвигом и началом драки Вирт улетучился, и я почувствовал отдаленную боль, и только потом осознал, что это была моя скула. Кулак, подобный железу, врезался в нее со всей дури, а следом – второй, в левый глаз, и я свалился на пол и подумал: Это не я! Я не такой! Последний раз, когда я дрался, мне было тринадцать лет. Я дрался с отцом и был жестоко избит. Я обхватил голову руками – в детстве меня так обнимала мама. Украдкой я бросил взгляд между раздвинутыми указательным и большим пальцами и увидел, что надо мной стоит теневая готка. Эта порочная красота целилась прямо мне в зубы. Господи, как больно! Это была настоящая жизнь, какой-то безмазовый срез реальности, и болело, как от ножевого удара, и даже сильнее, потому что стеклянные осколки врезались мне в кожу, когда я вжался в пол в поисках спасения.

Поиски не увенчались успехом.

Ее тяжелый ботинок на манке изготовился было для следующего удара, и я думал: Все, чего я хочу, это быть в Вирте. Остаться в Вирте навсегда. Жизнь – для меня это слишком. Я не могу терпеть боль!

Удара, однако, не последовало.

Раздался резкий крик боли, и тяжелый грохот. Причем, кричал явно не я! Я перекатился в сидячее положение. Сквозь кровавую пелену я увидел, как Мэнди дергает готскую девицу

назад, подальше от моего хрупкого тела. Двое из робоготов зализывали болезненные раны. И, доложу вам, именно тогда я полюбил эту девушку на всю жизнь и пожелал ей абсолютного счастья. Навсегда. Битл крепко схватил первую подвернувшуюся под руку лодыжку. Он дернул изо всех сил, и я услышал, как трещат и ломаются пластиковые кости. Я снова встал на ноги, и битва возобновилась.

Теневая готка достала нож.

Лезвие улавливало фрагменты цвета, когда оно двигалось взад-вперед в руках этой женщины в коридоре, усыпанном разбитым стеклом.

Мэнди отскочила от ножа.

Отчаянным рывком Битл дернул ногу робогота вверх, и печальный мудак свалился, ударившись о кирпичную стену. Теневая готка взмахнула ножом и повернулась к Битлу. Он рассмеялся. Она ринулась на него и всадила нож ему в живот, слева. Он упал: рот открыт, глаза навыкате, – и схватился за рану обеими руками. Мэнди двинулась на Теневую. А эта новенькая, оказывается, крутая. Лезвие описало обратный круг дугой разноцветных отблесков. Мэнди подалась в сторону от ножа, и все было бы хорошо, если бы сзади ее не ждал робогот. Он обхватил ее обеими руками и дернул назад. Теневая готка приблизилась, подставив нож к горлу Мэнди. Битл тяжело осел на пол у стены, и я остался единственным, кто мог спасти ситуацию.

– Эй вы, ублюдки! – крикнул я. Во всяком случае, попытался крикнуть. Мой голос ослаб от борьбы. – Оставьте в покое моих друзей!

Ничего себе! Наверное, если тебя достаточно разозлить, ты можешь сказать, что угодно.

Теневая рассмеялась. Ее робо-напарники уже оклемались. Они обступили нас кругом. Теневая готка повернулась в мою сторону, посмотрела на меня из-под полуопущенных ресниц, и я вдруг почувствовал, как ее пальцы проникли мне в мозг и раздирают его на части. Теневой трах!

Больше всего мне сейчас хотелось, чтобы где-нибудь рядом включился Теневой коп. Даже вопреки тому, что это была Бутылка, а следовательно – зона «Нет ходу копам».

– Игра закончена, малыш, – сказала Теневая.

Ох, блядь. Игра закончена.

И тут открылась дверь. В двух квартирах от места побоища. На площадку вышел человек. Мужчина. У него были длинные сальные волосы, очень тяжелые и густые, и он вышел прямо на площадку.

Чувак был просто великолепен.

Он вел собаку на длинном поводке. Она рванулась вперед, свирепо оскалив пасть, что-то схватила с пола – заблудшую змею снов, – и проглотила ее, громко чавкнув.

Готы уставились на белого парня с волосами, напоминавшими джунгли, и собаку, возникшую словно из ада.

– Тристан! Дружище! – возопил лежавший у стены Битл.

– Повеселились, и хватит, – сказал джунглеволосый.

У него был дробовик, заряженный и готовый к бою. И собака.

Заряженная и готовая к бою.

Конец дискуссии.

Травяная дымка

Воздух в комнате был тяжелым и спертым из-за Дымка. И из-за джунглей волос.

Мы все были живы и здоровы, и сидели в квартире номер 407, у Тристана. Его подружка, Сьюз, промыла наши раны каким-то травяным концентратом. От него пахло, как от перезрелого фрукта, но на вкус он был как вино, и его прикосновение к нашим царапинам и порезам было как прикосновение мягкой руки. В динамиках на системе Тристана «Tyrannosaurus Rex» пели что-то о свете волшебной луны, и было слышно, как за стеной воют собаки.

Над камином висели в ряд содранные кожи змей снов.

Тристан поставил свой дробовик у двери, просто на всякий случай. Теперь он помешивал какую-то летальную стряпню в керамическом горшке. Сьюз бросила туда какие-то семена. Из горшка поднялось густое облако дыма, и запах был просто дивным.

– Что эта за готка такая была, мать ее? – спросил Битл.

– Вдохните-ка вот этой штуки, мои красавчики, – заявил Тристан. И мы вдохнули на полную, в то время как голубой с красноватым отливом туман заполнил всю комнату. И почти сразу же я оказался в раю, ко мне прикасались ангелы, меня ласкали духи.

– Кто эта женщина? – спросил Битл еще раз.

– Тебя это так заедает, Битл? – отозвался Тристан. – Битла избила женщина?

И может быть, так оно и было; крутой хардкор-чувак был уязвлен до глубины души и, к тому же, изрядно потрепан. Сьюз задрала его рубашку, вытащив ее из джинсов, и приложила к его порезу мягкую примочку.

– Скажи мне! Кто она? Мне надо знать.

– Ее называют Нимб, – сказала Сьюз.

– Нимб – теневая девушка высшего уровня, – добавил Тристан.

– Она просто туман, Трист, – заметила Сьюз.

– Она и в подметки тебе не годится, моя любовь, – сказал Тристан, перебирая пальцами дым, поднимавшийся густыми волнами из банок с травой. И это была чистая правда. Сьюзи была необыкновенно красивой, но это была тревожная красота. Ее взгляд был холодный, спокойный и безмятежный, словно она пережила что-то очень плохое, но теперь это все осталось позади, на другой стороне. Ее глаза проникали в самую душу; в них было мягкое золотое свечение. Эти глаза, эти волосы... эта женщина волновала меня. А может быть, это все из-за дыма. Сквозь дымку я видел, что Мэнди растянулась плашмя на полу, обнимая собаку. И собака тоже ее обнимала, всеми четырьмя лапами.

– Большой у тебя рододог, Тристан, – сказал Битл.

– Карли? Он еще просто щенок, – ответил Тристан.

Щенок?! Да это самая здоровенная псина, которую я когда-либо видел!

Сьюз что-то говорила. Я уловил в тумане обрывок фразы.

– Хороший трофей, Битл. – Она восхищалась змеиной головой, присобаченной к отвороту куртки Би. – У нас здесь нету проблем со змеями. Из-за собак.

– Да! Эта собака, она молодчина! – отметил Битл.

– Что привело тебя к нам сюда, Битл? – спросил Тристан.

– А что же еще, Тристан? Наркотики.

– Какого рода? Есть замечательный Мексиканский Дымок. Сейчас мы его и вдыхаем.

– Мне нужен хороший Вирт, мой друг.

– Ты же знаешь, на самом деле, это не мой трип. Сейчас уже нет. Я теперь занимаюсь естественными веществами. А Вирт – не естественный.

– Мы ищем Английский Вуду.

Тристан внезапно затих и потянул себя за волосы. Сьюз почувствовала рывок и ответила тем же образом, дергая косы, что вплелись в его волосы. Они были, что называется, «не разлей вода», и прическа у них была одинаковая. Вернее, как бы одна на двоих – шесть футов густых переплетенных волос, простиравшихся между ними, и ты уже не различал, где заканчивается одна копна и начинается другая. За несколько лет их волосы перепутались, и перепутались так сильно, так что разъединение стало бы немыслимой пыткой. Они шагали по миру вместе, не далее, чем в шести футах друг от друга. Вот такая любовь для тебя.

– Ты хочешь Английский Вуду? – переспросил Тристан.

– Ты знаешь, где его можно достать? – сказал Битл.

– Нет. Понятия не имею.

– Правда?

– Я отошел от дел. Причем, быстро. Мне не нравится этот продукт. Это не естественно.

– Но у тебя есть хоть что-то? – спросил я, стряхнув с себя оцепенение.

– Я же сказал, вполне определенно. Я больше не употребляю Вирт. Поставил на этом точку. И могу ли я предположить, молодой человек... – Тристан уставился прямо на меня, – ... что тебе самому лучше тоже держаться подальше от этого вещества. Это убийца.

– Ты знаешь Икаруса Уинга? – не унимался я.

– Что это? Какое-то новое перо-убийца? Господи, они никогда не остановятся.

– Нет. Это человек. Так зовут одного человека. Он продает перья.

– Как я уже говорил, с перьями я уже не работаю.

Сьюз сделалась молчаливой. Она добавила в горшок какие-то новые травы. Дымный дух свежего варева распространился по комнате.

– В память о старых-добрых временах, Тристи, – сказал Битл.

– Для тебя это так много значит? – отозвался Тристан.

– Мы кое-кого потеряли. В Вирте.

Тристан опять замолчал. И когда он заговорил, то сказал только:

– Это напрасная трата времени, Би.

– У тебя, правда, нет никакого Вуду, Тристан? – спросил Битл.

Ответ Тристана был едва слышным шепотом:

– Когда-то давно. Очень-очень давно.

– Просто любопытно.

– Ничего любопытного, Би. Английский Вуду – полная хуйня. И до добра не доводит.

Для меня это было уже чересчур.

– Мы потеряли стоящего человека, – заметил я. – Дездемону.

– Кто такая Дездемона? – спросила Сьюз.

– Сестра Скриббла, – ответил Битл. – Мы потеряли ее. В Вуду.

– Ага, ага, я врубаюсь, – сказал Тристан. – Обратная перекачка. Это не сработает, Битл. Я ни разу не слышал, чтобы у кого-нибудь получилось.

– У Скриббла трип-миссия, – сказал Битл. – Но мы всегда вместе, и в Вирте тоже. Он поставил себе целью найти ее. И ради этого он готов на все. Правда, Скрибб?

Тристан и Сьюз переглянулись. Я смотрел на их волосы, которые были, как река, струящаяся от одного к другому.

– В Английский Вуду пойдет только законченный идиот, – заявила Сьюз. Она смотрела прямо на меня. Робо-щенок подошел ко мне вплотную и стал обизывать мое лицо. Я делал все, чтобы ему помешать, но он продолжал лизать. – Ты понравился Карли, – добавила Сьюз. К тому времени я был уже весь обслюнявлен, так что спорить не мог. – Расскажи нам, – попросила она, и что-то в ее голосе зацепило меня, какое-то странное узнавание. Словно я знал ее долгие годы, хотя мы и не были с ней знакомы. Что это было за чувство?

– Давай ты рассказывай, Скрибб, – сказал мне Битл. – Ты знаешь лучше меня.

И я рассказал им все.

Все, что было. А было так...

Кот Игрун

МЕХАНИЗМЫ ОБМЕНА. Иногда мы теряем дорогие нам вещи и драгоценных для нас людей. Друзей и коллег, таких же, как мы, путешественников по Вирту – иногда мы их теряем; а иногда мы теряем даже любимых. Мы теряем хорошее, а в обмен получаем плохое: инопланетян, всякие нехорошие предметы, змей, и иногда даже смерть. То, чего нам не надо. То, чего мы не хотим. Это – часть сделки, часть игровой сделки; равновесие между вещами во всех мирах должно сохраняться. Котятки часто спрашивают, кто решает о перекачках обмена? Так вот, одни говорят, что все происходит случайно, что какое-то бедное существо Вирта находится слишком близко от двери в крайне определяющее время, когда потеряно что-то реальное. Вжжих – свист рассекаемого воздуха! Перекачка! Другие считают, что МЕХАНИЗМАМИ ОБМЕНА управляет своего рода надсмотрщик, который своим произволом решает судьбу невинных. Кот Игрун может лишь поддразнить, потому что большие секреты вовлечены в этот процесс, и еще потому, что у нас с тобой разные уровни, дорогой читатель. Эй, послушай! Я боролся за то, чтобы стать тем, кто я есть сейчас; почему я должен давать тебе легкое направление? Продолжайте работать, мои котятки! Стремитесь ввысь. Работайте с Виртом.

Просто помните правило Хобарта: R = V + или – H, где R – реал, V– Вирт, а H – постоянная Хобарта. На обычном языке: любой данный срез реальности может быть заменен только эквивалентным по ценности срезом Вира, плюс-минус 0,267125 оригинальной ценности. Да, мои котятки, речь идет не о весе, или

объеме, или площади поверхности. Речь идет о ценности, о том, как много стоит потерянный в высшей схеме вещей. Обратная перекачка возможна, но обмен совершается только тогда, когда разница в ценности обмениваемых объектов лежит в пределах постоянной Хобарта. Око за око, если берешь, то отдай те же 0,267125.

Мы пали ниц у ног богини Вирта, и мы должны быть готовы совершить жертвоприношение. Вы, разумеется, захотите вернуть их обратно, ваших потерянных и одиноких. Вы будете плакать по ним в темные и пустые ночи. Обратная перекачка возможна, но этот путь сложен из острых ножей, запечатанных дверей и тропок, усыпанных битым стеклом. Только сильный способен ее совершить. Слушайте. Будьте осторожны. Будьте очень-очень осторожны. Я вас предупредил.

И это предупреждение исходит из самого сердца.

Промывая дреды

Брат и сестра возвращаются из клуба домой пешком: без машины, последний автобус давно ушел, на Икс-кэб денег нет. Мы были на полпути вниз по Уимслоу-роуд, когда услышали крик. Кричала женщина, и мы рванули туда, прямиком в драку.

Какой-то черный парень схватил женщину и тряс ее. Она истошно кричала, обратив перекошенное лицо в сторону потока безразличного транспорта.

– Отстань от меня! Мне больно! Он меня бьет! Уберите его от меня!

– Надо это остановить, – сказала Дездемона.

– Что?

– Я думаю, мы должны что-то сделать.

Вот, черт, ну и удружила, сестренка.

– Что здесь происходит? – спросил я, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос звучал холодно и тяжело. Старания успехом не увенчались.

– Мы нашли эту женщину в невменяемом состоянии, приятель, – сказал черный парень. – Мы просто проезжали мимо.

Его машина была припаркована чуть впереди, на въезде на маленькую дорожку, одно колесо возвышалось над тротуаром. Другой чувак, белый, сидел, сгорбившись, на водительском сиденье. На заднем сидела какая-то женщина, и она, похоже, тащилась под наркотой, ну вы просекаете: раскачивалась взад–вперед, как жертва, загипнотизированная змеей.

– Она вопила у дороги, – сказал черный. – Просто вопила… вы понимаете?

– Он врет, – заявила Дездемона, и это точно был не комплимент.

– Я, мать твою, не вру!

– Так что здесь все-таки происходит? – спросил я, по-прежнему дрожа. Я не хотел ни во что ввязываться, я спросил, чтобы как-то поддержать сестру.

– Я всего лишь пытался помочь, – начал он, но, похоже, мы уже довели его до белого каления, потому что именно в этот момент женщина вырвалась у него из рук. Она выбежала на дорогу, прямо под колеса приближающейся машины. Машина резко затормозила, колеса с визгом заскользили по мостовой. Хорошее вождение, но не настолько хорошее. Машина все-таки сбила женщину. Даже не так: на самом деле, женщина ударилась о машину, бросившись на нее всем телом. Она упала лицом на дегтебетон и пролежала так, может быть, две секунды. Потом она распрямилась, как пружина, и принялась стучать кулаками по медленно проезжавшим мимо другим автомобилям, из которых выглядывали испуганные лица.

– Помогите мне! Помогите! – вопила она.

Никто не остановился. Да кто, черт возьми, остановится в наше время?

Водители проезжавших мимо автомобилей смотрели на меня так, как будто я был тут главным злодеем. Я себя чувствовал как-то странно. Бывают такие моменты, и когда ты их переживаешь, ты думаешь, что запомнишь их навсегда, но потом они ускользают из памяти, и ты про них даже не вспоминаешь. Пока не настанет такой день, когда тебе ничего не останется делать, кроме как копаться в своих воспоминаниях, потому что тебе больше негде жить, как только в этих воспоминаниях.

Было раннее утро, воздух был прозрачный и влажный, и до восхода солнца оставались считанные часы.

Кричащая женщина была уже довольно далеко, она почти исчезла в следующем потоке огней. Я слышал, как тормозят машины, перекрывая ее истошные крики.

Черный так и стоял на месте, переминаясь с ноги на ногу, накапливая нарастающий гнев. Белый парень невозмутимо сидел в машине, жуя жевачку.

Дездемона открыла заднюю дверь и залезла в машину. Теперь она решила помочь раскачивающейся девице.

– Мне кажется, надо вызвать полицию, Скрибб, – сказала Дездемона с заднего сиденья. – Девушке совсем плохо. Она обдолбалась какими-то перьями. Я не могу ее сдвинуть с места.

Полицию? Я никогда в жизни не вызывал полицию.

– Не надо нам никаких копов, – вмешался черный,

двинувшись в мою сторону. Он сжимал кулаки, и у него был тот самый взгляд, который бывает у человека, уверенного, что причинить боль другому – это удовольствие.

Я подался назад к машине.

– Эти парни плохо с тобой обращаются? – услышал я вопрос Дездемоны.

Никакого ответа от девушки в коматозном состоянии. Но та, другая, что на дороге, в любом случае, орала за них обоих.

– Дез? – прошептал я, пытаясь привлечь ее внимание. Сестра не отвечала, поэтому я быстро повернулся, намереваясь вытащить ее из машины. Но она не обращала на меня внимания; она была занята – обыскивала сумочку той девушки.

– Что ты делаешь, сестренка? – спросил я.

– Ищу адрес. По-моему, эти парни ее используют.

– Эка важность, сестренка. Тут уже есть один плохой парень.

– Не подпускай его, Скрибб! – закричала сестра.

Ну, спасибо тебе большое. И как я должен его удерживать?

Черный парень приблизился уже практически вплотную, размахивая кулаками в опасной близости от моего беззащитного лица.

В отдалении послышался вой полицейской сирены.

Кулаки тут же разжались.

Иногда бывают такие моменты, когда ты прямо обожаешь копов, несмотря на тот факт, что они повредили некоторым из твоих друзей. Потому что иногда, по чистой случайности, они появляются в нужном месте и в нужное время. И вот тогда ты готов их возлюбить всей душой.

Сирена пронзительно завывала. И черный шагнул назад. Всего лишь маленький шажок. Но потом – еще шаг, и еще.

А потом он побежал. Прочь!

Белый парень завел двигатель.

Дездемона была наполовину внутри, наполовину снаружи машины.

– Я кое-что нашла! – закричала она.

Машина рванулась с места, и Дез швырнуло на тротуар. Сирена разорвала мой мозг на части, когда полицейский фургон резко, с пронзительным визгом, затормозил напротив этой тачки, перекрыв ей дорогу к бегству.

И хотя сестра лежала на земле, и ей, очевидно, было очень больно, и солнце еще не взошло и не думало всходить, я все-таки разглядел, что она что-то сжимает в руке. Мертвой хваткой. Это было перо, мелькнувшее в воздухе желтым, когда Дез убирала его в карман.

Что ты нашла? Что ты нашла, дорогая сестренка? Наверное,

что-нибудь по-настоящему замечательное.

Если бы я тогда знал. Если бы только я знал.

Сьюз и Тристан мыли волосы – свои общие спутанные волосы. И слушали мой рассказ.

Мэнди снова проснулась и сидела на полу, играя с большим щенком. Меня кое-что смущало в теле этого рободога; а именно – то, как его пластиковые кости просвечивали сквозь туго натянутую плоть, выпирая из грудной клетки. Сьюз называла собаку Карли и говорила, что это «она».

Битл посасывал демоническую бонг-трубку, его взгляд уносило к другим мирам, а вода лопалась пузырьками в Дымке.

Я застыл в кресле, словно в ловушке, убитый дымом, очарованный ритуалом.

Сьюз лила воду на их перепутанные косички. Добавляла в воду какие-то травы, смешивала скользкую мыльную пену с крепким запахом, который блестел на свету. Впечатление было как раз такое, что его можно увидеть – запах, – и он блестит. Этим мыльным раствором она промывала все косы по очереди, от корней ее собственных волос до корней волос Тристана, так что их волосы сливались в единый поток. На них было приятно глядеть, и Тристан улыбался на протяжении всей этой процедуры.

– Далеко не каждому разрешается это увидеть, – сказала Сьюз шепотом. – Так что можете считать, что попали в круг избранных.

– Хорошая история, Скриббл, – одобрил Тристан. – Продолжение будет?

Их глаза чуть припухли от наслаждения ароматным шампунем, и это было, как будто ты наблюдаешь за кем-то, кто занимается сексом. Уторчанным сексом.

– Очень красиво, – прошептала Мэнди.

Сквозь стены я слышал, как воют собаки.

– Не беспокойся за них, Скриббл, – сказал Тристан мечтательно.

Мы с Дездемоной сидели дома в Расхолм-Гарденз и рассматривали перо.

Битл с Бриджит уехали еще вечером и пока не вернулись. Они отправились на юг, на Вирт-Фестиваль, чтобы познакомиться там с людьми и обзавестись новыми связями и поставщиками. Копы взяли у нас какие-то показания и отпустили, объявив невиновными. Мы вернулись домой, и все было только наше; квартира, перо и любовь.

– Интересно, а как оно называется? – сказала Дездемона, вертя перо в руках, так что желтые отблески мерцали под лампой на столе. Перо было на 70% черным, на 20% – розовым, и на 10% -желтым. На том месте, где отодрали этикетку, оставалось

бледное пятнышко.

– Давай вставимся, Дез, – предложил я.

– Не пойдет! – возразила она. – Только вдвоем нельзя.

Она соблюдала правила Битла. Никто не ходит туда в одиночку. На случай, если вдруг станет по-настоящему плохо.

– Да ладно тебе! – сказал я. – Нас же двое. Что может случиться?

Этого я себе никогда не прощу.

– Битл сейчас тоже трипует, – сказал я ей. – Прямо сейчас. Там на Юге. Ну, давай же, сестра! Он на Вирт-Фестивале! С Бриджит! Конечно, он в трипе. Он в Виртландии, прямо сейчас!

– Мы никогда раньше не употребляли желтое, Скрибб.

Это правда. Желтые встречаются крайне редко. Маргиналам они не доступны вообще.

– Оно не полностью желтое, – убеждал ее я. – Желтого в нем всего ничего. Сама посмотри, совсем мало. Оно безопасно.

– Мы даже не знаем, как оно называется!

– Давай!

Она пристально посмотрела на перо. Смотрела на него целую минуту, ничего не говорила, просто смотрела, купаясь в радуге цветов. И потом, наконец, сказала:

– Хорошо, Скрибб, давай. – Сказала очень тихо и посмотрела на меня этими своими глазами, которые были как сливы, сочные сливы, когда я выхватил перо у нее из рук.

Есть вещи, которые неизбежны. Которые предрешены.

Она открыла рот, моя сестра, в ожидании перьевого причащения. Она не могла со мной спорить, она слишком меня любила, и я вставил перо ей в рот, глубоко-глубоко, а потом – себе, и вот как мы и потеряли мою сестру. Дездемона приняла его целиком.

Тристан откупорил новую банку и залез в нее всей рукой. Когда он вытащил руку, она была вся покрыта густой зеленой слизью, похожей на Ваз для волос, но живой. Наношам! Читал про него в «Коте», но никогда раньше не видел. Масса этих минускульных механических образований сочилась у него между пальцами. <(примечание: Наношам – слово из робо-слэнга. Шампунь на основе электронных микромеханизмов – по аналогии с микроорганизмами, – которые питаются грязью и вырабатывают вещество из пластического металла. Данное вещество используется как фиксатор для закрепления дредов или прядей волос>).

– Смотри, – сказал он и широким, почти сексуальным взмахом он отправил эти крошечные микромеханизмы заниматься его волосами и волосами Сьюз. Было почти что

слышно, как они едят грязь и сало. Наношам делается на основе желе из сотен крошечных компьютеров, которые называются бэби-компами. Они обращают грязь в информацию, оставляя волосы чистыми, и вырабатывают фиксатор для дредов – очень жестких косичек.

– Моя дорогая, – прошептал Тристан своей любимой. – Это истинное удовольствие.

Сьюз повернулась ко мне, держа в руке пригорошню нано.

– Не хочешь попробовать? – спросила она. Ее глаза знали все мои тайны. Я чувствовал ее у себя внутри, и впечатление было такое, как будто она ласкает меня. Может быть, Сьюз была теневой. Но нет, не похоже, ощущения совершенно другие. Не так, как будто она в меня проникает, а как будто она становится мной.

– У юноши все равно нет волос, – рассмеялся Тристан.

Я не мог ничего ответить. Не мог даже тряхнуть головой. Весь воздух в комнате обратился в дым. Наверное, из-за травяного варева у меня начались виденья. Я видел толстую змею из волос, которая извивалась между голов мужчины и женщины. И еще я слышал голоса, что прорывались ко мне дождевыми каплями и клочьями тумана, как волны чистого знания. И я не знал, где я...

Вокруг меня были люди, люди что-то говорили, может быть, обо мне, но это были какие-то бессмысленные обрывки фраз; я чувствовал только тело Сьюз внутри моего тела. Она прикасалась ко мне изнутри. И у меня встало! Что это было? Голоса...

– Ты должен...

– Маленький мальчик.

– Зато экономия на шампуне.

– У него нет волос.

– Назовешь это стрижкой?

– Это стрижка под ежик.

Кто это говорит? И когда? И кому?

Я вдруг почувствовал руку – холодную и влажную руку, которая гладила мои короткие светлые волосы. Ладно, пусть коротко. Ну и кого это ебет?! Есть люди, которым вообще не идут длинные волосы. Красивые люди этого никогда не поймут. А я просто пытаюсь выглядеть хорошо, ну, насколько это вообще возможно. И я вздрогнул под пальцами, гладящими мою голову. Отъебитесь от меня! И только потом до меня дошло, что это была моя собственная рука. Да, вот именно. Моя собственная рука; она прорвалась сквозь туман, чтобы погладить меня по голове.

– Ой! Посмотри на малыша!

– Он дрожит.

– Он гладит себя по волосам.

– Он такой нервный.

– Просто он больше ничего не знает.

Голоса звали меня, сквозь туман…

Мир превратился в Дымку.

– Что она со мной делает?! – закричал я. – Остановите ее!

И голоса тут же умолкли, и все глаза впились в меня, и Тристан сказал Сьюз, чтобы она прекратила со мной играть. Сьюз сказала, что у меня внутри был сон, но я уже приходил в себя, и ощущение блаженства исчезло, когда она устранила себя из моего тела.

Кто она, эта женщина?

– Рассказывай дальше, Скрибб.

Голос Битла.

Она вышла полностью, и я снова стал самим собой, и только пустое пространство осталось в душе, и история, которую я рассказывал.

Когда я в последний раз видел сестру в реале, она сидела напротив меня за столом, пахнущим яблочным джемом, с пером во рту в ожидании полета. Это я, ее брат, держал перо у нее во рту, поворачивая его так и сяк. Потом я сам заглотил перо, а глаза Дездемоны уже светились Виртом, когда я протолкнул перо еще глубже, чтобы сопровождать ее вниз. Куда бы она ни ушла, я пойду вместе с ней. Я действительно в это верил.

Мы ринулись вниз вместе, брат и сестра, падая в Вирт, наблюдая за начальными титрами: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АНГЛИЙСКИЙ ВУДУ. ВЫ ПОЛУЧИТЕ УДОВОЛЬСТВИЕ. ЗНАНИЕ – СЕКСУАЛЬНО. ВЫ ИСПЫТАЕТЕ БОЛЬ. ЗНАНИЕ – ЭТО ПЫТКА.

В последний раз я видел сестру в мире Вирта. Она падала в яму-дыру в каком-то саду, цепляясь за желтые сорняки, царапаясь о колючки, громко выкрикивая мое имя. Маленькое желтое перо трепетало у нее на губах.

Я ей говорил не ходить в эту дверь. Эта была дверь с табличкой: «НЕТ ХОДУ». Но она не послушалась.

Я ей говорил не ходить. Но она не послушалась.

Вы меня слушаете, мои судьи?

– Я хочу туда, Скриббл. Я хочу, чтобы ты пошел со мной. Ты пойдешь? – Последние слова моей сестры, обращенные ко мне в реале, перед тем, как ей вставило желтое, и она стала падать, выкрикивая мое имя.

Кое-кто умирает, но не в мире живых, а в мире снов. Но это неважно – где. Смерть всегда одинаковая. Есть сны, от которых ты никогда не проснешься.

Дездемона…

Комната, погруженная в тишину.

В тот же день, но чуть позже. Часы, проведенные в дымке, не поддаются счету, но теперь дым рассеивался, обнажая крошечные фрагменты реального мира. Эти отблески реальности кололи глаза, как иглы. Я больше не мог продолжать; для меня это было уже чересчур. Меня трясло от воспоминаний. Дездемона отзывалась в сердце мучительной болью.

Тристан нарушил гнетущую тишину.

– Ты нашел другое перо там, в Вирте? – спросил он. – Я правильно понял?

Я только молча кивнул.

Сквозь слезы я видел, что Сьюз сидит за маленьким столиком и гадает. Она трясла кружку с костями и выбрасывала их на стол. На скатерти лежали в ряд карты с рисунками. Она сделала заметку, какие кости коснулись каких карт, и бросила кости еще раз. Карли, рободог, лизала мне лицо, как будто она любила меня или что-нибудь в этом роде. Язык у нее был длинный и мокрый, скользкий от нано. Клянусь, я чувствовал, как они чистят мое лицо, вытирая соленые слезы.

– Перо было желтое? – уточнил Тристан.

– Да. Маленькое и желтое. Полностью желтое, – выдавил я. – Замечательное перо.

– Расскажешь, как ты его нашел? И что случилось потом?

Я не мог. Тристан просто кивнул.

– Понимаю, – сказал он.

Неужели?

– Я там был, – добавил он.

– Что?

– Я был в Английском Вуду.

– Расскажи.

Я отчаянно жаждал знаний.

Тристан взглянул на Сьюз, которая занималась картами и костями. Потом опять посмотрел на меня.

– Ты потерял сестру там?

– Да.

– И что получил взамен?

– Я не знаю, что это. Типа инопланетянин Вирта. Мы назвали его Существом.

Снова нахлынули воспоминания. Я проснулся от пера Английского Вуду, весь в густой слизи. Существо извивалось на мне. А я материл его, толкал со всей силы, чтобы выбраться из-под него, со слезами, льющимися из глаз, с криком, застрявшим в горле. Сестра ушла навсегда, и ее заменила вот эта склизкая туша. Мой мир разлетелся вдребезги.

Тристан кивнул.

– Коэффициенты обмена – сложная штука. Никто не знает, как они действуют. Известно только, что должен сохраняться постоянный баланс между нашим миром и миром Вирта. Ценность в обоих мирах должна быть одинаковой.

– Существо не стоит Дез. Просто не может быть, чтобы…

– В мире этого Существа кто-то любит его не меньше, чем ты любишь свою сестру. Все взаимодополняется. Так говорит Кот Игрун. И поверь мне, Кот Игрун знает.

– А что знаешь ты? – спросил я.

Перед тем, как ответить, Тристан снова взглянул на Сьюз.

– Твоя сестра приняла Изысканное Желтое.

О Боже!

Даже Битл подскочил, вырвавшись из дремоты Дымка.

– Изысканное Желтое! – заорал он. – Срань Господня! Нам пиздец, Скриббл, детка!

– Вполне вероятно, – сказал Тристан. – Изысканное Желтое существует внутри Английского Вуду. Это мета-перо.

О Изысканном Желтом много говорят, но никто его не видел, никто не ощущал. Оно – для высших эшелонов, где живут демоны и боги. Никто из чистых никогда даже не прикасался к нему, но Дездемона коснулась его, попробовала, и ее больше нет в этом мире, и шансы вернуть ее стремительно падали до нуля.

– Что это за Изысканное Желтое? – спросил я. – Как мне его найти?

– Его невозможно найти, Скриббл, – ответил Тристан. – Его можно только заслужить. Или украсть.

– Там Дездемона. Я знаю, что она там.

– Скорее всего, она мертва.

Его слова резанули меня по сердцу, но я не сдавался.

– Нет. Она говорила со мной. Она жива! Она где-то там, внутри… Она зовет меня. Что мне делать, Тристан?

– Сдаться.

– Как ты, в свое время? – сказал я наугад, и, кажется, попал в точку. Он тоже кого-то потерял! Он был там, в Вуду, и потерял кого-то в Изысканном Желтом. Я видел боль у него в глазах, как в зеркале.

– Здесь нет надежды, – ответил он. – Поверь мне. Я пытался.

– То есть, ты нам не поможешь? – спросил Битл.

Тристан уставился на Битла. Потом повернулся к Сьюз. Он запустил руки в их общие волосы, словно хотел убедиться, что она по-прежнему здесь, рядом с ним, в безопасности. Сьюз взяла карту со стола и протянула ее мне.

– Это твоя карта, Скриббл, – сказала она.

– Нет. Нет, не моя.

– Твоя. Ты просто еще этого не знаешь.

За окнами уже смеркалось, и я подумал о Бриджит и о Существе, и о том, что мне нужно спуститься к ним и посмотреть, как у них там дела. И еще я думал о том, что теперь все кончено, и что впереди еще одна ночь без любви.

– Ладно, спасибо, приятель, – сказал Битл с горечью в голосе.

Наверное, он искренне переживал за меня.

– Карли вас проводит, – сказал Тристан.

– А тебе не страшно будет без собаки? – спросил Битл.

Тристан открыл дверь в стене, и я почувствавал запах кала, скверного дыхания, мяса и мочи. Я заглянул в темноту. Стены были покрыты царапинами и укусами. Там, в тенях были другие тени, еще темнее. Спящие тени, шевелящиеся и дышащие в медленном ритме. Тристан включил тусклый свет, раздалось глухое рычание, и я увидел собак – ощетинившийся металлом дуэт. Потрясающие зверюги. Пластиковые кости и синтетика.

– Робо-хаунды, – прошептал Тристан. – Мама и папа Карли. Осторожно. Они кусаются.

И вот тогда я разглядел что-то такое в Тристане… что-то собако-подобное.

– С такими красавцами мы в безопасности, – сказал он.

– Боже!

– Воистину. Низкий поклон собакам.

Факельщики

Идем по сходням, словно на корабле, на корабле из бетона, высоко над морем стекла. Я, Битл, Мэнди, Тристан и Сьюз. Ах да, и собака. Карли. Монстроидный слюнявый шкуро-металлический зверь, на туго натянутом поводке. Псину ведет Сьюз. Тристан прихватил свой дробовик, на самом деле, просто для показухи. Кто в здравом уме его тронет? Никто. Потому что они знают, что за этим последует. И два рободога оставались в квартире присматривать за домом. Близилась ночь. Никто особенно не разговаривал, мы просто спускались по лестнице, и каждый думал о своем. Мы все еще были убиты дымком травы, и этого было вполне достаточно, чтобы мир казался прекрасным, даже это мрачное место. Пустота у меня внутри отражалась в осколках стекла. Так что с каждым шагом я становился тысячу раз печальнее. Иногда даже разбитое стекло, потрескавшийся цемент, печальные жизни воспринимаются как хорошие сны о плохом.

И я думал: ладно, может быть, все хорошо, и Брид с Существом будут рады нашему возвращению, и нам, в любом случае, не нужен этот старый бродяга. Мы – Тайные Райдеры, и

Дездемона была с нами, и мы опять будем вместе, как только я соображу, что делать. Черт, это же просто! Все, что мне нужно сделать, так это найти перо Английского Вуду и войти в него, взяв с собой Существо. Отыскать там то самое мета-перо, Изысканное Желтое, самое знаменитое перо в мире, и еще раз погрузиться. Найти Дездемону, обменять ее обратно на Существо, нарушить все известные правила Вирта и вычислить путь наружу. Да, блядь, замечательный план. Замечательный, как дерьмо.

Теперь мы спускались по лестнице.

– Извини, что не смог вам помочь, – сказал Тристан Битлу.

Битл пожал плечами.

– Я просто пытаюсь предупредить тебя, мой друг.

В голосе Тристана была печаль, но я не обратил на это внимания.

– Но вечер же был хороший, несмотря ни на что? – спросила Сьюз.

– Отличный вечер, – сказал Битл. Может быть, он не соврал.

Мы спустились до самого низа. В воздухе пахло огнем. По всему Боттлтауну выли собаки.

– Что это? – спросила Мэнди.

– Да есть тут одни придурки, – ответила Сьюз. – Не беспокойся.

– У нас это каждую ночь, – добавил Тристан.

– Им нравится все поджигать.

– Называют себя Факельщиками, – сказал Тристан. – Законченные психопаты.

– О, черт! – это был я.

– Наверное, очередной мусорный бак подожгли, – сказала Сьюз.

Но я знал. Я, мать их, знал!

Мы завернули за угол шахты мертвого лифта и вышли на автостоянку, и там стоял наш любимый Тайномобиль, объятый пламенем. Он горел! Горел!

– Вот дерьмо! – голос Битла. И мир погрузился в холод вместе с фургоном в огне. Никто не смог бы в нем выжить. Никто. Низкого уровня теневая девушка и инопланетянин из Вирта. Исчезли в пламени.

Мы все пятеро и собака ошеломленно замерли на месте. А фургон полыхал, и вместе с ним полыхали тысячи отражений в стекле. Потом я ворвался в пламя и обжег руки о ручку двери.

О, черт! Существо и Брид!

И вся надежда вмиг улетучилась, вся надежда обменять Существо на сестру.

Моя единственная надежда...

Карли сорвалась с поводка и побежала вокруг фургона, лая на пламя. Битл присоединился ко мне, на мгновение мне показалось, что он мне поможет выломать дверь, но вместо этого он потащил меня назад. Я был вне себя, и дым разъедал глаза, и глаза слезились, но я плакал не из-за дыма, я плакал из-за утраты, из-за всех потерь и утрат.

Слишком много слез. Слишком много потерь.

Полночь. Клубы дыма. Фургон – груда металлических костей, покрытый пузырями ледерин, расплавленная резина. Мой разум сожжен. Я просто сижу на изуродованной скамейке и наблюдаю за тем, как труп фургона медленно затухает. Запах гари и пламени у меня в голове, раскаленные докрасна угольки. Зеваки, жители Боттлтауна, собрались посмотреть на пожар. Некоторые смеялись. Но мне было уже все равно. Ночь была оранжевой.

Тристан и Сьюз рванули назад, к себе в квартиру, за огнетушителем, но волосы изрядно их тормозили. Впрочем, это уже не имело значения, в любом случае. Там уже нечего было спасать.

Карли прижималась ко мне, терлась о мои ноги и все норовила меня облизать, чтобы хоть как-то утешить. Я отпихивал ее от себя, но она не отставала. Наконец, я смирился: пусть лижет. И, как ни странно, мне действительно стало легче.

Тристан и Сьюз вернулись с пенотушителем, но толку было, как лить воду в Ад. Фургон будет гореть, пока все не превратится в пепел. Пока плоть не станет костями.

И это тоже уже не имело значения.

Битл смазал свои водительские перчатки полным тюбиком Ваза. Затем подобрался к гаснущему пламени, схватился за ручку задней двери и с силой дернул. Дверь с лязгом открылась, выпустив густое облако дыма. Я наблюдал, как Битл смело сунулся в дым и жар, и думал о том, какой он все-таки хороший чувак. Он выскочил из фургона и подошел ко мне. Его лицо было черно от копоти.

– Их там нет, Скриббл.

Я взглянул на него.

– Их там нет. Он пустой.

Боттлтаунские дети смеялись и танцевали в оранжевой ночи, а я сидел на сломанной скамейке, размышляя о мире, а смешанная груда собачьей плоти и пластика по имени Карли все облизывала и облизывала меня – до озверения.

Кусочки стекла у меня под ногами, кусочки стекла цвета снов.

В Боттлтауне даже слезы блестят, как драгоценные камни.

День третий
«Все мы здесь – где-то и как-то – ждем, что же произойдет»

Грустная колыбельная

Я проснулся внутри сна. Всюду вокруг была вата, абсолютный комфортный приход. Я медленно плыл сквозь плотные слои приглушенных голосов и мягких прикосновений, в компании пяти очаровательных ангелов, поющих мне колыбельные. Ощущения были приятными.

Как во сне.

Пять ангелов ласкали меня лазурно-голубыми перьями.

У одной из ангелов были светлые волосы и татуировка дракона на левом предплечье. Ее звали Дездемона. У другой были черные волосы и черные глаза с прикрытыми тяжелыми веками, обведенными темной каймой, и дым струился от ее тела. Ее звали Бриджит. У третьего было шесть рук, чтобы в три раза больше меня ласкать. Его звали Существо. У четвертого были зубы, как драгоценные камни, мягкие лапы и длинный мокрый язык, дарующий блаженство. Его звали Карли. Последний из ангелов был толстым, но держался молодцом; у него были две пары глаз, одна пара – красная, и вторая – белая. Его звали Фургон.

У всех пятерых в руках были перья, каждое – со своей техникой поглаживания. Их мягкое трепетание играло по всей моей коже. Я был голый. Но мне было не стыдно. Совсем на меня не похоже. Я просто плыл, наслаждаясь ощущениями: голосами ангелов, мягкими тисками сна.

Но, может быть, это не просто сон?

Я потянулся к первому ангелу. Дездемоне. Из крошечных проколов на ее коже сочилась кровь. Она взяла мои пальцы в рот и начала их лизать. Потом укусила один, и стала слизывать кровь.

– Ты найдешь меня, Скриббл? Ты, вообще, собираешься меня искать? – спросила она. Я не знал, что ответить сестре, я мог только обнять ее и прижать к себе. Мы сплелись в поцелуе…

– Скриббл! Вынь это долбанное перо!

Это был голос Битла, ворвавшийся в сон. И кто-то насильно открыл мне рот.

– Ты знаешь, что это запрещено. Никто не ходит туда в одиночку!

Мои глаза открылись. Меня заставили их открыть. Битл

уставился на меня с близкого расстояния. Его пальцы шарили у меня во рту, словно он, бля, дантист.

– Не кусай его! – заорал он. Чего я кусаю? Он запустил пальцы еще глубже мне в рот и нащупал что-то мягкое и трепещущее. – Есть! – объявил Битл и выдернул голубое перо из далеких глубин моей глотки. Он держал его, как сокровище, пока я корчился и рыгал, хватая ртом воздух.

– Извини, – выдохнул я. – Я спал… спал…

– Ни хрена ты не спал, козел! – выкрикнул Битл. – Ты пошел в одиночку. Так не делается.

– Извини, Би… Я…

– Иди ты на хуй. И умирай, если хочешь. Только не дома, ладно?

Я посмотрел на голубое перо, которое он выдернул у меня изо рта.

– Что я употребил?

– Грустную Колыбельную. Это, вообще, для детей.

Я глубоко вдохнул.

Я вдохнул еще раз.

Кот Игрун

ГРУСТНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ применяется, когда тебе плохо. Когда жизнь заворачивает не туда. Если твой «какого же хрена» фактор опустился уже до нуля, то это перо для тебя. Грустная Колыбельная закутает тебя в теплые мягкие одеяла и сожмет в крепких объятиях, и все плохое внезапно покажется очень хорошим. Это мило и очаровательно. Однако, маленькое предупреждение от Кота. Оно работает до определенных пределов, и помощи от него немного. Это перо может еще излечить крошечные неприятности; но оно не спасет от больших неприятностей и даже их усугубляет. Тем, кому нужно что-то поэффективнее, я рекомендую ЛЕНТОЧНОГО ЧЕРВЯ. Впрочем, Кот очень не любит эти «давай сделаем все-все сладеньким» перья. Жизнь нужно прожить, а не просмотреть во сне. Но когда тебе необходима добрая и ласковая рука, тогда Колыбельная – именно то, что надо. Она убаюкивает своей песней. Кот говорит: используйте Колыбельную, но не злоупотребляйте ей. Неумеренное употребление Колыбельной может и повредить.

Статус: хорошее небесно-голубое, легальное, употреблять с осторожностью.

Такие хорошие ощущения

Меня потряхивало от трипа, пот струился с меня градом, из глаз текли слезы. Я даже не разбирал, где пот, а где слезы. Вот до чего докатился. Битл держал меня за руку. Такие хорошие ощущения – мягкая рука в эпицентре моих блужданий. Карли, рободог, лежала у моих ног.

– Ты в порядке, Скрибб? – спросил Битл, и его голос был томный и тихий, как весенние цветы. Совсем необычно. – Нельзя путешествовать в одиночку, Скрибб. Сколько раз тебе повторять? Одному там нельзя. Нужно, чтобы Битл был рядом. Правильно?

– Я просто пытался...

– Что, Скрибб?

– Я просто пытался... – сказал я, эксгумируя слова. – Я пытался... Я пытался найти утешение...

Битл прижимал меня к себе, и я чувствовал, как его коллекция байкерских значков врезается в мою мокрую щеку.

– Ах ты, бедный ублюдок! – сказал он мне. – Брид нет. Фургона нет. Дез нет. – Он размахивал у меня перед носом использованным пером, которое теперь стало кремовым. – И ты думаешь, это вернет их обратно? А?

Его голос опять стал тяжелым и жестким, но в нем по-прежнему чувствовалась печаль. Никогда раньше не слышал ничего подобного. Шел дождь, манчестерский дождь; мы слушали, как он барабанит в окна. Глаза Битла были полны дождя, и капли текли у него по щекам, как слезы. Но все окна были закрыты, так как же дождь проник внутрь? Даже то окно, которое никогда не закрывалось, было забито моей старой майкой, поэтому дождь на щеках у Битла не мог быть дождем. Может быть, это были слезы? Да, скорее всего, это слезы! Может быть, Битл научился плакать? И это тоже – хорошее ощущение. Такое хорошее ощущение.

Пригони мне фургон моего сожженого желания. Как мне ее не хватает, этой колесницы. И всех, кто в ней ехал. Битл угнал какую-то дешевую тачку, чтобы привести нас домой, но это была бледненькая замена. Фургон был не просто машиной, он был хорошим другом. Которого мы потеряли. Рободог лизал мои кроссовки.

– Что здесь делает эта собака? – спросил я.

– Сьюзи тебе ее подарила. Ты что, не помнишь?

– Где Мэнди? – очнулся я. Внезапно мне стало ее нехватать.

– Она вышла на улицу. Кажется, мы поссорились.

Я потянулся в карман за сигаретами, за «Напалмом». И вытащил игральную карту. Это твоя карта, – сказала Сьюзи. Как она попала ко мне в карман? Наверное, Сьюзи ее потихоньку туда засунула, пока я спал под травой. Я долго всматривался в

картинку. Молодой человек, падающий вперед и преследуемый собакой. Модель реальной жизни. Коллекционная вещь.

– Ты простишь меня, Битл? – спросил я, тихо-тихо, глядя на карту.

Цветочные часы уронили лепесток; он кружился в зигзагообразной манере, ведомый вздохами, падая вниз на ковер.

– Уже простил.

Этот голос.

Этот голос Битла.

Говорящий: да.

Да, я простил. Я простил тебя. Это значило так много. Это значило все. Я прощаю тебя за твою слабость. Я прощаю тебя за непослушание. За то, что ты употребил Грустную Колыбельную. За то, что ты путешествовал в одиночку. За то, что пытался найти дорогих нам людей, которых мы потеряли.

Никогда не слышал такого раньше, никогда не слышал такого от Битла.

– А где Существо и Брид? – спросил я.

– Я не знаю. Как-то оно все хреновее и хреновее.

Битл сказал это с такой болью в голосе. Я увидел его совершенно с другой стороны – таким, каким я его не знал. Это был человек без снов. Посредством перьев он переживал сны других. Такая была у него одержимость, у Битла; и больше не было ничего. Каждому нужно что-то такое, ради чего стоит жить. У меня была Дездемона; у Битла был Вирт. И сейчас это все от него ускользало.

Я вдруг осознал, что глаза у меня закрылись.

Когда я их открыл, Битл по-прежнему был рядом. Он обнял меня и укрыл своим черным пиджаком. Это было так хорошо. Такие хорошие ощущения. Такие семейные…

Я поднес карту к лицу. Молодой человек шел прямо к пропасти, на плече у него болтался рюкзак, собака цеплялась ему за пятки. На верхнем поле была цифра ноль. Внизу – слово: «Дурак». Что именно Сьюзи имела в виду? Собака Карли шумно сопела у моих ног.

– И что теперь, Битл? – спросил я, не зная, что делать.

– Не знаю, Скриббл. Просто не знаю.

Входная дверь открылась с тихим вздохом, и Мэнди шагнула в комнату. Ее лицо светилось от удовольствия.

– Где ты была? – спросил Битл.

– Я нашла Икаруса Уинга, – сказала она.

Змеерезка

Я кончал в рот Венеры. У нее были зеленые волосы, молочно-белое лицо и глаза, такие блестящие, что, глядя в них, я почти ослеп. Это напоминало извержение падающих звезд в губы Богини. И там, где семя пролилось в покрывало ночи, рождались планеты и звезды. Я творил миры своим членом, кончая, как Господь в сперматоксикозе. На сотворение вселенной ушло шесть ночей. На седьмую ночь я отдыхал. С гигантским косяком и каким-то вином под альбом «Вопящей головной боли». И пачкой бисквитов. Марантовых бисквитов.

По ощущениям похоже, как будто сидишь в чьей-то голове.

Так оно и было.

Пошли финальные титры. ВЫ ГРЕЗИЛИ БОЖЕСТВОМ. В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ: СИНДЕРС О"ДЖУНИПЕР И ТОМ ДЖАСМИН.

Титры крутили под национальный гимн. Эту страну я люблю, и останусь здесь навсегда.

ПРОИЗВОДСТВО КОРПОРАЦИИ ХИМЕРА. РЕЖИССЕР МЭВ БЛАНТ. ПРОДЮСЕР ГЕРКУЛЕС СМИТ.

Мы с Битлом и Мэнди сидели на заднем ряду в окружении уторчанных парочек, троек и больших компаний. Одиночки, разбросанные там и сям по залу, забавлялись карманным бильярдом. Карли, робо-сука, лежала на полу у моих ног.

СЦЕНАРИЙ БАЙРОНА ШЭНКСА. СВЕТОВЫЕ ЭФФЕКТЫ ДЖУЛСА БАЛБА.

Зрители уже вставали и покидали «шимми», вынимая изо рта розовые перья и бросая их на паркет. Одни уходили тихо и незаметно, другие же заходились неистовым хохотом. Кое-кто целовался. <(примечание: Шимми – слэнг розового пера. Виртовый порнофильм и Вирт-кинотеатр, где показывают такие фильмы. Происходит от слова Химера. Так называется крупнейшая корпорация по производству Вирт-порно.>)

ЗВУКОРЕЖИССЕР ЧЕР ФОУНЕР. МОНТАЖ ИКАРУСА УИНГА.

– Мэнди, я тебя обожаю! – закричал Битл. Он крепко прижал ее к себе. Ее руки ласкали его колени. Я тоже ее обожал.

Такое ощущение, что мой член весь в огне.

Мэнди нашла Икаруса. Она вернулась в квартиру Себа. Он был дома. Она вытряхнула из него информацию. Не спрашивайте, как. Руками и ртом. Что-то вроде того. Неважно. Игра продолжалась.

СПАСИБО ЗА ТО, ЧТО ГРЕЗИЛИ С ХИМЕРОЙ. СПОНСОР «ВАЗ ИНТЕРНЕШНЛ». УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СМАЗОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ. ДЛЯ СКОЛЬЗКИХ МОМЕНТОВ ЖИЗНИ. ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ДЛЯ НЕЛЕГАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ.

Попробуйте убедить в этом Битла.

Меня охватило жгучее желание любви, зажженное «шимми».

Я вытащил изо рта перо, наблюдая, как оно становится кремовым у меня в руке.

Мне тоже хотелось выебать вселенную. А если нельзя вселенную, то сошла бы и женщина. Любая женщина. Боже! Даже собака сошла бы. Клевое «шимми». Превращает тебя в бога. Бога любви. Даже меня.

– О Боже! – выдохнула Мэнди, изнывая от похоти. – Я вся мокрая.

– А у меня в хуе как будто змея завелась! – сказал Битл. – Валим отсюда.

КОРПОРАЦИЯ ХИМЕРА. РАЗДЕЛИТЕ С НАМИ СОН.

Икарус был неразговорчив. Едва ли слово сказал вообще. Жирный, как свинья, он едва смог протиснуться с нами в ту темную комнату; мы набились туда, как сельди в бочку. Он прокачивал шимми-туман сквозь проектор, выбирая хорошие куски.

– У тебя не найдется для нас какого-нибудь стоящего продукта? – спросил его Битл. Пока мы говорили, я чувствовал возбуждение Битла, его эрекцию. И свое возбуждение. И Мэнди.

Маленькая комнатушка буквально сочилась желанием, освещаемая красным светом. Секс был повсюду.

Никакого ответа от шиммиографа. Он продолжал крутить свой проектор. Студия располагалась прямо за зрительным залом, и через проектирующие каналы я видел последних припозднившихся зрителей, покидающих свои места. Карли скулила из-за двери, где я крепко ее привязал к греческой колонне.

– Запредельный был шимми, Икарус. Мне прямо башню сорвало. – Вести разговор мы предоставили Битлу. Мэнди, не отрываясь, смотрела, как Икарус микширует «потоки». Скоростные вибрации, ярды плоти из грез, расплывающейся в оргазме. Обрывки секса. Влажные сны. Видения разных любовных прелестей. Ультра-эрекция и ультра-оргазм.

Словно сидишь у кого-то в голове. Пока этот «кто-то» усиленно мастурбирует.

Я обратил внимание на стеклянный бак над микширским пультом. Там лежало, свернувшись кольцами, фиолетово-зеленое тело. Змея высовывала извивающийся язык, словно делала непристойное предложение.

Оставь свой язык себе, змеиная глотка.

– Себ говорил, у тебя есть Английский Вуду. Это так? – сказал Битл.

Икарус швырнул перо в ящик стола.

Моя левая лодыжка вдруг разболелась и запульсировала, как

вставший член, вспоминая укус двух ядовитых змеиных зубов.

– Не знаю я никакого Себа, – сказал Икарус.

– Странно, а он тебя знает.

– Наверное, он ошибается.

– Хороший у тебя экземпляр, – заметил Битл, кивнув в сторону бака. – Видишь это? – Он потряс змеиной головой, приколотой к отвороту куртки. Икарус даже не оторвал взгляда от завихрений дыма. – Сам поймал эту гадину, – продолжал Битл. – Зажал ее дверью. И отрезал ей, на хер, башку. – Он сделал паузу для эффекта, но монтажер окончательно завозился со своим роликом; похоже, он что-то нашел. Битл повернулся ко мне. – Видишь вон ту змею в баке, Скрибб? – спросил он.

Я кивнул, не отрывая глаз от этой скользкой суки.

– Здоровенная гадина, правда, Скрибб?

Я впился взглядом в фиолетово-зеленое тело, которое медленно двигалось волнами. Наверное, футов двенадцать в длину.

Битл опять обратился к Икарусу.

– Ты же не хочешь лишиться этой большой твари?

Икарус взглянул на него, но лишь на секунду.

– Это моя лучшая змея, – сказал он, и снова уставился в туман грез.

– Что там у тебя? – спросила Мэнди.

Икарус поднял глаза.

– Иди посмотри, – предложил он.

Мэнди склонилась над проектором. Она глядела в него, наверное, целую минуту. За это время змея снов, извиваясь, изобразила полный рифовый узел. Каждое ее движение отзывалось новыми бусинками пота у меня на коже. Левая нога разболелась уже не на шутку.

– Ничего, – сказала, наконец, Мэнди. – Ничего не вижу.

– Надо смотреть внимательно, очень внимательно, – заметил Икарус.

– Это просто дым.

– В тебе нет соков, девочка. В отличие от меня.

<(примечание: соки – на виртовом слэнге – наследственные следы чистого Вирта в крови человека.>)

И тут на меня накатило что-то очень плохое, то есть, по-настоящему плохое. Икарус вполне непрозрачно намекнул, что в нем есть частичка Вирта. Бог его знает, скорее всего, совсем капелька; так по виду и не скажешь, но, возможно, именно благодаря этой капельке, он сумел получить эту работу. И вот что было плохо: я подумал, что, может быть, я сумею похитить этого толстого чувака и принудить его к обратной перекачке. Может

быть, мне теперь и не нужно Существо, но когда он проковылял к клетке со змеей, я увидел, что он для меня бесполезен. Он не стоил почти ничего. На порядок ниже Дездемоны. На порядок ниже постоянной Хобарта. Может быть, что-нибудь у меня и получится, но только если я выкраду этого чувака и силой заставлю пойти на курсы по самоусовершенствованию.

– Это просто дым! – повторила Мэнди. – Там ничего нет.

– Я обращаю дым в Вирт. Это моя работа. Но сейчас это даже не то. Я просто режу кадры. Убираю плохие фрагменты, чтобы в целом получилось приемлимо. И легально. Это моя работа. Не самая лучшая, правда?

Его тирада осталась без ответа. Мы все молчали и просто ждали, что он все же поговорит с нами нормально. Но шиммиограф уставился на свою змею, полностью нас игнорируя.

– Большая змея, – повторил Битл. – Ты же не хочешь ее потерять. Или хочешь, а? – Вопрос прозвучал как угроза. Скверная угроза. Битл это умел.

Но Икаруса это не впечатлило. Он протянул руку и нажал на зажимы на баке, сначала – на один, потом – на другой. Крышка поднялась, медленно и сексуально, как дыхание при оргазме. Змея снов нетерпеливо развернулась. Я слегка отшатнулся назад, совсем немного, пытаясь держать себя в руках. Левую ногу пронзила острая боль.

– С парнем что-то не так? – спросил Икарус.

– Не обращай на него внимания, – вмешалась Мэнди. – Расскажи, что ты видишь.

Шиммиограф резким рывком обратил туман в замерзшую субстанцию.

– Вот она! – провозгласил он. – Преступная статья. Понимаете, «Химера» рассылает эти Вирты по провинциям, но мы получаем плохие разрезки. С остатками всякой дряни. Нелегальщины. И мне нужно все проверять, по секундам. Это ублюдочная работа, и я ее делаю. Для вас это выглядит как туман. Для меня – это сон, чей-то сон, который нельзя показать другим весь целиком. Некоторые эпизоды все портят. Людям нужна любовь. Вот здесь кусок: герой протыкает своего отца кебабным вертелом. Прямо в глаз. Такое нельзя показывать в Порно-Вирте. Это убийца страсти. Так что вырежем эту паскуду!

Икарус запустил руку в бак и схватил змею снов за шею. Она извивалась, как бечева кнута при ударе, но он крепко держал ее между пальцев. Свободной рукой он схватил молоток с небольшим утолщением на конце и ткнул его в банку с пастой.

Это был выжатый сок цветов змеиной травы, единственного известного лекарства от укуса змеи снов. Она росла на равнинах

Утанки, уединенного места в Вирте высокого уровня, доступного только для знатоков. Икарус легонько постучал утолщением молотка змее по макушке. Ее голова тут же склонилась, узенькие щелочки глаз подернулись пеленой.

Мы наблюдали за тем, как змея откусила кусок от замерзшей грезы. Икарус убрал ее из тумана, и два потока дыма соединились уже в новом качестве, в чистом.

– Так-то лучше, – сказал Икарус. – Теперь все чисто.

Он шагнул ближе ко мне. В его глазах мерцали крошечные желтые блики, которые, кажется, вспыхнули ярче, когда он поднес змею к моему лицу. Я отшатнулся, стукнувшись о перьевой блок. Оттуда сочились потоки тумана, медленно заполняя комнату.

– Что с тобой, молодой человек? – спросил Икарус. – Что не так? Ты не любишь змей?

– Убери ее! – завопил я.

Икарус помахал змеей у меня перед самым носом.

– Я контролирую ситуацию, – сказал он. – Я – самый главный змеиный босс.

– У Скриббла был один неудачный индицент, – сказал Битл Икарусу. – Несколько лет назад. Никак не может об этом забыть.

– Его укусила змея?

– Да.

– Я так и думал. В тебе, парень, тоже есть Вирт.

– Нет, только не во мне...

– Вначале все это отрицают.

– Я чистый! Скажи ему, что я чистый, Би!

– Хорошо бы так, – отозвался Битл. – Терпеть не могу гибридов.

Горящий и пристальный взгляд Икаруса приковал меня к месту.

– Чистый значит бедный, мой пернатый друг, – сказал он, и, клянусь, я видел в его глазах вспышку возбуждения. – В тебе все-таки есть малость соков, малыш.

И как только он это сказал, меня захлестнули воспоминания. Меня уносило назад – сквозь годы и месяцы, будто время было прочерчено Вазом.

Что-то зашевелилось...

Мне было семнадцать. В тот день, насколько я помню, стояло красное солнце, и в роще было полно скворцов. Я лежал в траве на Плат-Филдз с девочкой по имени Дездемона, моей сестрой. Ей тогда было всего пятнадцать, и я очень любил ее. Наверное, даже слишком сильно. Больше, чем это пристойно. Больше, чем это законно. Дез вытянулась в траве, разгоряченная, и я гладил ее по ноге, и она улыбалась. Она слегка повернула голову, и ее губы

коснулись моих. У меня встало. Встало на сестру. Пять секунд спустя она уже касалась моего эрегированного члена через штаны, а потом вдруг оказалась на мне, и ее волосы сияли светлым нимбом на фоне багряного солнца, а я гладил татуировку дракона у нее на предплечье.

– Если отец нас застукает… – сказала она.

Представьте себе, она так и сказала. Она действительно это сказала. Не виртовые или робо – реальные слова из реального рта. Ее слегка приоткрытые губы были как две половинки мечты.

Ее пизда прижималась к моему члену, и мир был прекрасен.

– Давай не будем говорить об отце, – сказал я.

– Он меня пугает, Скриббл.

– Я всегда буду рядом и буду тебя защищать.

Мы оба тогда засмеялись, я хорошо это помню, а потом ее губы впились в мои, и наступила тишина.

Есть вещи, которые просто нельзя уничтожить, и память – одна из таких вещей.

Она поцеловала меня. Неистовый полноценный контакт. Солнце померкло. Я закрыл глаза. Ее волосы падали мне на щеки, и свет танцевал у меня в глазах. Я был на седьмом небе.

– Я буду любить тебя вечно, – прошептал голос, и я не могу вспомнить, чей это был голос – мой или ее. Я чувствовал, как наслаждение разливается у меня внутри, спускаясь даже совсем вниз, к лодыжкам, и особенно – почему-то – к левой. Приятное ощущение в левой лодыжке было настолько пронзительным и интенсивным… никогда в жизни я не испытывал ничего подобного. И тут Дездемона завизжала, и удовольствие обратилось в боль. Она спрыгнула с меня и обернулась на разноцветный промельк. Я рывком поднялся, подгоняемый жгучим огнем в ноге, и увидел змею снов – она вцепилась зубами мне в лодыжку, и у меня в глазах солнце на небе стало волдырем.

Я открыл глаза на лай рободога. Мэнди держала Карли на натянутом поводке, морда собаки была всего в нескольких дюймах от змеи снов в руке Икаруса.

– Ты нам толкаешь товар, Икарус… – говорил Битл. – Английский Вуду. Или змея достанется ей…

Кот Игрун

Каждое утро Кот Игрун открывает большой мешок. Ой, мои дорогие котятки! Опять столько писем! Хорошо еще, что у Кота есть большие мозги, хорошая наркота и много-много времени, которое можно тратить на полезные советы. Как же много у вас проблем! Как же вы, вообще, со всем этим живете?! В последнее

время реальная жизнь стала такой физической; такой телесной. И один вопрос занимает вас больше других. Как улететь еще выше? Как выбраться из этой дыры? Как жить так же, как Кот? Иными словами: где достать ПЕРЬЯ ЗНАНИЯ. Где продается Английский Вуду, Говорящий Кустарник или Мегахэд? Или любые другие из Перьев Знания, которые, может быть, существуют, а может, и нет? Кот говорил уже тысячу раз: знание не купишь, знание можно только заслужить. Но письма по-прежнему текут рекой. Так что позвольте сказать, раз и навсегда: Вирт Знания – он не для стада, он для немногих избранных. Эти перья – мультицветные ступени на лестнице снов. Эти перья сотворены богами для своего собственного удовольствия. Для невинных они опасны. Да-да, для тебя, мой котеночек. Comprendez? Их нельзя купить. Если вам предлагают такие перья, поверьте мне, это фальшивка, пиратские копии. Пираты не дают знания, они просто крадут ваши деньги. И доставляют немалые огорчения. Потому что эти дешевые миксы неизбежно инфецированы Гадюками. И если ты не знаешь, что такое Гадюки, тебе нельзя подходить и на тысячу миль к Вирту Знания.

Это последнее предупреждение.

Английский сад

Битл влил свой Ваз в очередной замок, и мы покатили на дешевеньком угнанном «форде» назад на базу. Чувствовали мы себя довольно кайфово, и этот кайф подкреплялся приятными воспоминаниями о секс-шимми и пером Вуду, которое я крепко сжимал в руке. В машине царили смех и безумие, и каждый уличный фонарь придавал ослепительный блеск Перу Знания; оно было черным, розовым и золотым, и золотой цвет смотрелся наиболее впечатляюще. Мы ехали в Расхолм-Гарденз, как воины. Дома нас ждала Твинкль. Она таинственным образом проникла в квартиру, миновав жесткую охранную систему, и Битл хотел выяснить, как это ей удалось.

– Я не знаю, Би, – вставил я.

– Ты дал ей ключ?

– Я?!

Твинкль, супер-невозмутимая, сидела на кровати и жевала Чок-Ю-Фэт.

– Скриббл, убери отсюда ребенка.

Я попытался, но сразу же обломался. Ребенок не шевелился.

– Она не двигается, Би – сказал я, дергая ее за руки. Впечатление было такое, что кто-то смазал ей задницу Анти-Вазом.

– Я теперь в банде, – сказала Твинкль. – Я заменила Бриджит.

– Ребенок уже ушел? – спросил Битл.

– Нет. Пока нет.

– Что ты творишь, раздаешь ключи направо и налево?

– Ей одиноко, Би. У нее дома – ужасно...

Мэнди вдруг рассмеялась.

– Давай сделаем это, Би! – воскликнула она.

Битл двинулся к столу, смазывая Вазом оперение Вуду. Я видел искрящиеся желтые вспышки, открывавшие двери ко мне в сознание, в желтую дымку, где меня ждала сестра. Битл заглотил пару Джэммерсов, словно предвидя тяжелый трип, и одновременно пощекотал лицо Мэнди.

– Попробуем на размер, – сказал он и вставил перо ей в рот.

– О господи, я таю, – вымолвила она, принимая его как робо-профи. Затем Битл повернулся к Твинкль.

– Битл! Для нее это слишком улетно!

– Она хотела быть с нами, Скриббл, она получит, чего хотела.

– Она несовершеннолетняя, Би...

– Мы все несовершеннолетние, – отозвался он. Рот Твинкль уже был открыт, готовый принять дар. Битл приласкал девчушку пером. Я заметил, что он на грани оргазма. Ручаюсь, что у него встало, он все еще был заряжен Розовым шимми.

– Ты когда-нибудь делала это раньше? – спросила Мэнди из далеких глубин Вирта.

– Конечно, я принимала перья. И много раз! – сказала Твинкль.

– Ну, тогда проглоти это, – сказал Битл.

– Осторожнее, Битл, – заметил я. – Мэнди, помоги мне.

Но Мэнди уже улетела, ведомая пером.

И вслед за ней улетела Твинкль, отправившись в тот же самый трип.

Остались только мы с Битлом.

– Битл?

– Что?

– Я думаю, мы это делаем как-то не по-людски. Давай-ка сбавим немного обороты.

– Да? Зачем?

– Вуду опасен. Я не знаю, Би. Я был там. Это...

– Насрать, детка! Мы потеряли Брид и Существо, только чтобы доставить тебе удовольствие. Теперь, мать твою, принимай перо! Будем искать сестру.

Я разлепил губы, собираясь возразить, однако он быстренько ткнул перо мне в рот, и меня повело – повело хорошо, просто клево, вниз к бурлящему источнику, и я уже чувствовал, как

вращаются титры, кружатся в вихре – прямо как тогда, когда рядом была Дездемона, и я полетел...

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АНГЛИЙСКИЙ ВУДУ. ВЫ ПОЛУЧИТЕ УДОВОЛЬСТВИЕ. ЗНАНИЕ – СЕКСУАЛЬНО. ВЫ ИСПЫТАЕТЕ БОЛЬ. ЗНАНИЕ – ЭТО ПЫТКА.

... падая в сторону сада.

В саду царила тишина. Сад был великолепный, преимущественно английский – точно такой, каким я его запомнил: с бормочущими фонтанами и массой безмятежных дикорастущих цветов. Он был огорожен круглой стеной, расположенной, правда, в нескольких милях от места моего приземления, и мне было неинтересно, что лежало за ней. Я хотел сад; его устойчивый одуряющий запах ласкал мои ощущения, и меня захлестнул взрыв наслаждения, словно каждая капля крови у меня в венах предприняла живительное движение к члену. Словно что-то взорвалось внутри и извергло семя в богиню земли, колдунью грязи. Мне хотелось просто копать яму в почве, просто копать и все, но что-то тянуло меня назад; осознание миссии. Я был внутри Вирта и понимал, что находился именно там, но меня не настиг Призрачный Зов. Я ощущал контроль над потоком, проходившим через меня, как если бы у меня в теле посадили какой-то росток, какое-то новое знание. Я был в саду Английского Вуду, искал Изысканное Желтое перо, где ждала меня Дездемона, существовавшая в боли. Битл и Мэнди шагали рука об руку, переступая через цветы, и выглядели как молодые любовники. Твинкль оборвала головку цветка и поднесла его к носу. Она улыбалась, чувствуя, как запах ласкает ее. Собака Карли гонялась за бабочками в зарослях вереска, вся покрытая лепестками. Черт! Битл приласкал пером и рободога, перо побывало внутри собачьей пасти. Неважно. Мы все были там, отрываясь по полной. Знание сочилось из цветов дыханием цветочной пыльцы. Битл поднял руку, лениво махнул мне, и я ответил ему тем же. Мир был полон блаженства. Я погрузился в дымку умиротворения и покоя, и мне приходилось держаться из последних сил, чтобы не улететь еще глубже. Я едва-едва сдерживался, чтобы меня не унесло совсем. Я искал садовников. Тех, к которым мы с Дездемоной присоединились в прошлый раз. Или птицу в деревьях. Но сад был пуст. Только мы, Тайные Райдеры, были там, блуждая среди цветов.

Пусто.

Все-таки что-то казалось неправильным.

– Битл! – позвал я.

Он, улыбаясь, повернул ко мне свое вялое лицо.

– Здесь что-то неправильно, – сказал я. Битл продолжал

улыбаться.

– Все ништяк, Скрибб, – ответил он тихим голосом. Он прижал Мэнди покрепче к себе, упиваясь ее чувствительностью.

И это тоже было неправильно. Почему-то – неправильно.

Движение в траве у меня под ногами. Может быть, это желтая птичка, ищущая пищу. Я взглянул вниз.

Фиолетовое и зеленое скользило там, среди травинок и стебельков.

Змея снов!

Эти гадкие твари находят дорогу даже в сад блаженства.

Я отшатнулся…

– Битл!

Слишком поздно.

Змея поднялась из травы, заполнив весь сад своим кнутообразным телом. Немигающие глаза уставились на меня.

О черт!

Как же она сюда попала?!

– Битл! – закричал я. – Здесь Гадюка! Перо не настоящее. Оно пиратское!

Но Битл улетел уже слишком далеко, чтобы это его волновало. И змея смеялась надо мной.

В ВАШЕЙ СИСТЕМЕ ПОЯВИЛАСЬ ГАДЮКА, МАЛЫШ.

– Что происходит? – спросил я.

Гадюка была Вирусным Имплантантом; паразитом в системе Вирта; примочкой, заставляющей тебя страдать.

ВЫ ВНУТРИ ТЕАТРА. ОН НАЗЫВАЕТСЯ АНГЛИЙСКИЙ ВУДУ. ЭТО ПИРАТСКИЙ ВИРТ ЗНАНИЯ. АБСОЛЮТНО НЕЛЕГАЛЬНЫЙ. НИЧТО ИЗ ПРОИСХОДЯЩЕГО НЕ РЕАЛЬНО.

– Что?

– Это хуже, чем реально. Ты арестован, малыш. Для тебя это вполне реально?

Я дернулся прочь от этого гнусного лица, ища Битла и Мэнди, Твинкль и Карли. Но все, что я видел – это четыре колеблющихся очертания, когда их выбросило наружу всех вместе, и я последовал за ними, дернувшись назад, и сад померк до пятна травяной черноты…

Баба-коп Мердок улыбалась, глядя на меня сверху вниз. Ее пизданутый напарник стоял в двух футах в стороне, рядом с дверью в ванную, изучая мой постер Мадонны. Теневой коп маячил в комнатном пространстве, вырастая прямо из сада – фиолетовое и зеленое волнообразное движение. Напарник транслировал тень из портативного устройства, и змея переводила лучи на нас. В жизни не видел такую, как эта. Она была из сада, эта змея; она последовала за нами через

распахнутые ворота в реальный мир. В змее, наверное, было немного Вирта; робо, тень, Вирт – все смешалось в пятифутовой полоске густого дыма, оранжевые глаза вспыхивали инфо-лучами, и ее голос шел желтыми вспышками:

У НАС ЕСТЬ ПРИЧИНА ПОЛАГАТЬ, ЧТО ЭТО НЕЛЕГАЛЬНАЯ ИГРА.

– Нет. Я... Это... Это просто...

Я снова сидел в своем любимом кресле, борясь со словами. Я просто не мог найти правильные.

ПОЖАЛУЙСТА, ОБЪЯСНИТЕ НАЛИЧИЕ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА НА ПЕРЕДНЕМ ДВОРЕ.

Я не мог объяснить. Не мог двинуться. Не мог поднять даже палец для сопротивления.

ПОЖАЛУЙСТА, ОБЪЯСНИТЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ.

– Я... Я не могу.

Мои губы были единственным, что еще двигалось у меня в теле. Я бормотал извинения, слабые извинения.

Мэнди и Битл так и лежали в обнимку на небольшом диване, отходя от сада. Я видел, как их тела по-прежнему дергаются от сна, но они прятали лица. Девочка, Твинкль, стояла у огня, разведенного в камине, и ее глаза были полны жизни. Она не отрываясь глядела на Мердок. Даже и не пытайся, малышка. Она просто превратит тебя в котлету. Карли, рободог, стояла рядом с Твинкль, ее пластиковые кости дрожали под шерстью.

УКАЗАННЫЙ ТРАНСПОРТ НЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАН НА ВАШЕ ИМЯ.

Твинкль двинулась вперед, в сторону женщины-копа.

ТАКЖЕ ПОДОЗРЕВАЕТСЯ ПОКУПКА И УПОТРЕБЛЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ НЕЛЕГАЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ, А ИМЕННО...

– Вполне достаточно, Шака, – сказала Мердок.

У этих тварей есть имена? У этих дымных призраков? Этого я не знал.

У НИХ ЕСТЬ ПРАВА, ОБОЗНАЧЕННЫЕ В ЗАКОНЕ НОМЕР ПЯТЬ.

– Конечно, у них есть права, – сказала Мердок. – Просто я все беру на себя.

Твинкль была уже в двух футах от Мердок. Битл и Мэнди обнимали друг друга, они все еще дрожали, но постепенно приходили в себя, медленно, даже слишком медленно.

ТАКЖЕ ПОДОЗРЕВАЕТСЯ СОКРЫТИЕ ИНОПЛАНЕТЯНИНА ВИРТА. ЖИВОЙ НАРКОТИК. В УКАЗЕ ПЯТНАДЦАТЬ ДОВОЛЬНО ЯСНО СКАЗАНО...

– О"кей! – закричала Мердок. – Это моя добыча. Я тебя упеку, можешь не сомневаться. Сокрытие, хранение, бутлегерство. Все

дерьмо до кучи. Вот что тебе светит...

И она из-за ремня на талии вытащила лучевой пистолет.

Я словно прирос к креслу, но по-прежнему чувствовал прикосновение сада.

– Игра закончена. Напарник, давай наручники.

Плотский коп шагнул к нам, покачиваясь из стороны в сторону из-за толстого брюха. Мэнди уже очнулась и стремительно врубалась в ситуацию. В ее глазах стоял страх. Битл не двигался. Пока еще нет. Он свернулся калачиком на диване, дрожа от выброса и Вирт-гистерезиса.

– Прочь с дороги, девочка, – сказала Мердок, даже не глядя на Мэнди. Та поднялась с дивана, хладнокровная и убийственно спокойная. Пистолет Мердок был нацелен прямо в голову Битла. – Вот так-то вот, большой босс, для тебя прозвучал сигнал тревоги.

Битл не двигался.

Да и я, впрочем, тоже. Чувствовал себя так, будто время затормозилось, и я был как муха, пойманная в его сетях – крыльями в меде.

ЭТО НЕ СТАНДАРТНАЯ ПРОЦЕДУРА – заметил теневой коп.

– Хочешь заполнить жалобу, Шака.

НЕТ, МЭМ. Я НЕ ХОЧУ.

Карли и Твинкль рванулись к Мердок, когти собаки царапали по ковру.

– Отзови их, малыш. Ты же понимаешь, что это конец.

Я пытался, но мои губы словно онемели и застыли, а язык был мертв.

– Отзови этих ублюдков! – завизжала Мердок, с остервенением сжимая пистолет, нацеленный Битлу в затылок.

Вот где он, герой, когда он тебе нужен больше всего. Задрых на старом, изъеденном червями диване, купленном за пятерку в «Мусоре, годном только на выброс».

– Одна есть, Мердок.

Это заговорил толстый напарник, и его слова были смазаны из-за тяжелого дыхания. Я стрельнул глазами в его сторону. Там стояла Мэнди, прикованная наручником к запястью толстого копа. Он выглядел вполне довольным собой. Я думаю, раньше он никогда не встречал такой девушки, как Мэнди.

Чувак очень скоро узнает.

Теневой коп выстреливал инфо-лучи по всей комнате, разыскивая улики.

Я КОЕ-ЧТО УЛОВИЛ, сообщил он.

– Что? – спросила Мердок.

ПОКА ИНФОРМАЦИИ НЕДОСТАТОЧНО.

– Спасибо за инфу, Шака, но, по-моему, ты слегка действуешь мне на нервы.

ПОНЯЛ. Глаза Шаки испускали ярко-оранжевый свет, словно он генерировал лучи пламени.

– Давайте-ка держать себя в руках, люди.

Мердок делала хорошее шоу, но я видел пот у нее на лице.

– Это касается и тебя, Шака! Держи свои лучи холодными. Никто не должен пострадать.

Глаза теневой змеи померкли от горячего свечения до холодного. В движениях его кружащегося тела чувствовалось разочарование.

Твинкль и собака были уже совсем рядом с Мердок, только они не знали, что делать и как разобраться со всем этим. Твинкль выставила вперед одну руку, словно собиралась что-то сказать.

– Пожалуйста, не делайте больно моим друзьям, мисс Полицейская.

Я не мог допустить, чтобы происходящее коснулось и ее тоже. Собака издала глухое рычание.

– Назад, Твинкль, – сказал я.

Язык ощущался во рту, как слизняк, обосновавшийся у меня в глотке. И она меня послушалась, девочка. Она всегда меня слушалась, даже не знаю, почему. Ее рука медленно опустилась на грязное платьице, где стала судорожно мять и крутить складки.

– Назад, Карли.

Снова – мой голос. И собака подчинилась, и я подумал, что Сьюзи дала мне больше, чем я решил поначалу. Она дала мне власть над собакой, и все это – в тайне. Карли мягко отошла назад, но ее глаза были по-прежнему напряженными и полными недвусмысленного желания причинить вред.

– Хорошо. Все довольны и счастливы, – выдохнула Мердок, все еще держа пистолет на прямой наводке в мозг Битла.

– Этого тоже в наручники, – добавила она, кивнув головой в мою сторону. Напарник направился к моему креслу, волоча за собой Мэнди. В свободной руке он держал новую пару браслетов.

– У меня руки кончаются, Мердок, – сказал он.

– Просто сделай, что сказано, мать твою! – был ее ответ. – К креслу прикуй!

Коп сделал движение ко мне, неловко обращаясь с ключом и с наручниками. Этот чувак был законченным неудачником, теперь я это понял, но в нем все еще оставалось несколько секунд превосходства. Он помахал браслетами у меня перед глазами.

– Не рыпайся, молодой человек, – рявкнул он мне.

Я не мог двигать телом, но я мог двигать ртом, что уже было

доказано.

– Слушай, толстый, ебись ты конем, – сказал я. Я даже не подозревал, что знаю такие слова.

– Все кончено, здоровяк, – сказала Мердок спящей фигуре Битла. Он слабо пошевелился, карабкаясь наверх из своей глубокой ямы.

– Я знаю, – сказал он, и его голос был полон густого сока из игры. – Я знаю, когда мне крышка.

На тебя не похоже, Битл. Где огонь?

Толстый напарник схватил меня за запястье свободной рукой и пытался играючи приковать меня к креслу. Я сопротивлялся ему, но Вирт-гистерезис все еще тяжело сидел у меня в мозгу, и я был как медленный сон в ожидании рассвета. Наручники щелкнули и слегка куснули мне кожу, проделав дыры во внутреннем страхе. Коп ронял капли пота мне на штаны.

– Давай, – говорил он. – Давай!

Обращаясь скорее к наручникам, чем ко мне, я так думаю.

– По-моему, я тебе уже сказал. Ебись ты конем, проворный ты наш.

Он посмотрел на меня так, словно я был плохим сном, от которого он не может проснуться. Ох, хорошо, я доволен.

– Давай-ка вставай, ты, чувак, как там тебя, Битл, – сказала Мердок. – Только медленно.

– Я прихожу в себя, как медленный поезд, – проговорил Битл, поворачиваясь на диване. – Ты выиграла, Мердок. Игра закончена.

В своих усилиях приковать меня к креслу толстый коп совершенно забыл о Мэнди. Хотя теневой коп не забыл: ПО-МОЕМУ МНЕНИЮ, СЭР, ОНА СОБИРАЕТСЯ...

Поздно метаться.

Мэнди вся извернулась за спиной у копа и свободной рукой обвила его шею. Она дернула его назад, и он закричал. Я чувствовал, что мое сознание резко набирает высоту до нормальной фокусировки, по мере того как улетучивались остатки Вирта, и мои руки двигались быстро – быстрее, чем змеи, – пока не достали до его свободной руки, которой он пытался отпихнуть руку Мэнди. Мои пальцы сжались вокруг его костяшек.

– Я сказал, уберись, паскуда.

Мердок видела, что дело принимает неприятный оборот, и чуть отвела пистолет от Битла, пытаясь найти новую цель. Битл перекатился, потом привстал на краю дивана. Его рука была уже внутри куртки.

МЕРДОК! Я ЧТО-ТО ЗАСЕК!

Но Мердок уже все поняла. Она повернулась обратно к Битлу,

но слишком поздно. Битл вытащил свою руку – уже в открытую, – крепко сжимая пистолет. Пистолет Битла. Наконец-то в деле.

– Вот таково положение вещей, Мердок, – сказал он.

– Шака! – призыв Мердок привел в действие теневую змею. Ее лучи били из всех углов, пока они не поймали в желтом фокусе пистолет Битла.

ЛУЧЕВОЙ ПИСТОЛЕТ. 0.38. ПОЛНОСТЬЮ ЗАРЯЖЕННЫЙ. ШЕСТЬ ПУЛЬ.

Напарник-коп боролся со мной и Мэнди, но мы держали его крепко.

– Вау! – закричала Мэнди. – Вот это тусня!

– Хватит меня дурачить, – сказала Мердок Битлу.

– Фас, Карли! – закричал я. – Убей!

Молодая собака бросилась вперед.

Пистолет Мердок с ревом дал вспышку, но собака успела первой, сбив ее с ног. Полицейская была на полу, Карли – на ней, вцепившись ей в физиономию. Пуля врезалась в стену, сбив лепестки с часов, а Шака, охваченный паникой, испускал всюду лучи. Твинкль подбежала ко мне и толстому напарнику, ее крошечные пальчики сжались в кулачки. Пистолет в руке Битла взмыл в воздух, в его глазах был взгляд чистого Джэма.

Плотский коп сделал сильный толчок своим выпуклым брюхом, свалив меня обратно в кресло. Потом он рванулся к Битлу, таща за собой Мэнди, прикованную к его руке. Она била его в спину и орала на него, обзывая всеми мыслимыми и немыслимыми ругательствами, но он в любом случае добрался до того места, где лежал пистолет Мердок.

Иногда мы заходим слишком далеко, напарник.

Битл его застрелил.

Битл его застрелил! И все эти мили и дни спустя, я все еще слышу этот выстрел пламени.

Мердок визжала под собакой Карли, отталкивая ее челюсти кулаками боли. Собака рвала ее пальцы. И кровь плотского копа заляпала все стены и пол. Великолепное месиво, как сад багряных ран, и это зрелище очень меня порадовало. В такие моменты я как будто куда-то плыву, уносясь по течению.

– Шака! – выла Мердок, ее лицо все в крови от собачьих клыков. – Шака! Вызывай подмогу! Вызывай!

Лепестки все опали. Кружась, они осыпались вниз волнами из лопнувшего циферблата часов, и Шака вызывал участок, испуская лучи сквозь лепестки. Помимо прочего, теперь лучи были горячие! Лепестки вспыхивали и горели, в то время как змееголовый метался по маленькой комнатке, намереваясь устроить тотальный поджог. Линия огня направилась в сторону

Битла вдоль спинки дивана. И Битл застрелил змею. Конечно, Тень застрелить невозможно. Но Битл проделал дыру в воздушной коробке теневого копа. Теперь Шака был раненый призрак. Просто привидение, тонкое привидение, борющееся за жизнь. Его лучи стали темными. Его лицо было безмолвным криком, и в теле дыма открывались все новые дыры. Он померк до черного марева, глубокой пустоты, которая есть Смерть Тени.

Битл словно прикипел к стулу, пистолет в крепко сжатых руках, и его глаза широко распахнуты под действием адреналина. Мердок визжала из-под собаки.

– Убери от меня эту свинью! – вопила Мэнди, ее лицо было заляпано густой кровью плотского копа. – Пожалуйста, кто-нибудь... снимите с меня наручники... пожалуйста.

Теперь я мог сдвинуться с места. Я поднялся из насиженного кресла – прочь от страха, и подошел к мертвому копу. Нашел ключи на полу и освободил Мэнди.

– Спасибо, Скрибб, – сказала она.

Наручники упали на линолеум, одно кольцо все еще обвито вокруг запястья копа. На полу рядом с телом я увидел пистолет Мердок. Поднял его и сунул в карман.

– Карли, фу. Хватит.

Собака чуть отступила назад.

Битл поднялся и прижал лучевой пистолет к виску Мердок. Это было огромное удовольствие – созерцать ее рожу, всю искаженную страхом и заляпанную кровью. Глаза полицейской были намертво зажмурены. Я увидел перо на полу, рядом с головой Мердок. Я поднял его. Дешевое фальшивое Перо Знания становилось кремовым у меня в руках.

– Хватит, Битл, – сказал я. – Работа сделана.

Все мы здесь – где-то и как-то – ждем, что же произойдет.

Часть вторая

День двадцать первый

«Детка, это всего лишь ебля».

Зараженный басами

– Джин проникает внутрь! Почувствуйте его! Почувствуйте!

Две руки – каждая по отдельности, но в тоже время с охуительным чувством ритма, – работали за Сиамскими пультами.

– Большой джин проникает внутрь уже сейчас! Для приверженцев Коллихерста. Они уже в Лимбе! Они в чертовом Лимбе!

Две руки, две маленькие человеческие руки, работающие за двойными вертушками, тройными вертушками, четвертными вертушками хауса Лимбик-систем.

(примечание: лимбик-систем, так же лимбик-сплитер – аппаратура для записи и воспроизведения музыки, которая воздействует на лимбическую систему и вызывает генетические мутации у людей, ее слушающих.)

– Эта штучка специального импорта! Проделала путь из Нуарпула! Хардкор из Лимбик-систем, прямо с севера. Это греза белого лейбла, приходящая к вам! Ха-ха-ха! Танцуйте, сосунки, танцуйте!

Две руки работали за бесконечными вертушками, микшируя грезы с историями из реала, выбивая пот из крепко сложенных тел. Я и мертвеца заставлю танцевать. На хуй мертвеца. Я заставлю танцевать даже робота, даже Тень.

Я смотрел сквозь стеклянную стену будки, наблюдая, как движутся субмассы – пах к паху, или просто сами по себе. Мужчины и женщины, реальные и Виртовые. Робо и дымные. Я двигал их всех – всю конгрегацию, все различные формы существования, танцевавшие под наисвежайший ремикс из Интерактивной Мадонны.

– Мы все вместе, наконец-то! – выкрикнул я.

Мой голос, прошедший через усилители, разносился по всему танцполу, по всему Лимбику – по всем открытым пространствам и всем темным углам.

– Сыграй этот Лимбик-Сплиттер, белый мальчик! – донесся голос с танцпола. Голос прошел сквозь систему, как полоса яркого зыбкого света, вся из себя пурпурного блеска – просто голос от неизвестной девушки, крепко схваченный в искрящемся моменте, но в этот миг она была королевой.

– Инки Эм-Си говорит с тобой, вживую и напрямую, из пространства в разрывах ритма, обращаясь к танцполу. Это вещь для тебя, одинокий танцор! Двигайся живее! Танцуй!

Она танцевала. И все они танцевали. И весь зал застлало туманом, в котором мелькали фигуры под ритм разогретого хауса.

– Ты их поймал, Инк! – воскликнула Твинкль из своего угла, где она ела Басбургер с пластикового подноса. – Ты держишь их в танце, и хорошо держишь!

– Эй, послушай, еще рано. Вот увидишь, что будет дальше!

– Продолжай в том же духе, – сказала она.

И тут раздался стук в дверь. Ах черт. Еще один паразит.

– Я занят! – закричал я.

– Давай-ка, мистер Ди-джей, задай нам жару на басах, – сказал голос из-за стенки. Я не узнал этот голос, но Твинкль все равно открыла дверь, и я увидел бледное лицо и отчаянный взгляд, в котором читалось только одно: «Мне нужно!».

– Мне нужны басы, парень, – сказал он, и его глаза были подернуты пеленой изумления. – Больше басов! Больше басов!

– Я так не думаю, – ответил я.

Ему было наплевать.

– Дай нам больше басов! Давай!

Твинкль двинулась вперед, загородив дверной проем.

– Чувак, Инк говорит тебе: нет, – сказала она ему.

– Ну давай же!

– Отъебись, ты, неудачник! – заорала Твинкль, захлопнув дверь в будку перед носом ублюдка.

Девочка растет слишком быстро, и, может быть, это моя ошибка.

Ну да ладно, мне наплевать с высокой колокольни.

Я заражаюсь непрошибаемым похуизмом, и мне это нравится.

Может быть, я меняюсь к худшему. Может быть, к лучшему.

Потому что, возможно, худшее и есть лучшее, когда ты заходишь слишком далеко в своем падении.

Я хлопнул Твистер на вертушку и положил иглу на последний прямой грув, выравнивая призрачный трэк в наушниках, а затем позволив всей вещи взорваться в апогее с Манкунианским воплем

– Музыка! Музыка для тебя! Для всех, кто врубается! Для Лимбических торчков! Это из Динго Клыка, последняя композиция! Называется «Сэмплированной под ногами». Знаете, откуда это приходит! Чуть позже Динго Клык выступает вживую с «Оборотнями». А на этот раз, поставим ремикс «Девушки Дождя», «Сэмплированный под еблей»! Хардкор, детки!!!

– Можно мне пойти на вечеринку после выступления, Инк? – спросила Твинкль.

– Нет, нельзя. Ты пойдешь домой, Карли тебя там встретит, а я подойду позже.

– Ах, Скрибб...

– Не называй меня так.

Однако шум становился все громче, в то время как я гнал на вертушках, доходя прямо до Ультимакса. Танцоры двигались, отрывались, врубались в атмосферу, суперприкалывались. Из темного угла, Карли, робосука, выла на музыку, и я вставил ее в композицию, прямо в гибкий диск, микшируя ее лай с ритмом. Толпа подсела на это и принялась выть на подсвеченные очертания полной луны. Все это было похоже на вечеринку лисьего клана в брачный сезон. Люди были близки к тому, чтобы начать совокупляться прямо на месте, только из-за моей музыки, и мне это нравилось, нравилась сила, и тут вдруг снова раздался стук в дверь.

– Скажи им, чтобы убирались прочь, Твинкль. Никаких переговоров.

– Убирайтесь! – крикнула Твинкль. – Никаких переговоров.

– Это же я, Скриббл, – сказал голос из-за двери, и когда я его услышал, мои руки соскользнули с вертушек. Танцующие упустили ритм – неправильный шаг, – и теперь они громко жаловались сквозь систему.

О, черт! О, нет! Не сейчас!

– Мэнди? – спросила Твинкль.

– Не впускай ее! – сказал я.

– Эм-Си Инк говорит, нет, – крикнула она сквозь закрытую дверь.

Никакого толка.

– Это я, Скрибб. Ваша новенькая. То есть, теперь не такая уж и новенькая.

Она замолчала, а я изо всех сил старался игнорировать этот сильный голос. Голос Мэнди.

– Тут со мной Битл, – добавила она, и я почувствовал внезапный прилив слабости.

– Скриббл? – это был уже Битл, и его голос... такой настойчивый, такой добрый.

На хуй! Все кончено.

– Это не мое имя, приятель. – Я сопротивлялся. То есть, пытался сопротивляться.

– Битл хочет тебя видеть, – молила Мэнди. – Он пропустил твое выступление.

Снова – молчание, и тут голос Динго Клыка довел толпу до

экстаза, и Твинкль смотрела на меня, и этот взгляд был таким сладким...

– Впустить их внутрь, мистер Скрибб... то есть, Инк?

Я ответил лишь через семь тактов.

Дверь открылась, и эта безбожная парочка раздолбаев-развратников ввалилась внутрь Ди-Джейской коробки, и я просто не смог этому помешать, мое слабое сердце было полно любви к ним. Своего рода побитой любви, если по правде.

– Скриббл! – распустил слюни Битл.

– Хорошо, Битл, – сказал я. – Меня зовут Эм-Си.

– Ага. Я слышал.

Его глаза были сейчас затуманены втрое больше обычного.

– Давно не виделись, дружище.

– Угу.

Я нарочно сдерживал свои чувства – чтобы вывести его из себя, чтобы выстроить свои мечты, чтобы разорвать отношения с концами.

Чтобы разорвать отношения с концами. Потому что иногда приходится лезть из кожи вон, просто чтобы изобразить улыбку, просто по чуть-чуть.

– Скриббл, детка, ты повел всю толпу за собой!

– Я занят, Би, – сказал я.

И я действительно был занят, работая за вертушками, как пилигрим в поисках Бога. Это Бог Лимбика. Бог музыки, спрятанный внутри ритмов.

– Твинкль и собака Карли, – продолжил Битл, – ты взял их на попечение. Это прекрасный поступок. А я-то думал, что ты остался совсем один в этом мире.

– Может быть, ты просто меня не знаешь, Би.

Я заглянул ему в глаза и увидел там спрятанного рехнувшегося призрака.

Битл был словно зомби. Один из тех зомби, которые работают в круглосуточных гаражах, заливают бензин и Ваз в мобили сутенеров – глаза полны дыма, лопнувших сосудов и скуки. Раньше я никогда не видел, чтобы Би скучал.

– Может быть, ты ни с того, ни с сего в кои-то веки прав, – сказал он.

Я был вынужден повернуться к нему спиной.

– Как ты, Мэнди? На плаву?

– Пока держусь на поверхности, Скриббл, – ответила она. Ее волосы были такими же красными, как почтовый ящик, и это, само собой, заставляло меня трепетать.

– Пойдем, Мэнди, – небрежно бросил Битл. – Придем навестить Скриббла в другой раз. Он зарабатывает себе на

жизнь... Он... Он играет... О черт... не имеет значения.

Его голос замер вдали, и его взгляд сосредоточился на каком-то видении, за тысячу ярдов отсюда, на некоем отстраненном чуде за пределами этого царства.

– На чем он, Мэнди?

– На Ленточном черве.

О Господи. Ленточный червь. Это плохое перо, Би. Очень плохое.

– Черт, парень! – сказал я, поворачиваясь к нему. – Что с тобой происходит?

– Кстати, Скриббл? – спросил он. – Как тебе удалось найти такую кормушку? У тебя есть связи?

– Да, конечно, у меня есть связи.

– Это клево!

– Да, правильно. Это клево, – ответил я. – Ты выглядишь, как ебло, Би.

– Да, наверное. Но это хорошее ебло.

– Есть какие-то новости о Существе или Бриджит?

– Да, разумеется, каждый день...

– Что?

– Я с ними каждый день.

– Ты их нашел?

– Конечно, нашел. Они здесь внутри, детка, – и он постучал длинным ногтем себе по вискн. Ну да, все правильно. Ленточный червь – то, что надо.

– Что ты здесь делаешь, Мэнди? – спросил я.

– Он сказал, что хочет найти тебя. Сказал, что хочет опять собрать всех...

– Правильно, черт возьми, Скрибб, – вставил Битл.

– Сказал, что хочет, чтобы Тайные Райдеры снова собрались вместе.

– Тайных Райдеров больше нет, – сказал я.

Битл открыл рот и тут же закрыл – словно Терморыбка сосала чью-то больную кровь.

И в этот самый момент Динго Клык появился на сцене, со своей тусовкой музыкантов, «Оборотнями». Оборванное сборище гибридов; рободоги, теневые псы, кобели и суки. Они подняли громкий шум с волчьим воем и яростными ритмами, и мне удалось сделать хороший постепенный уход на микшире, несмотря на то, что меня просто трясло от ярости.

– Что мы делаем, Песиголовцы? – кричал Динго своей толпе.

– Лаем во имя Британии!!!

Один голос, один вой.

– Да ты посмотри на этого говеного дегустатора! – выдал

Битл. – Вид у него какой-то... что-то в нем есть от Эльзасца, и по-моему, даже немало.

– И не только по-твоему, – сказал я, наблюдая за песиголовцем сквозь стекло. Он довел толпу до слюнотечения, его шерсть моталась взад-вперед под ритм пса-барабанщика.

Мелодия называлась «Сука как магнит», и его рэп был лаем!

– Как-то оно меня не привлекает! – проревел Битл. – Собачья ебля! Я имею в виду, кто, черт возьми, находит в этом удовольствие?!

– Толпа его любит.

– Гребанные извращенцы! Они просто заполонили все тут своим блядством. Блядский выводок непотребства.

– Где ты сейчас живешь? – спросила Мэнди.

– Не скажу.

– Черт, он не скажет! – воскликнул Битл. – Алло, это я, Битл! Именно я тебя вытащил из дерьма. Ты помнишь, Скриббл, как ты жил? До того, как встретил меня?

– Меня зовут Эм-Си Инки.

– Для меня ты всегда будешь Скрибблом. Или, может быть, Стиви.

– Тогда все кончено, – сказал я.

– Все – это что?

– Между нами.

– Это твоя основная работа, Скрибб?

– Нет. Я тут подрабатываю.

– Знакомая история.

– Продолжай продавать наркотики, Би. Никаких проблем.

– Подключи нас, Скрибб.

– Ничего не выйдет.

– Давай, Инк, приятель. К басу.

– Только через мой труп.

– У меня есть Вирт.

– Я его больше не употребляю.

– Хороший Вирт.

– Без меня.

– У меня есть Ленточный червь.

– Даже знать не хочу.

О Господи, дай мне силу. Не позволь, чтобы меня соблазнили.

– Подключи нас, Инк, детка. К басу. Меня и Мэнди. Мы хотим этого. Правда, Мэнди?

Мэнди смотрела на меня, как в тот раз, когда я впервые ее увидел. Когда она воровала с прилавков Кровяные Вирты.

– Я уже не могу его контролировать, Скрибб, – сказала она,

указав глазами на Битла, который раскачивался под какой-то свой сон, перечервевывая ленту назад.

– Он ходит туда в одиночку. Говорит, я не соответствую тому месту, куда он погружается. Говорит, я не заслуживаю, чтобы встретиться с Дездемоной. А мне бы очень хотелось встретиться с твоей сестрой, Скриббл. О ней говорят, как о клевой девушке. Я не знаю, что сказать. Я действительно скучаю по нашей компании. Мне не хватает таскать инопланетян вверх по лестнице. Мне не хватает тебя, Скриббл. Это правда.

Мгновения тишины. Я стою ошеломленный.

Тишину нарушает Битл.

– Конечно, тебе не хватает, Мэнди. Я имею в виду, типа, нам всем не хватает.

– Ты считаешь, что Дездемоне не хватает Райдеров? – спросил я.

– Все еще разыскиваешь этот труп, Скрибб? – сказал Битл, и вот тогда гнев прорвался, прямо ко мне в глаза, и на них навернулись слезы.

– Знаешь, что я думаю, Битл? Я думаю, что ебись ты конем и параллельно вали отсюда.

– Давай, чувак! Подключи нас. Давай вкусим басов! Давай, Скрибб. Доставь нам удовольствие. Ну, хоть разок! Ну, пожалуйста!

Хорошо, Битл. Ты сам попросил. Ты сам захотел. Что ж: иди, получи. Надеюсь, тебя там раздавит до смерти. Я взял в руки пятиштырьковую вилку. Я весь дрожал, когда вставил ее в разъем. Прямо во вход. Битл застыл с широко открытым ртом, и его десны начали кровоточить, когда я втиснул на место басовый флекс. И потом вывернул ручку – вывел басы прямо вверх, на порядок выше законных ограничений, – и одновременно обратился к толпе.

– Лимбическое племя! Это для вас! Почувствуйте! Почувствуйте! Динго Клык! Взываю к тебе! Оставь нам место для басов, Пес-Звезда!

Толпа зашлась в безумии, забилась в неистовстве, в то время, как бас ударил вовне, и Битл затанцевал в воздухе, когда тяжелые волны влились в его организм. Впечатление было такое, что его тело сейчас взорвется. Он выкрикивал мое имя, просил, чтобы я остановил басы, пока они не погрузились глубже.

Детка, это всего лишь ебля!

Знакомое чувство?

Я думаю, да.

День двадцать второй

Мое сознание было как незнакомец, бессердечный незнакомец с пистолетом в руках.

«Сливи Тув»

Привратником в «Сливи Тув» был толстый белый кролик: голова, покрытая кровавыми пятнами, заляпанная пивом шея, шерсть и огромные карманные часы – в лапах в больших белых перчатках. Большая стрелка указывала на двенадцать, маленькая – на три. Это означало, что третий час этой ночи только-только начался.

Две уличные шлюхи пытались пропиздовать внутрь без кодированного символа. Кролик их огорчил – прорваться не удалось. Я осветил свой ламинированный – с допуском во все зоны, -зашифрованный пропуск на вечеринку после выступления, сделанный в форме маленького миловидного щенка, вернее, наполовину щенка и наполовину человеческого ребенка, с испещренной пятнами шерстью; на обратной стороне было фото Динго Клыка – голого, но с его авторизованным автографом. По краю пропуска бежал слоган: Динго Клык. Лай на Британском турне. Представлен Das Uberdog Enterprizes.

Кролик-вышибала просканировал мой пропуск и уставился мне в глаза. Взгляд у него был тяжелый .

– Я был Ди-Джеем Динго на сегодняшнем выступлении, – сказал я ему. Это его проняло; он дал мне пройти.

Я протиснулся сквозь скользкий портал; сквозь нору в земле, вдоль полок с Джэмом, через коридор подвешенных светильников – прямо в давку.

В этом маленьком пространстве собралось, должно быть, человек пятьсот: друзья и подруги, любовники и любовницы, враги, мужья, жены, двоюродные братья, группиз, агенты, роуди, менеджеры, одетые в шерсть, зарыватели костей, разносчики блох, блистающие великолепием собаки и мусорщики, Ди-Джеи, Ви-Джеи, Эс-Джеи, матери, перематери, бывшие любовники и любовницы, торговцы пластинками. Весь антураж Динго Клыка, пляшущий вокруг портативного Вирт-транслятора, установленного на стропилах, проникал даже наружу – в Фетиш-сад, и танцевал там под луной уличного фонаря.

Я вошел в плотную толпу, и сразу завелся до умопомрачения, и потерялся, врубившись с концами в эту атмосферу, с

дуновением Блаженства. Иначе было никак нельзя. Любовь – штука привязчивая, она прилепляется и не отпускает. Ну, то есть, когда вдыхаешь ее напрямую, через очиститель воздуха – тут уже без шансов. Я глубоко вдохнул, чувствуя себя кайфово – как бумажный самолетик. Чуваки, это был клевый Ветер Блаженства. Я сделал еще один вдох, на этот раз набрав полные легкие, голова закружилась, и я вдруг возлюбил всех и каждого в этой толпе. Изящным движением проложил себе путь к бару и заказал стакан Фетиша. Темные ароматные приходы зацепили палитру моего восприятия, вызвав блескучие искры, и меня унесло, возбужденного, разгоряченного. Система в «Сливи Тув» играла «Лучшая из лучших костей», оригинальная штамповка Динго Клыка, но это был очень тяжелый (очень тяжелый!) ремикс, состряпанный Кислотной Лэсси, и композиция завела танцующую толпу до исступления. Я обернулся, облокотившись спиной о стойку, чтобы понаблюдать за действием. Я уставился в даб-зеркало. Это такое особое зеркало, в котором видны только лучшие куски. Именно этот изумительный микс Блаженства и Фетиша, собакомузыки и танцующей толпы заставлял тебя ощутить звездой в своей собственной системе.

Я отхлебнул еще Фетиша, смакуя его, вдыхая запах Блаженства, и включился уже на полную в атмосферу тусовки, просто влился в нее целиком. Боже, мне нужно было расслабиться!

Наверху был балкон, и у меня вдруг появилась мысль, что мне хотелось бы оказаться там и глядеть вниз на толпу. Я протолкался от стойки, крепко сжимая в руке стакан, достиг мальстрема танцующих и пошел дальше, продираясь сквозь небольшие зазоры между танцорами. Одни были одеты в черное, другие – в пурпур, третьи – в винил, четвертые были все в перьях, пятые – в радугах, шестые – обнажены до исподнего, седьмые – все в шерсти, восьмые – в дыму и дымке, девятые – в лохмотьях, десятые – в невнятных бормотнях. Остальные – в украшенных булавками нашивках. Здесь присутствовали все цвета. Пот уже лился с меня ручьем, когда я добрался до тесной компашки ценителей перьев. Проходя мимо них, я словил небольшую щекотку в горле, действительно небольшую, я уловил только проблеск залитых лунным светом лугов, когда я пролетал над ними, хлопая Крыльями Грома, преследуя добычу. Банда сидела на Крыльях Грома и его сладкое ощущение оставалось со мной, даже когда я прошел дальше, прокладывая себе путь по направлению к лестнице. Крылья Грома помогли мне продраться сквозь тусовку и взобраться наверх по ступенькам. Было ощущение, как будто я летел над этими ступеньками. Наверх – на

балкон, где мир застыл в ожидании.

Это был мой первый Вирт за восемнадцать дней, с той самой ночи, когда мы отправили в Валгаллу того толстого копа, и у меня было такое чувство, как будто я вернулся домой. Этот вкус... Может быть, я начинают слабеть. Но в этом не было ничего плохого.

Там на балконе было спокойнее. Атмосфера была не такой заводной. Там стояли кресла, и люди беседовали друг с другом у столов с едой. С едой! Не ел уже целую неделю! Так мне казалось. Но сначала мне надо было взглянуть вниз, чтобы посмотреть на тусовку с верхотуры. И когда я посмотрел вниз, последние остаточные фрагменты Крыльев Грома заставили меня ощутить себя так, словно я летел над танцполом, над собаками и тенями, робо и Виртовыми, – все смешалось в Блаженстве.

Там был и Битл, уже вернувшийся из своего басового трипа. Его до сих пор слегка подергивало, но он игрался в толпе как робо-профи, принимая перья от случайных знакомых. Я огляделся в поисках Мэнди. Мэнди не было. Но зато были Тристан и Сьюз со своими общими волосами; они приподнимали волосы над толпой, двигаясь в давке. Боже! Там была эта теневая девушка, как же ее зовут? Она пыталась избить нас в Бутылке. Нимб! И, посмотрите, там был и Скриббл, принимающий в рот перо . Нет! Только не это! Я был здесь, наверху, на балконе, а не внизу! Внизу меня не было! Я боролся за контроль над своим телом, с трудом пытаясь определиться в пространстве.

Я наблюдал за тем, как я пропадаю в толпе, в дыму. И так было лучше. Снова быть только одним-единственным, опять в одном теле. Меньше всего мне нужны эти трудности, этот пиздец!

Теперь появилась и Мэнди. Я ее вычислил. Ее сдавили в тусовке и какой-то незнакомый чувак тыкал пером ей в губы – вне всяких сомнений, какой-нибудь Порновирт, – надеясь на должный настрой. Попробуй Кровяной Вирт, дружище. Тогда больше шансов на шоу. Но, как я понял, чуваку не покатила малина, потому что он сразу же был отмудохан, и, вцепившись в свои яйца, поспешно исчез в толпе. Ничего особенного не случилось. И в любом случае, Мэнди отхватила перо на халяву. Черт! Вот девка! Рядом с такой будет приятно проснуться утром, когда ты бодр, полон сил и готов к дневным приключениям.

И тут ко мне обратился голос, практически – в упор, с левой стороны, но я был уверен, что там никого нет. Я повернулся, и там стоял он... Этот джентельмен. Другого слова и не подберешь. Джентельмен был окутан знанием и страданием. И на нем был павлинье-зеленый твидовый костюм-тройка с кожаными эполетами. Его лицо обрамляла окладистая борода и усы –

щедрая компенсация за редеющие волосы на голове. То, что осталось от этих волос, было зачесано назад сложным узлом и болталось над одним плечом, как какая-то мутантская топология. Его глаза были абсолютно желтые, мягкие и апатичные. Они будили самые худшие воспоминания. Губы полные и красные, и когда они разделились, чтобы заговорить, у меня возникло странное ощущение, что он говорит со мной напрямую – прямо мне в душу.

– Да, эта девушка особенная, – сказал он, словно уловил все мои секреты. Он говорил с сильным ирландским акцентом, и это тоже пробуждало воспоминания и чувства, которые я никак не мог определить, словно я уже слышал его раньше, но не обращал на него внимания.

– Это правильно, – сказал он. – Ты не обращал на меня внимания.

Я же не говорил это вслух! Черт! Точно как с Бриджит.

– Ты что, Дремлющий? – спросил я.

– Типа того, но не такой, как Бриджит.

– Что?

– Ты ищешь Дездемону. Я прав, Скриббл?

Он знал мое имя.

– Ты знаешь, как...

– И Бриджит, разумеется. Ты хотел бы найти Бриджит. Единственная беда: ты уверен, что Существо для тебя важнее, чем Бриджит. Из-за обратной перекачки для твоей сестры. И поэтому ты себя чувствуешь виноватым.

– Кто ты? – спросил я настойчиво .

Он отхлебнул красного вина из своего бокала.

– Давай-ка чего-нибудь поедим.

И тут он исчез. Я повернулся, чтобы пойти за ним, но за ту долю секунды, пока я оборачивался, джентельмен ускользнул. Такое впечатление, что он просто растворился в воздухе. Я огляделся по сторонам, пытаясь найти его. Но его нигде не было. И у меня в сердцу вдруг образовалась вселенская пустота – совершенно ненужная пустота.

Я опять обратил все внимание на тусовку внизу. Теперь там появился Динго Клык. Он шел сквозь толпу, окруженный многочисленными подхалимами. Сотни любящих рук прикасались к нему и гладили его шерсть, и тусовка изменила расположение, сгрудившись вокруг него. Теперь все потерялись в безликой массе, за исключением центральной фигуры – Динго-песиголовца. И в самом темном углу, далеко внизу, формировалось тело из дыма. Я уловил только проблеск, когда его разметало в толпе танцующих. Но я чуть не подпрыгнул на

месте, сам не знаю – с чего бы.

Я ощущал такую кошмарную пустоту внутри и решил обратиться к еде – за неимением другого способа отрешиться. Стол ломился от яств. И это был миг неподдельной радости; я уже весь истекал слюной. Там были крошечные крылья жаворонков, тушеные в свиной крови. И чернильные мешочки осьминогов, истекающие соком на свежие сливы. Там были яйца вьюрков, зажаренные на растительном угле, в маринаде из шафрана. И покрытые коркой глаза девственных овечек, густо осыпанные темными волокнами конины, основательно зажаренными в теневом масле. Надзирал за банкетом сам шеф-повар «Сливи Тув», со своими длинными, завазованными назад волосами и впалыми щеками, поросшими щетиной. И что-то было в его глазах – какая-то дурная потребность.

– Жри, давай, Ежикоголовый, – сказал он мне. – Смакуй.

– Обязательно, – отозвался я, наполнив мой рот сочным жареным мясом. – Ого, вот это вкуснятина!

– Просто скажи им, что это Барни готовил. Барни, шеф-повар. Запомнишь?

– Запомню, – промямлил я с полным ртом.

И тут рядом со мной возник Битл, накладывая себе полную тарелку.

– Нормальная жратва, Скрибб? – спросил он.

– Разумеется, – сказал я. – Барни, шеф-повар, готовил.

Барни, шеф-повар, улыбнулся мне благодарной улыбкой.

– Что-нибудь слышно о Мердок, Скриббл? – задал вопрос Битл.

– Я держусь тише воды, ниже травы.

– Ну конечно. Играть в Лимбик-клубе, переполненном песиголовцами-говнюками. Это теперь называется тише воды, ниже травы, крошка.

– Мне же надо на что-то жить, Би.

– Эй, а все-таки здорово мы отделали эту суку-копа, правда?

– Ага.

– Надо было ее прикончить. Зря ты меня остановил.

– Они бы прислали кого-то другого.

– Я понимаю. Но зато сколько было бы удовольствия. Эй, между прочим, Скрибб, спасибо тебе за басовый отрыв. Это был заебательский трип! Ох, мальчик!

– Битл?

– Что?

– Не бросай Мэнди.

– Что?

Он, похоже, опять отлетал.

– Она – твой счастливый билет.

– Да... Ну... Я как-то к ней остываю. И она ко мне охладела. Больше не хочет принимать перья. То есть, те перья, которые я хочу, чтобы она принимала.

– Я за тебя беспокоюсь, Битл.

Он взглянул на меня, лишь на мгновение, но это было великолепно. Один из тех старых хардкор-взглядов Битла. Потом снова включились перья, захватили контроль над ним, и утроенная пелена смежила его веки, затуманив его глаза.

– Ты слишком много принимаешь, Би, – сказал я. – Слишком много Червя.

Я думал, что он на меня наорет, но Битл только молча смотрел в одну точку поверх моего плеча. В его глазах снова зажегся его фирменный «битловский» жесткий свет.

– Тристан! Мой друг! И Сьюз на буксире! – закричал он, приветствуя пару, которая поднималась наверх.

– Битл... послушай меня...

Но чувака как ветром сдуло. Он оттолкнул по пути хрупкого молодого парня, направляясь неровным курсом к паре со спутанными волосами. Я наблюдал за тем, как он обнял Сьюз, а потом – Тристана, как он гладил их дреды своими длинными, покрытыми Вазом пальцами. Матерая парочка гладила его в ответ, и все, что я мог сейчас сделать – только смотреть, не участвуя в происходящем. Сьюзи улыбнулась мне; это была глубокая улыбка, очень глубокая, и я снова почувствовал, как она забирается внутрь, лаская взглядом всего меня. Что же такое было в этой женщине, что отличало ее от всех других женщин, за исключением, разве что, Дездемоны? Мир вокруг закружился. Фетиш, и Блаженство, и танец; все они вставили мне. Я отвернулся от любви, сделал шаг назад – в сторону от Битла, в пустое пространство. Джентельмен ждал меня там, в своем павлинье-зеленом костюме-тройке и своей мудростью.

– Не дай ему до тебя добраться, Скриббл, – сказал он.

– Скажешь мне свое имя? – спросил я.

– Ты знаешь, кто я.

– Да, – согласился я. – Я тебя знаю.

Но откуда?

– Пока что этого достаточно, – заметил он, прочитав мои мысли.

– Существо все еще живо? – спросил я.

– Все еще живо. Так же, как и Бриджит.

И опять – что-то в его голосе меня зацепило.

– А откуда ты знаешь?

– Я наблюдаю за проносящимся мимо миром.

– Где Существо?

– Я думаю, ты должен сам догадаться.

– Скажи мне!

Он смотрел на меня. Желтые глаза. Этот взгляд глубокого узнавания, который достается тебе только раз в жизни. Его пристальный взгляд был золотым, и все плохие воспоминания, все потери – они уходили прочь. Я влюблялся, серьезно влюблялся в этого человека. Но я не знал – почему, разве что это было – как влюбляться в давно потерянного друга, только такого, которого ты никогда не встречал раньше. Он начал говорить, но вдруг его глаза переключились в одной быстрой вспышке направо, вверх над моим плечом.

Я обернулся и увидел Битла и Тристана. Они крепко обнимали друг друга.

И все было бы хорошо, вот только Тристан не обращал внимания на Битла, то есть, абсолютно. Он смотрел, не отрываясь, прямо в глаза Джентельмену. И больше его не видел никто. Я осознал это только тогда. Никто – только я и Тристан. Нас это объединяло, но я не мог понять, почему.

– Что происходит? – спросил я, и его глаза повернулись обратно ко мне, полные боли и страдания.

– Дело такое, Скриббл, – сказал он. – В тебе яд. У тебя внутри.

– Укус змеи? – спросил я.

– Я не знаю, откуда он берется. У некоторых он есть. У большинства – нет. Те, в ком он есть, должны это использовать. Ты не используешь.

– Ничего не понимаю.

– Я тоже когда-то не понимал. В твоем возрасте. Но однажды ты все поймешь. Однажды ты осознаешь. И все встанет на место. Ты найдешь, что искал.

– Но каким образом? – допытывался я, но Джентельмен снова проделал свой трюк с незаметным исчезновением.

– Скриббл! Иди сюда! – голос Битла ворвался в мой транс. – Скриббл! Давай поболтаем. – Он выпустил Тристана и снова пристал ко мне. Как банный лист к жопе. Его зрачки плясали под мутной пеленой, что затянула его глаза. – Скриббл, я хочу тебе что-то сказать. – Его голос был глухим и невнятным, в нем еще чувствовался отходняк от басовой инъекции. – Послушай меня! – закричал он, крепко схватив меня за руки.

– Ладно, говори.

– Скриббл… Я… Я хотел… просто хотел…

Битл вдруг огляделся по сторонам, весь нервный и напуганный, а напуганный Битл – это явление крайне редкое,

поэтому я уставился на него в упор. Он отвел глаза, не выдержав мой взгляд.

Он не выдержал мой взгляд! Битл не смог посмотреть мне в глаза! Без того, чтобы не вздрогнуть. Восьмое чудо света!

– Просто скажи, что ты там собирался сказать, – голос у меня был тяжелый и равнодушный.

Я уже говорил, что заражаюсь непрошибаемым похуизмом.

Он с видимым усилием взглянул мне в глаза и сказал:

– У меня есть кое-что для тебя.

Он вытащил из кармана свою табакерку и сунул ее мне в руки.

– Я не могу это взять, – прошептал я. – Не могу...

– Это тебе.

В этой старой жестяной коробке из-под «Черной вишневой грубой ебли» Битл держал наркотики – еще с тех славных дней, когда мы учились в Дройлсден Стейте, средней школе для недорослей. Внутри этой замурованной тьмы он хранил Джэммерсы и Ваз, Пух и Теней, Перья и Дымок, все вещества, которыми он только мог разжиться. Внутри были все его мечты. Его сундук с сокровищами.

– Я не могу это взять, Би.

– Открой, – сказал он.

Табакерка открылась с приятным щелчком и замечательным ощущением в ладонях, и я ожидал найти там внутри настоящий бардак, джунгли мрачных наркотиков. Но на подстилке из ваты лежало одно-единственное перо.

– Би!

Перо было черно-синее, с вкраплением розового. Я поднял его дрожащими пальцами, наслаждаясь его трепетанием в моих руках – словно птичка грез все еще употребляла его, паря на Виртовых волнах.

– Би!

Я повернул перо, чтобы прочитать белую этикетку.

Ленточный червь.

– Би!

Я вдруг осознал, что просто тупо произношу его имя и ничего больше, слишком потрясенный, чтобы хоть что-то соображать.

– Ты знаешь, что мне назад пути нет, Би.

– Я в последнее время увяз по уши в этой хрени, – сказал он. – Не могу остановиться.

– И на что это похоже?

Я крошился и ломался под этими намеками из вчерашнего дня.

– Это драгоценный Вирт, Скриббл. Но я на него подсел. Не

могу остановиться, все перечервываю и перечервываю эту ленту. Заглотил – и мир стал прекрасным. Но ты меня знаешь, я ненавижу подсаживаться, ну, не на одиночных удовольствиях.

– Я не знаю, если я...

– Дез там внутри, – сказал он, указывая на перо. – Ну... что-то типа того.

И я уже готов сдаться.

– Это просто ради... просто ради...

Чувак не мог произнести это вслух.

– Я понимаю, – сказал я. – Ради старых-добрых времен. Ради Тайных Райдеров.

– Правильно.

Он отвернулся, и теперь это был тот – прежний – Битл. Он подошел к столу с едой, осыпая комплиментами Барни, шеф-повара, типа какой он клевый гений на кухне Богов.

Прощение.

Битл просил у меня прощения, и мое сердце растаяло.

– Тебе это не нужно , – сказал голос с ирландским акцентом.

– Нужно, – ответил я тени, что формировалась рядом со мной. – Ты просто не знаешь.

– Я знаю все секреты, – сказал Джентельмен, снова полностью материализовавшийся.

– Мне это нужно!

– Тебе нужен дар. А не Вирт.

– И почему нет?

– Вирт уже у тебя внутри, – сказал он.

– Что ты имеешь в виду?

– Тебе не нужны перья. Ты можешь включиться сам. Напрямую. Ведь так уже было, да?

– Да.

Даже не знаю, зачем я это сказал!

– Ты там был. Проскользнул внутрь и выбрался наружу, – сказал он.

– Становится все хуже, – сказал я ему, и снова – не знаю, зачем. В последнее время со мной постоянно творятся какие-то странности; множество мелких нырков, внутрь и наружу, из одного состояния в другое. Я не понимал, что мне говорят. И это чувство – как будто мир не был твердым, – как будто он балансирует на какой-то неустойчивой грани. Похожие ощущения бывают, когда тебя настигает Призрачный Зов. И дело даже не в этом. Я жил на грани, и мне было страшно. Нет, жил не на грани, а внутри грани!

– Молодой человек, грань реальна, и ты не знаешь, поскольку уже подошел совсем близко.

– К чему подошел?

– К ступени. Становится не хуже; становится лучше.

– Ты так думаешь?

– Туда, где твое настоящее место. Где все твое. Мир снов, абсолютно безперьевой.

– Мне нравится здесь, на Земле.

– Дездемона ждет тебя.

– Что?!

О Господи!

– Она ждет. Взгляни.

И Джентельмен вежливо подвел меня к балюстраде балкона, и я взглянул вниз на тусовку танцующих, и там была Дездемона, застывшая в ожидании, в центре толпы, неподвижная, как изваяние, ее желтая блуза заляпана кровью, и ее лицо обезображено трещинами и шрамами. Сестра манила меня к себе, оттуда – снизу, с танцопола, – протянув ко мне руки, подгоняя меня.

– Дездемона, – только и смог вымолвить я.

– Да, это она, – сказал джентельмен. – Она ждет.

Я повернулся к нему, но он уже дрожал, растворяясь в воздухе.

– Скажи мне, кто ты? – потребовал я.

– Не дай Гадюке достать тебя, – сказал он. – Будь осторожен. Очень, очень осторожен. Оставайся чистым. Всегда на границе. Ты знаешь, я никогда не лгу.

– Эй, подожди…

Но он снова уставился поверх моего плеча, и я резко развернулся, и увидел Битла и Сьюз, они обнимали друг друга, а Тристан просто стоял и смотрел – прямо в глаза Джентельмена. Это был взгляд любви, той обреченной любви, что никогда не оставит тебя в одиночестве.

– Тристан скажет тебе, кто я, – сказал незнакомец.

– Кот? Кот Игрун? – сказал я, повернувшись на голос, но голос уже исчез. Кот исчез.

Снова это кошмарное ощущение. Эта пустота.

Я свесился с балкона, ища глазами Дездемону. И была она там, вся в дыму и крови, и уже уносилась прочь, в дым и кровь. И я не мог ей помочь. Я не смог, мать твою, ей помочь! Ее обезображенное шрамами лицо заволокло туманом, оно растворялось в нем, словно в грезах любви, в толпе, в Вирте.

Я терял ее.

Терял.

То, что нам хочется больше всего, то, что от нас ускользает.

Я бросился к лестнице и слетел вниз, перепрыгивая через три

ступеньки, увертываясь от танцующих – вниз к танцполу и исчезающему, блекнущему силуэту сестры. Я ворвался в тусовку, но на этот раз сквозь толпу было не протолкнуться. Кажется, я отшвырнул с дороги какого-то бедного призрака, когда продирался между людьми. Мир закрывался, и я влетел прямо в руки Бриджит.

Бриджит!

Этот дымный силуэт, который я видел на краю, сверху; теперь она была у меня в объятиях, и дым поднимался с ее кожи, гораздо сильнее и гуще, чем я привык, и ее глаза были в пятнах теней, и источали понимание. Она вырвалась от меня, обратно в объятия ее партнера по танцу, красивого мальчика с вьющимися каштановыми волосами.

– Бриджит! – воскликнул я.

– Нет, – ответила теневая девушка, и может быть это и вправду была не она. Может быть, я просто грезил.

– Ты просто грезишь, – отозвался голос у меня в голове. Но это был голос Бриджит. Она думала, обращаясь ко мне сквозь Теневые волны, и выглядела как призрак вчерашнего дня. Я уловил лишь мимолетный проблеск узнавания у нее в глазах, а потом она исчезла, растворившись в волне дыма.

И на ее месте возникло другое лицо – лицо все в шрамах. Лицо Мердок. Полицейской. Покусанной собакой. Пронизывающей. Реальной.

Она двигалась сквозь толпу, как демон.

Тяжелые утраты

Куда ты бежишь, когда в твоей жизни появляется скверная девушка? Может быть, ты бежишь домой к мамочке. Может быть, к очередной любовнице. Или, может быть, в твою жизнь, как это случилось со мной, врывается Битл – некто могущественный и сильный, даже если он в тот момент вглухую отъехал от чрезмерного злоупотребления дешевыми перьями Ленточного Червя.

Я рванулся на лестницу, снова преодолевая по три ступеньки за раз и не обращая внимания на возмущенные крики танцующих, и влетел прямо в руки главного Райдера. Когда я проорал ему на ухо эти плохие новости, вирт-пелену из глаз Битла как будто корова языком слизала. У меня сразу возникла ассоциация с плотными шторами, распахнутыми навстречу великолепному солнечному дню. Он вскрыл пару Джэммерсов уже на ходу. Схватил меня за руку и потащил сквозь тусовку, распихивая и отталкивая танцующих.

– Битл! А как же Мэнди?! – выкрикнул я на бегу.

Но Битл уже отъехал. Джэм вставил ему, и он лихорадочно сканировал взглядом пространство в поисках выхода наружу.

– Нельзя ее здесь бросать, Битл!

– Малышка сама в состоянии разрулить ситуацию, – короткий вдох, и затем: – Здесь должен быть черный ход.

Мы продрались сквозь толпу, исключительно благодаря силе ругательств Битла и заджэмованной энергии в его кулаках. Я услышал крик снизу:

– Прочь с дороги! Полиция!

Примерно так.

Вы когда-нибудь видели копа, который пытается прорваться сквозь тусовку танцующих граждан-полулегалов? Я полагаю, что в этом смысле у Мердок были очень нехуевые проблемы. Так что отсоси, милая! Я оказался прямо напротив столов с едой, и Барни, шеф-повар, одарил меня сияющим взглядом.

– Тебе понравилась моя еда, Ежик?

Я сказал ему, что он – Король Пира, и что ангелы вкусили от его щедрот. Он указал нам на заднюю дверь.

– Вот выход, Ежик, – сказал он. – Приятного аппетита.

И мы загремели вниз по тяжелым ступенькам блестящей стальной лестницы – пожарному выходу в небеса. Мы с Битлом, снова вместе, как в добрые старые времена. Явственное ощущение полета… наверное, это сказывались остатки принятых Крыльев Грома. Потом мы оказались внизу, на глухой улочке, и побежали, как черти от ладана.

Наверное, у меня не особенно получается об этом рассказывать. Но я прошу, чтобы вы мне поверили. Вот он я – в окружении винных бутылок и манекенов, солонок и клюшек для гольфа, машинных двигателей и вывесок пабов. В этой комнате – тысяча разных вещей, и я был просто одной из них. Свет едва пробивался сквозь окна, забитые листовым железом, и я пытался выплеснуть все это на убитом, по-настоящему древнем текстовом процессоре, каких теперь просто не делают, и с трудом находил слова.

Иногда слова просто не получаются.

Иногда слова просто не получаются!

Поверьте мне хотя бы в этом. И доверяйте мне, если можете. Я стараюсь изо всех сил, чтобы рассказать вам правду. Просто бывает, что иногда мне становится слишком тяжело…

Вот так мы потеряли Дездемону.

Нет. Нет, пока еще – нет.

Самое странное, что касается нашего ночного бегства: Битла я чувствовал лучше, чем себя самого. Я не знал, где я. Но Битл

был всегда, во все времена – очень четко и ясно. Я следил за его продвижением, словно через увеличительное стекло – наблюдал, как он несется, сломя голову, в темноте.

Я сам был только тенью Битла, приставшей к его пламени, когда мы с ним бежали по темной аллее, на задах ресторана «Сливи Тув». Что-то тяжеловесное и громоздкое колотилось у меня в кармане, но я тогда не обращал на это внимания. Я чувствовал, что какая-то непонятная, невразумительная толпа бежит следом со мной, но я не знал, кто они такие. Может быть, я все еще был на волне Крыльев Грома, но это тонкое щекотание в горле уже давно растворилось в кровяном потоке. Так на чем же я был?

На чем?

У меня было странное ощущение, словно ночь отдается мне, заполняя меня своими картинками.

Я улавливал отблески абсолютно всего.

Я был под Виртовым кайфом, и бежал сквозь темное пространство, и сзади неслась какая-то толпа – и никакого пера у меня во рту.

Оглушительно выли полицейские сирены, творя плохую музыку.

Сирены, свистки.

Вой генератора, качавшего энергию для набора дуговых ламп.

Свет теневых копов.

Топот ног по бетону. Настоящих человеческих ног.

Я не знал, где я.

Тяжело грохнулся о кирпичную стену, повернулся – и там была Мердок, и ее испещренное шрамами лицо уставилось на меня.

Танцоры, бывшие танцоры, запаниковали у меня за спиной в плотной тусовке, и разбежались кто куда. И я остался один, нос к носу со шрамами Мердок.

– Я все-таки тебя достала.

Голос у полицейской был глухим и тяжелым от долгого бега, и пистолет у нее в руке потрескивал светящейся жизнью, словно в обойме были живые пули.

Я, не раздумывая, запустил руку в карман, и мои пальцы сомкнулись на старом пистолете Мердок – том самом, который я украл у нее в нашем логове. Но я слабо разбирался в таких вещах, и когда Мердок приказала мне бросить его, я бросил. Пистолет с мертвым звуком упал на бетон, как будто я сам отрезал себя от освобождения, но пистолет Мердок был настоящий, всамаделишный, заряженный и готовый.

– Как это будет, малыш? – спросила она. – Грязно или чисто?

Пушка Мердок была единственной вещью в моей жизни, единственной вещью, ради которой вообще стоило жить. Так иногда происходит с орудиями смерти.

– Как это будет?

Пистолет Мердок был пульсирующей эрекцией, нацеленной мне прямо в сердце. Над крышами проступали первые проблески солнца, и темный туман формировался справа от полицейской. Другие копы занимали позицию. Я слышал крики и проклятия, когда людей забирали, или люди спасались бегством. Я чувствовал присутствие Битла, довольно близко от меня, но я не мог – по-любому – его разглядеть.

– Лучше кончить чисто, – сказала Мердок. Туман рядом с ней сгустился до дрожащей фигуры.

Я знал это лицо, эту фигуру.

Шака! Разорванный на части теневой коп. Его дымящееся тело – месиво испарений, его лицо – гримаса дыма. Он раскачивался внутри и снаружи бытия, и его новая воздушная коробка передач с усилием освещала его разломанное тело в реальном мире, так что оно могло теперь слизывать там информацию, питаясь чужими секретами. Они починили его, пусть и на скорую руку, но его лучи были по-прежнему сильными и горячими, и он выстреливал их в меня, то есть, не то чтобы прямо в меня, но в мою сторону, и я чувствовал, как они опаляют кирпичную кладку сбоку от моей головы.

– Он мой, Шака! – закричала Мердок.

Неужели такая моя судьба – стать призом в состязании двух стрелков, реального и его тени?!

Мердок приказала своему стволу сфокусироваться, и я услышал жужжание, когда он нашел меня, направив горячие пули мне прямо в сердце, в эту податливую мишень.

– Медленно повернись, – сказала Мердок. – Лицом к стене. И никаких сюрпризов. Я не люблю сюрпризы.

Разумеется.

И я повернулся, лицом к стене, и прямо в тот самый момент ощутил рядом присутствие Битла. Вот как это было. Я не видел его, но почувствовал!

Битл шагнул из теней, держа пистолет перед собой, словно какое-то подношение.

Мердок уже видела этот пистолет раньше, и теперь она вновь оказалась на мушке. Я бы даже сказал, что она не особенно хорошо просекала ситуацию. Равно как и Шака. За что, кстати, и поплатился: он снова стоял под ударом.

Мне сразу сделалось хорошо. В кои-то веки не ты стоишь под ударом.

Шака мерцал и светился вспышками, его простреленные банки данных боролись с его механизмами. Его коробку передач держал какой-то новый долбоеб-напарник, который, как очевидно, был совершенно далек от того, чтобы сохранять спокойствие; он дрожал, и воздушная коробка у него в руках дрожала тоже. Шаке приходилось страшно напрягаться, чтобы держать свои лучи на одной линии. Судя по выражению на его полуосвещенном лице, можно было с уверенностью предположить, что в данный конкретный момент ему было явно не до каких-то разборок.

Мердок потела; пот ручьями стекал со лба, вниз по шрамам от клыков рободога.

На пересечении Уилбрахэм Роуд и подъездной аллеи какого-то бедного содомита, торчал мобиль-фургон в виде собачьей конуры, принадлежавший Динго Клыку и его стае псов-музыкантов. «Хэй, хэй, мы – оборотни», – было написано на боку. Рядом с ним я разглядел Тристана и Союз; их волосы – бурная река, катящая свои волны в бледнеющем лунном свете. Сьюз держала на двойном поводке двух робохаундов. Собаки были почти с нее ростом и явно алкали крови копов.

Я танцевал. Это был тот самый судорожный нервный танец, который может себе позволить только человек, действительно напуганный в говно. Но мое сознание было как незнакомец, бессердечный незнакомец с пистолетом в руках. Таким был Битл. У него за спиной появилась Мэнди, ее глаза метали молнии, переключаясь с объекта на объект, и когда она переводила взгляд, два пистолета удерживались в равновесии: один был направлен мне в сердце, другой – в голову полицейской.

А в небе над ними висела луна, полная и безголосая.

Я рассказывают об этом вот так вот – отмечая каждый момент во времени, продвигаясь шаг за шагом, – потому что это трудно передать словами, и потому что это важно.

Мердок заговорила:

– Ты сядешь за убийство полицейского офицера, Битл.

– Сначала попробуй взять меня, – ответил Битл.

Прямо вот так и сказал. Великолепно.

Капли пота стекали по лицу Мердок, скатывались на руки, на пальцы, на спусковой крючок пистолета. Он был весь скользким, ее пистолет. Вся ситуация была скользкой.

– Дай мне инфу, Шака, – попросила она.

Шака подчинился, выбросив тонкий дрожащий луч, прямо на пистолет в руках Битла.

ЭТО ПИСТОЛЕТ, МЕРДОК, – ответил он.

– Да, блядь, какого черта, Шака!

ПРОСТИТЕ, МЭМ.

Я считаю, что мы здорово отмудохали эту Тень.

Тонкий луч снова направился к пистолету Битла; Битл не отдернул его, будто каким-то образом он знал, что именно должно произойти.

ОСТАЛОСЬ ЧЕТЫРЕ ПУЛИ, – испустил луч Теневой Коп.

– Что, Мердок, рискнешь? – спросил Битл.

– Ну, наверное, рискну, – отозвалась она.

Кого-то сейчас обязательно убьют, покалечат или арестуют.

Может быть, это буду я. Наиболее вероятно, что это буду я.

Есть вещи, которые просто должны случится. По-другому – никак.

Вот так мы потеряли Дездемону, и нашли Существо. Да, пришло время рассказать об этом.

Сестра и брат летят вниз в объятиях пера. В мир Вуду. Чтобы мягко приземлиться в саду блаженства, окруженного стеной из древних камней, засаженного цветами с одуряющим запахом – джунглями цветов. Яркие желтые птички пели яркие желтые песни в ветвях деревьев, выраставших прямо у нас на глазах. Мы забрались глубже в сад, в Английский сад...

– Как здесь красиво, Скриббл! – воскликнула Дездемона.

Это действительно было красиво. Лучшего и не пожелаешь. Дездемона взяла меня за руку и впилась мне в рот, заполнив меня поцелуями. Сад играл с нашими ощущениями, превращая их в какой-то восхитительный гобелен. Цветы были тяжелыми от пыльцы, да и я, впрочем, тоже. Я подхватил Дездемону на руки и позволил ей мягко упасть на покрывало из лепестков, а сам упал рядом, на лепестки.

Ее пизда прижималась к моему члену, и мир был прекрасен.

Это все уже было раньше, подумал я, может быть, это Призрачный Зов? Может быть, я прямо сейчас внутри Вирта? Но я сразу отверг эту мысль, причем, довольно легко, так что, я просто не мог быть в Вирте, или все-таки мог?

Или все-таки мог?!

Потом я вошел в нее, в мою сестру, чувствуя, как обнесенный округлой стеной сад приближается, и смыкается вокруг меня, и ласкает мой пенис, пока живительная влага не поднялась до вершины, и сад не заполнился целиком. Воздух был густой из-за пыльцы; мир копировал сам себя, раз за разом, через акт секса, и мы были загнаны в его систему, высасывая соки там, где их высасывают пчелы.

За нами наблюдали.

Я скатился с гладкого тела Дездемоны на землю, чувствуя, как она льнет ко мне, словно хочет почувствовать мое семя. Я

тонул, а закрытая капюшоном фигура стояла в каких-нибудь пяти футах от меня, наблюдая – просто наблюдая.

Я с трудом приподнялся, чтобы получше рассмотреть фигуру, и как будто утонул в ее пристальном взгляде. Странное ощущение. Словно тебя заглотили всего, целиком.

Фигура была закутана в пурпурную рясу с головы до ног, лицо закрыто капюшоном, так что виднелись только глаза. Желтые глаза. Два солнца, истекающие знанием.

– Представьтесь, пожалуйста, – сказала фигура.

Это был женский голос. Я подтолкнул локтем Дез, и она тоже приподнялась, подавшись вперед без всякого страха. Страха действительно не было.

– Меня зовут Дездемона, – сказала она.

– А меня Скриббл, – представился я.

Это было так естественно. Никаких проблем.

– Спасибо, – сказала фигура. – Добро пожаловать в Английский Вуду. Вы знаете, зачем вы здесь?

– Мы не знаем, – ответил я.

Я не мог лгать.

– Вы пришли за знанием, – сказала она. – Здесь будет наслаждение. Потому что знание сексуально. Здесь будет и боль. Потому что знание – это пытка. Вы понимаете, о чем я?

– Да, – ответила Дез. – Понимаем.

Неужели?

– Хорошо. Тогда присоединяйтесь к нам.

Фигура развела руками, как бы обнимая весь сад. Появились и другие фигуры. Они приближались издалека, будто образы, проявляющиеся на фотографической пластинке, пробуждающиеся к жизни. Лица у всех были скрыты под капюшонами, и они были одеты в те же пурпурные рясы, укутанные с головы до ног. Только желтые глаза смотрели из темных глубин капюшонов. Мы с Дездемоной поднялись, чтобы не смотреть на них снизу вверх.

– Мы – хранители сада, – сказали они все разом, но это было телепатическое послание, никаких слов, просто мысли. Что это были за существа?

Птицы щебетали в ветвях, и один из странных садовников издал негромкий, подобный птичьему, свист. Желтая птичка, канарейка, слетела ему на ладонь. Он бережно погладил ее, и птичка казалась довольной. Потом он осторожно выдернул у нее одно перышко. Перо было желтое, и он держал его так, чтобы всем было видно. Маленькое и изящное золотое перо, которое поцеловало Английское солнце. Оно действительно меня зацепило. Выглядело как мечта. Фигура разжала ладонь, и позволила птичке улететь. Потом она поднесла желтое перо к

губам, затененным капюшоном. Она пососала его, и тут же пропала, провалившись под землю, в какую-то дыру, которая вдруг разверзлась у нее под ногами и сразу закрылась снова, как только фигура исчезла под почвой. Цветы опять расцвели над этим местом, вырастая в стремительном супер-темпе. Золотое перо осталось – оно кружилось в воздухе, свободное от всяких ограничений. Следующая фигура подхватила его, вставила себе в рот и пропала, провалившись под землю. Перо кружилось. Еще одна фигура взяла его, вставила себе. Исчезла. Перо все кружилось. И так продолжалось, пока не осталась только одна-единственная фигура. Та самая, первая.

– Куда они делись? – спросила Дездемона.

– Они отправились в прошлое, в плохое прошлое, в поисках знания, – ответила фигура.

Она протянула перо Дез.

– Почему бы тебе не попробовать тоже, – сказала она.

Дездемона на секунду заколебалась, затем взяла желтое перо и поднесла его к губам.

– И что будет? – поинтересовалась Дез.

– Прошлое ждет, – разъяснила фигура. – Ты можешь отправиться в прошлое и изменить его. Таким образом приобретается знание.

Дездемона взяла перо в рот.

– Дез... – Мой голос воззвал к ней в цветущем саду. – Это может быть опасно...

– Да, это опасно, – подтвердила фигура. – Это Желтое перо.

– Это Желтое перо, Скрибб! – воскликнула Дез. – Ты ведь всегда хотел его попробовать!

– Да, но...

– И сколько у тебя было шансов? – сказала сестра.

– Не много.

– Вот он, твой шанс, – сказала она. – Наш шанс. Давай сделаем это.

– Дез...

– Это не для слабаков, – сказала фигура, но сестра уже вставила перо в рот. Она повернулась ко мне.

– Я хочу туда, Скриббл, – сказала она. – И хочу, чтобы ты был со мной. Ты пойдешь?

– Пожалуйста, не надо, Дез.

Все, что я мог сказать.

Никакого эффекта.

Дездемона затолкала в рот золотое перо – до предела, по самую глотку. Ее глаза вспыхнули желтым, и земля разверзлась у нее под ногами, и трава потянула ее за собой, желтая трава,

вонзаясь в нее колючками. Дездемона закричала:

– Скриббл!!!

Но что я мог сделать? Усики растений обернулись вокруг конечностей моей сестры, вытягивая кровь из сотни мест, когда шипы прокололи ее кожу. Это не напоминало столь легкий прием, полученный остальными фигурами; они не исчезали с воплями. Это происходило неправильно, день получился неправильный!

Что я мог сделать?

Желтые сорняки тянули мою сестру вниз; ползучие побеги и колючки крепко впились в ее тело и тащили вниз – в мир под почвой.

– Знание – это пытка, – сказала фигура. – Я вам, кажется, говорила.

Я рванулся к Дездемоне, изо всех сил пытаясь ее удержать.

Но цветы победили.

Они тащили ее под землю, пока на поверхности не остались только ее волосы, ее великолепные волосы, а потом даже они пропали, задушенные травой – и осталась только трава, светлые цветы. Они выросли там, где она похоронила себя самое, густо покрыв это место в считанные секунды.

У фигуры в руках снова было перо, и она предлагала его мне.

– Отъебись от меня!

Мои слова.

– Хорошо, – сказала она. – Ты еще слабый. Может, когда-нибудь...

И с этими словами она ткнула перо себе в рот. Ее глаза засияли золотом ярче, чем солнце в безоблачный день, и я остался один – в саду, в Английском саду.

Перо покружилось мгновение и начало падать. Я потянулся за ним.

Я потянулся за ним.

Желтая птичка слетела вниз – скоростная клякса, – поймала перо клювом и сразу же улетела назад, чтобы обперьить свое гнездо.

И кто теперь обперьит мое гнездо?

Сад опустел. Я остался совсем один. Одинокий человек в пустом саду, и слезы в его глазах.

Я оставался там два, три часа, точно не знаю. Знаю только, что долго.

Затем меня выбросило.

Я себе этого никогда не прощу. Почему Дездемона меня покинула? Я провел столько часов, размышляя над этим вопросом! Что я сделал неправильно? Неужели ей меня не

хватало? Чего ей еще было надо?

Есть вещи, которые просто должны случится. По-другому – никак.

Вот так мы потеряли Дездемону. И так я проснулся, весь облепленный Существом из Вирта, словно каким-то тяжелым дерьмом.

Уровни обмена.

Тяжелые утраты.

Мердок медленно отвела от меня пистолет по направлению к реальной угрозе. И вот два пистолета – нацелены друг на друга, отражаясь друг в друге с одинаковой смертоносной целью. Битл и Мердок.

И тут я услышал вой. Так воет волк на луну.

На сцене возник Динго Клык. Пасть оскалена так, что видна внутренность глотки, слюни текут ручьем. Он выл на луну, созывая собак со всего Фаллоуфилда. Ощущение было такое, как будто выла сама луна.

И я слышал, как собаки отвечают.

Фургон Динго распахнулся, и оттуда выползла парочка гибридов, царапая когтями бетон. Кажется, у Мердок тут же на месте пошли видения Собаки Карли, и ей вовсе не улыбалось поучаствовать в повторной игре в полный провал в нашей квартире. Ее рука с пистолетом взметнулась, пистолет выбросил дым. Раздался грохот. Пуля рванулась к цели.

Битл ей ответил.

Более-менее сразу. Хотя и не в то же мгновение.

Сначала выстрелил один пистолет.

Потом – другой.

И один пистолет выстрелил чуточку позже другого.

Теперь слушайте очень внимательно. Вот секрет, как надо жить: выстрели из своего пистолета раньше, чем кто-то выстрелит в тебя.

Битл отшатнулся от пули.

Его плечо взорвалось. В его плоти раскрылся теплый цветок. Меня немного забрызгало кровью Битла, но только немного.

В голове у меня надрывалась сирена, где-то под крепко зажмуренными веками, и выли волки – это взбесилась тусовка песиголовцев.

А потом были пули, внезапно свистящие повсюду. Внутри у меня – не снаружи, а именно внутри, – раздался пронзительный вопль, словно какую-то женщину зацепила шальная пуля.

Интересно, кто это? Кто словил столь паскудный подарок?

Надеюсь, это не Мэнди. Надеюсь, это не…

И тут я почувствовал, что взлетаю – взлетаю над всем этим

бедламом. Над миром дождя. Над миром сирен и воплей. Над всей его болью, каплющей, как последние дождевые капли в небольшой тихий бассейн солнечного света.

Куда меня уносило? И кто меня подобрал?

Я шел по тенистой зеленой аллее какого-то маленького городка. Дети играли в траве. Почтальон насвистывал веселую мелодию. Матери вывешивали белье на веревках, птицы пели с густых, залитых солнцем деревьев. Я шел по направлению к почтамту. Вывеска гласила: Почтамт Наслажденьевилла. И теперь я понял, где я. В Наслажденьевилле, низкоуровневом голубом Вирте. Ничего особенного. Все абсолютно легально. Бывал тут раньше, несколько лет назад, когда такие приходы меня восхищали. Но никогда – вот так вот.

Никогда – вот так вот. Без пера. Я просто там оказался! С концами. Никакой боли, никакой тревоги, никакого беспокойства. На вкус – как сладость.

Я шагал по тихим аллеям Наслажденьевилла, и меня доставали только мелкие смешки детей. Впрочем, даже не доставали. Я мог с этим смириться. И свист почтальона, и пение птиц. Никаких неприятностей. Я мог это вынести.

И еще было знание. Что я именно здесь. И я понимал, что я здесь – в Вирте, и что другой мир ждет меня, и я смогу вернуться туда, как только пожелаю; в мир боли. Я мог выброситься наружу в любое время. Или остаться здесь навсегда.

Навсегда.

Порочное искушение.

Кот Игрун

Есть сон извне, сон второго подъема нации. Когда нехороший дракон убит, и добрая королева пробуждается от своего коматозного сна – в стране, способной дать ей дыхание. Приверженцы АНГЛИЙСКОГО ВУДУ поклоняются новой королеве. Королева – хранительница наших грез. Сквозь ее порталы вам открывается парадиз изменений, где деревья зеленые, птицы поют, и поезда всегда приходят вовремя. Там много секса; секса особенного, с Английским изысканным глухим шумом. Вуду – Перо Знания. Оно открывает дорогу к другим мирам. Его нельзя купить, его можно только заслужить. Вы хотите туда? В Английский Вуду? Прекрасно. И за его пределы? Прекрасно, просто превосходно. Но примем меры предосторожности. Это влажный трип – демоническая тропа блаженства и боли, в равных пропорциях. Будь осторожен. Очень, очень осторожен. Эти сахарные стены сдавят тебя до костей. Кот знает. Кот был там. И

жил. Просто жил. Хочешь взглянуть на шрамы?

Ну да, по-моему, хочешь.

Статус: черное с сексуальным розовым и вкраплениями желтого. Внутри у него – несколько дверей, ведущих в Желтые миры. Ступай внимательно, путешественник, не допусти, чтобы тебя обменяли.

Если не хочешь не быть.

Обрезая дреды

Когда я пришел в себя в первый раз, я очнулся в мире псов. Воняло кошмарно – по-настоящему кошмарно, после сладкого, перьевого аромата Наслажденьевилла.

Надо мной склонилась собачья морда; смешанный гибрид, поскольку среди шерсти и челюстей виднелись некоторые намеки на человеческие черты. От того морда казалась еще страшнее, и я испытал настоящий шок, когда увидел ее – одну из многих голов Цербера, склонившихся надо мной... и это дыхание, этот смрад, ударивший мне прямо в лицо.

Потом мне сказали, что я тогда завопил.

Может, и завопил.

Мне тогда было не до чего – лишь бы скорее оттуда выбраться.

Почтальон Наслажденьевилла приветствовал меня бодрой улыбкой.

– Для меня есть что-нибудь, Почтальон?

– Только одно, мистер Скриббл, – он протянул мне письмо. Я вскрыл солнечно-золотой конверт и вытащил открытку, поздравительную открытку с днем рождения. Открытка была самого ярко желтого цвета, который я видел в жизни. Слова «Счастливого Дня Рождения» были написаны черным со сгустком запекшейся крови на желтом.

Я развернул открытку, чтобы узнать, чей это был день рождения.

Когда я пришел в себя во второй раз, я оказался в фургоне в виде собачьей конуры в компании бешеных псов. Воняло по-прежнему, даже в десять раз хуже, но хотя бы собачья морда оставила меня в покое.

Меня прижимало к задним дверям, словно я был последним, кто забрался в фургон. Окон там не было, но я чувствовал движение на бешеной скорости, явно превышенной скорости, по какой-то ухабистой дороге. По ощущениям это напоминало, как если бы за рулем сидел в хлам заджэмованный Битл, в добром старом стиле, и мне это понравилось.

Я приподнялся на ободранных локтях. Как же это случилось? Я был уверен, что полиция забрала меня, и ожидал, что увижу сейчас ухмыляющуюся Мердок в окружение ее долбоебов-дружков.

Но я увидел лишь плотскую орду собак. В жизни бывают такие времена, когда тебе достается только такая вот хрень. Они набились в это маленькое пространство, как сельди в бочку. Наверное, семь или восемь. Сложно сказать, сколько их, когда свет в фургоне сломан и невозможно сориентироваться в этом месиве тел. Все они имели черты собак, смешанные с человеческими, только в различных пропорциях, и их была целая толпа, и там были еще какие-то другие тела, неразличимые в давке.

Что за хуйня тут творится?

Тут я увидел Битла сквозь просвет в шерсти.

Но, разумеется, ведь это же Битл управлял фургоном?

Я тогда собирал эту историю по кусочкам, возвращавшимся в память сквозь боль и замешательство. Лицо Битла – это неожиданное явление, – было полно страдания, и мое сердце сжалось.

Подпрыгнуло.

Подскочило.

Битл был ранен...

Я не смог...

Не смог...

Похоже, они зализывали его раны!

Потом его лицо скрылось за сомкнувшейся шерстью, и только тогда я увидел Мэнди. Она прижималась к стене фургона, потому что тут не за что было держаться, прямо как в старые добрые времена.

Старые добрые времена! Три недели назад!

– Мэнди... – прошептал я, и мой голос дрогнул.

Она медленно повернулась ко мне, и в ее влажных красивых глазах я узрел боль, на порядок за пределами сна.

Именно тогда закричал Тристан. Из-под собак. Из кучи малы этих псовых, этих получеловеков. Что же они делали с ним? И почему он кричал, Тристан, словно его ранили, ранили по-настоящему тяжело. Я в жизни не слышал такого кошмарного вопля. Потом я вспомнил шальную пулю, и что кого-то, возможно, она зацепила. Может, как раз Тристана.

Так и было. Но не совсем так буквально.

Мэнди потянулась ко мне. В руках она держала обрывок какой-то одежды – черную тряпку, запачканную какой-то темной жидкостью.

Кровь.

Кого-то мы потеряли.

Кровь Битла. Это был кусок его любимой куртки, черной кожаной куртки, с шестью пуговицами по рукавам, и двойными отверстиями, и суженной талией.

Руки Мэнди были заляпаны Вазом и кровью. Как будто она гладила Битла по черным прилизанным волосам.

Но меня проняла именно эта тряпка у нее в руках. Среди крови и грязи болтался какой-то яркий блестящий ком. Он был тяжелый и немного округлый, и светился зеленым и фиолетовым, с длинным золотым языком, высунутым из пасти. Это штука была присобачена к куску куртки потускневшей латунной булавкой, и только тогда я понял, что это было.

Голова змеи.

Трофей от змеи снов.

Он ей на хер отрезал башку!

Это было уже чересчур. Надо было выбираться оттуда.

Я раскрыл поздравительную открытку в Наслажденьевилле. Солнце светило, птицы пели, дети играли. Почтальон уже направлялся дальше по улице к следующему почтовому ящику, насвистывая свою мелодию. Ощущение праздника, как в день рождения. Но чей это был день рождения? Я раскрыл открытку и прочитал надпись, нацарапанную кроваво-густыми чернилами.

Я слышал ее голос, зовущий сквозь чернила:

– Счастливого Дня Рождения, Скриббл! Ручаюсь, что ты про него забыл. Ты всегда забываешь. А я вот помню. Извини, что не смогла передать тебе подарок, но подарок обязательно будет. Когда мы опять будем вместе. Ведь мы будем вместе, правда? Не прекращай поисков, Скрибб. Я по-прежнему жду. Когда-нибудь мы опять будем вместе. Обещаешь? Твоя любящая сестра, Дез.

Мне на глаза навернулись слезы. Наверное, это первые слезы в Наслажденьевилле. Там никто никогда не плачет. Я хотел сохранить открытку, и потянулся в карман за чем-нибудь, что сгодилось бы на обмен.

Я вытащил табакерку Битла. С щелчком открыл ее и вытащил перо Ленточного Червя. Его я сунул обратно в карман. Потом закрыл табакерку и положил ее на ближайшую уличную скамейку.

Я взглянул на вишневое дерево. Ягоды были спелые и лоснящиеся под бесконечным солнечным светом, и тогда наслажденье встало у меня комом в горле, словно обломанная цыплячья кость, и я дернулся обратно, сыграв аккорд выброса.

Когда я пришел в себя в третий раз, я сидел за столом, за завтраком. Я вернулся к себе домой, в мою новую квартиру.

Сидел, нагребал из чашки хлопья «Джей Эф Кей» и отправлял их в рот. Я очнулся как раз в тот момент, когда ложка была у меня во рту, и хруст хлопьев и вкус холодного молока – это было божественно, как будто я – король, и жизнь действительно стоит того, чтобы жить. Эти славные-славные хлопья.

Напротив меня за столом сидела Твинкль.

– С днем рождения, Скрибб, – сказала она.

– Откуда ты знаешь про мой день рождения? – спросил я.

– Битл мне сказал.

– Битл!

– Успокойся, партнер, – усмехнулась она.

Но я уже вскочил на ноги; чашка с хлопьями опрокинулась и залила молоком всю скатерть.

– Где он? – выпалил я, и тут память вернулась. Я на секунду опять оказался в аллее, слышал выстрелы, слышал, как воют собаки, видел, как взрывается плечо Битла, чувствовал, как стена царапает мои локти, когда я упал... когда я упал...

– Где он, твою мать?!

Я вопил, явно дискредитируя всякое собственное достоинство.

Ладно, слушай; на хуй собственное достоинство. Ебись оно конем, это достоинство.

– Он в твоей комнате, – сообщила Твинкль.

– Что он там делает?

– Ждет тебя.

Это история про любовь. Вы уже уловили?

А я вот въезжал очень долго; все эти подарки, которые я получал.

Сколько рядом с тобой есть людей, которые готовы многое потерять, просто чтобы ты смог протянуть еще хоть чуть-чуть?

Сосчитай их.

Вульгарно, да?

Но, послушайте, я в этом эксперт.

Я отправился к себе в спальню и нашел там Битла. С ним была Мэнди. Она сидела рядом с кроватью, на старом плетеном стуле, выкрашенном в зеленый; красил не я. Я переехал в эти комнаты на Уэлли-Рэндж только три недели назад, спасаясь от копов и от Райдеров. Здесь мы обрели себя.

Я любил этот стул.

Битл лежал на кровати – на этой старой, отсыревшей и оборванной кровати с матрасом, полным клопов, и проржавевшими пружинами, выскочившими наружу.

Как я любил эту кровать. И те кратковременные передышки, которые она мне давала.

Битл лежал на моей кровати с закрытыми глазами, и у него изо рта торчало какое-то наполовину заглоченное перо.

– На чем он, Мэнди? – спросил я.

– На Ленточном Черве. На чем же еще? – ее голос звучал удрученно. – В последнее время он только и делает, что закидывается этим пером. И это так скучно, Скриббл... для продвинутой девушки.

Да, надо думать, что скучно.

Я осторожно присел на кровать, обнажив его рану. Его плечо было растекшимся месивом: лоскутья плоти были стянуты и перевязаны какой-то паутиной. Похоже на собачью шерсть. Под ней запеклась кровь. Может быть, рана уже заживала. Я не знаю. В глазах у меня были слезы. Я не смог разглядеть как следует.

– Что это за хрень у него?

– Песиголовцы чего-то там намудрили, – сказала Мэнди. – Говорят, помогает.

Я пригляделся. Его рана была крепко стянута по краям прядями шерсти, крест-накрест, создавая препятствие для кровотечения. Шерсть была смазана собачьей слюной. От этого зрелища меня замутило, хотя умом я понимал, что эта гадость его спасет. Во всяком случае, будем надеяться, что спасет.

– Почему, Мэнди? – спросил я. – Почему собаки ему помогли? Он ненавидит собак!

Мэнди просто пожала плечами.

Я пригляделся внимательнее к ране Битла и увидел там шевелящихся крошечных змей, радугу червей, змеенышей. Я отшатнулся, и тут мне вспомнились пригоршни безногих личинок мухи, которых мы с Би покупали, когда были еще детьми, собираясь отправиться на рыбалку. Я снова придвинулся к Битлу.

– Боже, Би...

Он не издал ни звука.

Я повернулся к новенькой.

– Мэнди? Что это?

– Где?

– У него в ране.

Она наклонилась.

– Там ничего нет, Скриббл. Что-то не так?

И когда я снова взглянул туда, рана была абсолютно чистой под повязкой из шерсти.

– Битл... Битл...

Я звал его очень настойчиво, по-моему, Битл меня услышал, во тьме, потому что он что-то такое пробормотал, невзирая на перо во рту. Слова выходили заглушенные Виртом, так что я выдернул перо, вырвав Битла из сна. Прямо как раньше он

проделывал это со мной, когда я отправлялся туда в одиночку. Игра сломалась, и я знал, как плохо это сказывается на ощущениях, когда тебя так вот выдергивают из сна – или сон выдергивают из тебя, у тебя изо рта.

Он вернулся к нам, медленно пробуждаясь, как будто теперь он привык, что его насильно вытаскивают наружу... Возможно, Мэнди так уже делала, и у меня создалось впечатление, что в последнее время он уходил в свои трипы легко и просто.

– Что такое, мой друг? – протянул он.

Я попытался ответить, но вышло как-то неуклюже.

– Будет ли конец нашим бедам, Би? – спросил я срывающимся голосом.

– Никакого конца... Скриббл... – небрежно ответил Битл, из глубин своей боли. Он даже не потрудился открыть глаза. – Как началось еще в школе, так и поехало. Помнишь?

Его глаза были прищурены, замутнены, и только проблеск зрачков показался между двумя слоями раздутой кожи.

– Я помню, Би. Как ты меня изводил всякой гадостью.

– Ага. Добрые старые времена. Добрые старые времена...

Его опять уносило.

– Битл?

Он приподнял веки.

– Как там Мердок, Скрибб? – спросил он. – Она уже мертвая, я надеюсь?

– Не знаю, – ответил я.

– Наверное, мертвая. Наверное, мы ее прикончили.

– Нет, еще нет, – вмешалась Мэнди. – Я не видела.

– А что ты вообще видела? – спросил я.

– Там был какой-то отвратительный театр.

– А на чем ты была, Мэнди? – снова спросил я.

– А тебя это волнует? – ответила она в тон.

– Меня все волнует.

– Не прекращай бороться, Скриббл, – сказал голос. Это был голос Битла.

– Как я могу прекратить? – отозвался я.

– Продолжай их искать. Брид и сестру. И Существо. Не сдавайся из-за меня.

– Бриджит была в «Сливи Тув», – сказал я.

– В смысле?

– Бриджит была в «Сливи Тув». Я ее видел.

Я ожидал, что он скажет, что я, дескать, вообще слетел с нарезки, что у меня был лишком сильный приход, приход от Ленточного червя. Который, похоже, вызывает к жизни прошлое.

Чувак должен знать. Он на это подсел.

Но я получил ответ, которого абсолютно не ожидал.

– Поговори насчет этого с Динго.

– При чем тут Динго, Би? – озадаченно спросил я. – Неужели он...

– Да.

– Что?

– Он наверняка кое-что знает.

– То есть, Брид все-таки жива?

– Может быть, и жива. Я уловил кое-что в фургоне. Они думали, что я был на чистяке. – Он улыбнулся. Но это была болезненная улыбка. – Ты же меня знаешь, Скрибб. Я, может, и вырубаюсь, но никогда – до конца.

– Я уже собирался сдаться, Би. Для меня это уже перебор.

– Неужто такова жизнь? – спросил Битл.

– Похоже на то. И похоже, что я к ней не приспособлен, – отозвался я, ненавидя каждое слово, но зная, что каждое слово – правда.

– Тристану нужна твоя помощь, Скрибб.

– Тристану-то что?

Кого-то зацепило шальной пулей.

– Помоги мужику.

Его глаза закрылись. Губы сжались. Битл заснул, и мне было пора уходить.

Я вставил Ленточного червя обратно ему в рот, осторожно-осторожно. Ладно, почему бы и нет? Пусть чуваку будет кайф. Я наблюдал, как он улыбается фальшивым воспоминаниям.

– Хорошая штука, – объявила вдруг Мэнди. Я повернулся к ней и увидел, что она сжимает в руках пистолет Битла, нацелив его в теневые часы на дальней стене. – Клево. Видишь, как он самонаводится.

Я наблюдал за тем, как патронник скользящим движением вращается, закрываясь.

– Ты разбираешься в пистолетах, Мэнди?

– Немного. Би до фига мне всего рассказывал. Ну что, снова за дело, Скрибб? Уже скоро?

Она набрала из банки, стоявшей у изголовья кровати, немного Ваза и принялась втирать его в стреляющий механизм.

– Ага, скоро. Завтра утром и двинемся.

– Хорошо.

– Не думал, что ты так беспокоишься насчет Дез.

– Я беспокоюсь за тебя, Скрибб.

– Правда?

Она положила пистолет обратно на ночной столик и взглянула на Битла. Он улыбался. Пусть улыбается. Улыбаться

осталось недолго.

– Знаешь, Скриббл, – сказала она, – мне в голову иногда лезут совершено безумные мысли.

– Да?

– Ну... о том, как ты меня затащил сюда, к Райдерам. Я ведь тут из-за тебя.

– Хочешь уйти?

– Что?

– Я все понимаю. Ситуация с каждым днем все хуже. Если хочешь уйти, уходи.

Она на мгновение замолчала.

– Скриббл...

– Просто скажи, что уходишь.

– Но мне в жизни не было так весело, как теперь.

Весело?!

– Что-то я не врубаюсь, Мэнди. Что ты несешь?

– Я понимаю, что вы меня взяли, просто чтобы заменить твою сестру. Но я не в обиде. Это не самое худшее, что со мной приключалось. Но я всегда искала что-то такое... что-то лучшее, чем я сама... ты понимаешь, о чем я?

– Вроде бы.

– Такой постоянный поиск человека... мужчины... который был бы круче меня. Я никогда не встречала такого, конечно. И поэтому, когда я увидела Би... Ну... ты понимаешь, что я испытала?

Я понимал.

– У вас с Дез, наверное, то же самое было? – спросила она.

Слишком она была проницательная, эта девушка, и мне это очень не нравилось.

– Можешь не отвечать, если не хочешь, – добавила Мэнди и повернулась, чтобы снова взглянуть на Битла. Он все еще улыбался, и его рана как будто дрожала, переливаясь разными цветами. – Я ненавижу, когда он в таком состоянии. Вся эта энергия пропадает. Посмотри на него! Он почти смеется. А мне очень грустно. Такой человек, как он... и живет в прошлом. Заебал уже этот Ленточный червь. Я-то – не прошлое... Я – будущее. Ты меня понимаешь, Скриббл?

Я кивнул.

– Я так думаю, я хочу убить Мердок.

Она снова взяла пистолет, и у нее в руках эта угроза смотрелась такой сексуальной... мне вдруг стало жалко, что мне так и не довелось поучаствовать в крутых разборках, где все поставлено на карту, чтобы хоть как-то, но соответствовать ее образу крутого мужика.

– Это плохо? – спросила она.

– Нет. Не плохо. Это реально.

– Я не хочу потерять его. Никогда.

Ее глаза заблестели от слез, и я обнял ее и прижал к себе.

– Ты его не потеряешь. Поверь мне.

Динго Клык ждал меня в коридоре.

Он только что вышел из комнаты Твинкль, и в руках у него была Карли, рободог. Вот именно, в руках. Он держал ее в своих получеловеческих лапах. Карли отчаянно молотила хвостом, ее слюнявый язык болтался, и из ее пасти вырывался низкий и жалобный вой на одной сплошной ноте. Голубой свет от лампы на маленьком столике выхватил из темноты лицо Динго: его знаменитые щеки и вытянутую морду, образчик совершенной красоты. Он выглядел великолепно. Признаюсь, я раньше даже жалел, что во мне нет ничего от собаки. Если бы во мне что-то такое было, тогда я бы был настоящим красавцем, и меня бы любили женщины.

Раньше – да. Но теперь – нет. Я человек. Только человек. И по-прежнему очень надеюсь, что это так.

– Карли очень расстроена, – прошептал Динго.

– Она просто собака.

О, черт! Это надо же было такое сморозить!

– Я прощаю тебя за столь явную невоспитанность.

– Битл сказал, что ты, может быть, кое-что знаешь про Брид и Существо. Например, где они.

– Почему я должен что-то знать?

– Я просто повторяю, что сказал Битл. Так ты что-нибудь знаешь?

– Я знаю, хорошая музыка или плохая. Когда я слышу хорошую, я говорю: это хорошая. Что, по твоему мнению, я знаю? Я, мать твою, поп-звезда. И если ты не возражаешь, у меня сегодня ночная репетиция. Меня уже ждут.

– Я не знаю, кому верить.

– Я думаю, тебе не мешало бы научиться хорошим манерам, когда говоришь с Псом-звездой. Который, кстати, только что спас жизнь твоему другу. Никчемную жизнь, я бы добавил.

– Ты бы лучше не лгал мне, Динго.

– О! Заебись. Это круто, – он одарил меня своей знаменитой улыбкой, той, при которой все зубы наружу.

Срань господня!

– Ты еще передо мной выдрючиваешься. Да я тебя скушаю – не подавлюсь, мой мальчик.

Я открыл дверь в спальню Твинкль. Тристан сидел на кровати. У него на руках лежала Сьюз, его единственная любовь.

Их волосы были подобны попутному потоку.

Они были спутаны.

Спутаны в запекшейся крови.

Тристан взглянул на меня. Его глаза были как пара мокрых алмазов.

– Поможешь мне? – сказал он.

– Что происходит? – спросил я.

– Сьюз, – сказал он, и больше – ни слова.

Кого-то зацепила шальная пуля.

– Сьюз ранена? – уточнил я.

– Да, – сказал он. Так просто, так удручающе и жестоко.

– Тяжело?

Тристан не ответил. Вместо ответа он вытянул руку, предлагая мне ножницы.

– Я хочу, чтобы ты это сделал, – сказал он.

Я взглянул на бездыханное тело Сьюз у него на коленях. Я хотел, чтобы мой голос звучал просто, но рот словно был обожжен, и слова выходили как дым.

– Тристан... неужели ты... это правда?

Я не знал, что сказать.

– Просто обрежешь их, пожалуйста, а?! – его глаза горели свирепым огнем. – Не заставляй меня ждать.

– Я не думаю, что смогу, Трист.

– Никто, кроме тебя, не может.

Глаза Тристана...

И я взял ножницы. Руки у меня дрожали.

Есть только две части тела, которые не чувствуют боли. Одна – волосы, другая – ногти. Обе сделаны из кератина, волокнистого серосодержащего протеина. Он присутствует на открытой поверхности кожи, в волосах, ногтях, перьях, копытах и т.д. Кератин. От греческого keras, что значит «рог» – то, что можно отрезать без слез.

Но вот что я вам скажу.

Это неправда.

Потому что я видел слезы во время стрижки.

Карли проскользнула в приоткрытую дверь.

Я держал в пальцах веревку густых волос. Веревку, которая связывала Тристана и Сьюз, так что уже невозможно было разобрать, где чьи волосы. Эти волосы были живыми. Наномикробы молили о пощаде. Я клянусь, так оно и было. Я слышал их вопли у себя в мозгу. Я так думаю, дорогие друзья, вы никогда не испытывали ничего подобного?

Я щелкал ножницами, кромсая дреды. Это требовало некоторых усилий, так что я даже был горд, что у меня

получается. И времени это заняло достаточно. Потому что волосы были густыми, и в них было полно всякого хлама: использованные спички, драгоценности, заколки, собачья шерсть. И это только за три недели с последней промывки. Я прикарманил одну из заколок. Почему? Так велел голос. Какой голос? Тот, который никогда не умолкает.

Эти волосы-дреды были такими густыми, что стрижка проходила примерно так, как если бы я прогрызался сквозь ночь.

Наверное, мне придется все срезать, под ежик.

И вот, наконец, я их разъединил – Тристана и Сьюз. Карли, робосука, лизала лицо мертвой Сьюз, пытаясь ее разбудить.

Но ее ничто уже не разбудит.

Мои первые слова

Я вернулся из Наслажденьевилла в два или, может быть, в три часа дня. Я посидел у постели больного, моего лучшего или худшего друга – как посмотреть. Я состриг волосы двум хорошим людям. Разрезал двух людей напополам. Ну, в общем, самый обычный день. Теперь я устал, мне хотелось спать – только спать, – хотя я понимал, что нам надо сматываться отсюда, причем, как можно скорее, потому что у копов есть твой номер, Скриббл, и, вероятно, ты числишься в их списке смертников. В списке Мердок.

Но знаешь что, Мердок? Я в твоем списке, а ты – в моем.

В общем, столько всего навалилось, и я, не раздумывая, завалился, полностью одетый, на диван. Глаза закрывались, отяжелевшие от этого мира. А я думал о том, как началась эта история: Мэнди вывалилась из круглосуточного «Вирта на любой вкус», таща на хвосте псов и копов.

Боже! Я уже проигрывал все обратно.

Я внезапно поднялся и свистнул Карли, которая играла с Твинкль.

– Подгони мне немного бумаги, ребенок, – сказал я, пока рылся в карманах в поисках ручки. Достал целую гору какого-то хлама, оставшегося от трипа, и разложил все это на столе. Открытка на День Рождения, перо Ленточного червя, которое дал мне Битл. Карта с дураком. Положил на стол и ее тоже. И долго и пристально вглядывался в эту коллекцию.

Мое сознание было как незнакомец.

Твинкль положила передо мной старую школьную тетрадь и потянулась к поздравительной открытке.

– Ах! Скрибб! Ты получил открытку на день рождения! От кого? Давай-ка посмотрим...

Я отвесил ей тяжелую оплеуху.

Черт...

Она отшатнулась, держась за щеку, ее глаза заблестели от слез.

О Боже... нельзя было этого делать... что же со мной происходит...

– Мистер Скриббл... – голос Твинкль.

Изо всех сил стараясь не думать о том, что я только что сделал, я взял ручку, раскрыл тетрадь и нацарапал несколько слов – первое, что я написал за последние несколько недель. И, помнится, я тогда подумал, что если когда-нибудь выберусь из всего этого с душой в теле, а не холодным трупом, тогда я обязательно расскажу всю эту историю, и вот как она будет начинаться:

Мэнди вывалилась из круглосуточного «Вирта на любой вкус», сжимая в руке желанную упаковку.

Ладно, прошло уже двадцать лет, а я только-только подбираюсь к самому главному. Впрочем, кто их считает, годы?

Я закрыл тетрадь, отложил ручку, взял поздравительную открытку, прочитал послание Дездемоны, положил открытку на место, поднял перо и карту таро. Я двигался как какой-то дешевый робо, «мэйд-ин-Тайвань».

Я вернулся к дивану, прилег. В одной руке – перо, в другой – карта дурака. Голосок Твинкль:

– Мистер Скриббл...

Я даже не взглянул на нее.

– Что ты делаешь?

– Ухожу.

Я бросил последний взгляд на карту дурака: молодой человек шагает на всех парах по направлению к пропасти, весь его мир сконцентрировался в рюкзаке на плече, собака хватает его за пятки, пытаясь остановить падение. Теперь я въезжаю в картинку, мертвая Сьюз. Спасибо за карту. Так ты считала, что я дурак? Очень хорошо. Буду действовать, как таковой. Я буду тем, кем ты хотела, Сьюз.

– Можно, я тоже с тобой? Можно, я тоже? – взмолилась Твинкль.

– Это личное, – отрезал я и засунул перо себе в рот – по-настоящему глубоко, вплоть до самого древка. Я знаю свои времена и места. И теперь пришло время выбраться. Прочь из этого времени, прочь из этого места.

Перо Ленточного червя было уже наполовину у меня в глотке, и я чувствовал, как приближаются волны с нарастанием центральной музыкальной темы, разбавленной титрами. Но

потом волны отхлынули, забрав с собой музыку, и я поплыл, я начал растворяться, и тут музыка грохнула снова, и я ощущал удар каждой ноты, и вдруг оказался там – где-то, – теряя ощущение беды, ощущение настоящего времени.

Меня словно вывернули наизнанку.

Мэнди вывалилась из круглосуточного «Вирта на любой вкус», сжимая в руке желанную упаковку.

Это все хорошо. Просто иной раз нам хочется чуть-чуть изменить то, что есть. Мы хотим, чтобы все было чуть лучше. Так, как должно быть.

Это же не преступление?

Просто момент вопиющей глупости. Вот и все.

Я имею в виду: каждый из нас хоть раз в жизни хотел этого, правда? Почувствовать, как музыка затихает, а потом ударяет по-новой?

Я сунул перо еще глубже и улетел на прекрасной волне, уносясь обратно домой, когда центральная тема и титры оборвались...

Ленточный червь

Дездемона вывалилась из круглосуточного «Вирта на любой вкус», сжимая в руке желанную упаковку.

Никаких неприятностей, милое и безпроблемное затаривание продуктом. Дез в этом деле – эксперт, и мы любили ее за это.

Мы повезли товар на квартиру, наша бесстрашная четверка: Битл и Бриджит, Дездемона и я. Битл, наш бессменный водила, сидел за рулем, смазанным Вазом для экстраперфоманса. Я примостился в кузове слева, Брид была справа. Она задремала, что, впрочем, не ново. Дездемона сидела между нами, наклонившись вперед, с рюкзаком на коленях – с рюкзаком, полным сокровищ. Дорога была ровная, и мы катили как по маслу.

– Что в сумке, сестренка? – спросил я.

– Прелесть, – сказала она. – Желтый.

Ее голос заставил меня поежиться.

Прямо как...

– Давай-ка посмотрим, – сказал я.

Дездемона вытащила перо, чистое золотое перо, щекочущее нервные окончания.

– Ого!

– Что там, Скриббл? – закричал Битл с водительского сиденья. – Она хорошо справилась?

– О Господи! Как нельзя лучше!

– Что там у нее, Скрибб? Спроси ее от моего имени.

– Что там у тебя, дорогая сестренка?

Она вертела в руках солнечное перо, глядя на него, как на святые мощи.

Да это и были святые мощи.

Бога солнца.

Осколки света от проносящихся мимо уличных фонарей проникали в салон, меняясь на черные всполохи в зеркальных окнах фургона, и застывали, пойманные на секунду, в миллионе пушинок пера. Они отражались в частицах золота, прыгая по стенкам фургона, словно солнечные зайчики.

Когда Дездемона заговорила – с таким милым лицом в блеске пера, – ее голос был инкрустирован золотом, и отшлифован до «выеби меня, пожалуйста» сияния.

Прямо как... словно она...

– Желтое Такшака, – сказала она, тихо-тихо.

На миг мы все затаили дыхание, а потом выдохнули все разом; выдохнули и вдохнули – все те запахи, все то предвкушение наслаждений.

– Такшака? – переспросил я, не веря своим ушам.

– Желтое Такшака, ебать-копать! – завопил Битл, на секунду выпустив руль. Я почувствовал, как фургон накренился. Последовал резкий толчок, когда мобиль на скорости залетел на край тротуара. На пару секунд все вмешалось в хаосе. И тут Битл заглотил Кортекс Джэммерс, Мозговой Зажим, и схватил руль, как убийца – свой пистолет. И мы оказались обратно на трассе, на дороге, на Королевском Хайвее, даже с перебором.

– Битл! Ты что, охренел?! Больше не надо так делать!

– Скажи мне, почему, малыш! – завопил он. – Ауууууу!!!!! Рок-н-ролл! – он вел фургон в стиле «все на хуй» в пламени желтого великолепия.

– Потому что надо стремиться к совершенству, Би, – ответил я. – Вот почему.

– На хуй совершенство! Давайте-ка газанем по полной на этом ублюдке!

Бриджит все еще дремала. Дездемона, предвосхищая события, игралась с пером, заводя себя.

– Это мой трип, Битл! – воскликнул я. – Позволь мне одному.

Почему я это сказал? Это так на меня непохоже. Тем более, что я не хотел отправляться один. Я хотел, чтобы компания была со мной.

– Никто не ходит туда в одиночку, Скрибб, – ответил он. – Никто не ходит туда в одиночку.

– Это личное!

Это личное?

Я слышу голоса. Голоса извне. Вот только, откуда извне, мать их? Я обнаружил у себя в руках игральную карту – молодой человек, рюкзак с барахлом на плече, лающая собака цепляется ему за пятки, обрыв манит к себе.

Откуда она у меня, эта карта?

– Это великолепно, – прошептала Дездемона. – Такшака Желтое. Маринад Бога.

Ее голос был насыщен шафраном.

– Ты читал про него у Кота, Скрибб?

– Ну, что-то читал, – отозвался я.

– Утанка был молодым студентом... – начала Дездемона.

– Что она говорит, Скрибб? – закричал Битл. – Я ее толком не слышу!

– Она рассказывает историю, Би.

– Вау! И какую историю?!

– Историю Такшаки.

– Вау! Пусть продолжает! – завопил Битл, продираясь сквозь пробку на Керри-Пэфс. Все ароматы Индии атаковали нас со всех сторон, когда мы проезжали эту жасминовую горку. Дездемона говорила так, словно ее язык был из шафрана, и мне хотелось поцеловать голос моей сестры, потому что это было прекрасно. Она рассказывала историю молодого Утанки, азиатского студента, который отправился в королевство змей, чтобы выкрасть обратно серьги королевы. Король Англии выковал эти серьги из самой благородной руды, которая только существовала в природе, и подарил их на день рождения своей прекрасной жене. Утанке было поручено доставить эти серьги королеве. К несчастью, на пути в королевскую опочивальню, серьги были украдены коварным Такшакой, королем змей, который был длинным, как река – фиолетовая с зеленым река. Его укус был смертелен для человеческой плоти и распространял по венам отравленные сны, пока сознание полностью не заражалось насилием.

Такшака унес драгоценности в свое царство, в мир Нагас, змей снов.

– И что было дальше, Дез? – спросил я.

– Твоя миссия, Скриббл Утанка, не знаю только, пожелаешь ли ты принять ее и исполнить, заключается в том, чтобы пройти через жасминовую долину змей снов, вооруженным лишь плотницким молотком, соком змеиной травы и вилкообразной веткой, и вернуть серьги обратно. Ты принимаешь это задание, о великий воин, Скриббл Утанка?

– Я не уверен...

Остальные Райдеры рассмеялись, но я воспринял это буквально.

– Просто сделай это, брат, – сказала Дездемона.

– Я не знаю, смогу ли, – ответил я. – Кот говорит, что в Желтом можно умереть ... по-настоящему.

Тогда она подалась ко мне, чтобы поцеловать.

Сестра поцеловала меня, и я ощутил, как на меня падают какие-то лепестки, прямо внутри фургона – падают, падают, у меня в голове, из какого-то невообразимого Вирта.

Цветы опадали.

Опадали цветы жасмина, а я потягивал соки Бога, правя этой колесницей в страну Такшаки, и лучшие губы на свете крепко прильнули к моим губам, ее язык проник мне в рот, словно перо. Так хорошо.

Не дай мне ее потерять.

Что?

О чем я сейчас подумал?

– Давайте закинемся этим красавцем, – пропел Битл, и я упустил свой шанс разрешить сомнения. Мы уже прибыли в порт, в порт на Расхолм Гарденз, с квартирами, напоминавшими пчелиный улей, и мы предвкушали оргазм удовольствий – удовольствий, пропитанных шафраном.

Скрипнули ржавые ворота.

Ржавчина осыпалась.

Пропитаться шафрановым кайфом. И он будет моим сегодня, во всех его проявлениях.

Битл нарушил общее настроение.

– Давайте сделаем это! Окунемся в него! – закричал он, выхватив перо из рук Дездемоны. – Давайте сделаем это! Употребим Желтое! Все за мной!

По лестнице мы поднялись без приключений – без всяких змей, – и вошли в наше логово, которое приветствовало нас шоу огней. Брид тяжело опустилась на диван, взирая затуманенным взором на экземпляр «Кота Игруна» трехнедельной давности. Битл стоял у окна, поглаживая шафранное перо. Он как следует смазал Вазом оперение и вставил перо нам всем – по очереди. Себе – последнему.

Я почувствовал, как закружились титры, и комната завертелась в момент прихода и начала расплываться, и моя последняя мысль была: это великолепно и я хочу больше, я хочу этого навсегда. А потом Желтое вставило...

Наша бесстрашная четверка купалась в озере пряностей – мы пропитались пряностями, как маринадом, наши тела окрасились в желтый. Самый сладостный цвет. Он дарил ароматы и

благоухания грядущего пира. Запах веществ, которых мы никогда раньше не пробовали.

Янтарный свет заливал гостиную, и золотые цветы осыпались с обоев – тысячи цветов. На полу образовался ковер из лепестков. В ковре открылась дыра. И хотя все мы знали, что падать сквозь желтую дверь – это плохо, мы все равно провалились сквозь нее.

!!!!!ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!!!!!

Черт! Что это было?!

Я шагал по дворцу из золота, и трое моих соратников были рядом со мной. У меня в руках – плотницкий молоток, пропитанный змеиной травой, единственным известным противоядием от укуса змеи. У остальных были точно такие же молотки, и мы были воинами добра внутри скверного мира, и я чувствовал, как меня переполняет голод и жажда крови.

Все сияло желтым, блестело и пахло шафраном – здесь, в мире Нагас.

Кот Игрун говорит, что Нагас – легендарная раса змей. Они могущественны и опасны, и обычно являются в форме обыкновенных змей, но иногда предстают как мифические гиганты – длинные скрученные формы фиолетового и зеленого. Иногда они принимают человеческий облик, просто чтобы дурачить нас. Короля Нагас зовут Такшака. Иногда Нагас застигают врасплох в человеческом мире, и это их очень злит, потому что они не выносят света нашего мира. Мы называем этих изгнанников змеями снов.

!!!!!ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!!!!!

Что это было? Я слышу голоса. Может быть, это Призрачный Зов?

Пожалуйста, Господи, пусть это будет не Вирт. Пусть это божественное удовольствие будет на самом деле.

Вступив в безграничный мир грезящих змей, мы обнаружили, что там полно замечательных устройств для игр, как больших, так и маленьких, и он весь состоит из сотен портиков, башенок, дворцов и храмов.

Вся эта красота; и не видно ни одной змеи. Только их мягкое шуршание в желтых тенях, где они скрывались, невидимые. Мою левую лодыжку легонько покалывало, словно у нее было некое послание для меня, послание, которое я давным-давно забыл.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. СЕЙЧАС ВЫ НАХОДИТЕСЬ ВНУТРИ МЕТАВИРТА.

– Ты слышала? – спросил я.

– Слышала что? – переспросила Дездемона.

– Этот голос.

– Ничего не слышала.

– Эй вы, двое, – сказал Битл. – Хары трепаться. Давайте уже припечатаем каких-нибудь змей!

Мы крадучись двинулись в этот позолоченный мир, с нашим оружием из стали и травы, с нашим страхом и потом. Бриджит запела песню – захватывающий гимн, восхваляющий невидимых змей Нагас. Они задохнулись от гордости, слушая песню, срывавшуюся с губ Брид. Но они не возвращали серьги и оставались в тенях, сплетенные в клубок.

Пыльца жасмина падала на нас с дворцовых потолков, а я продолжал слышать голоса...

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! СЕЙЧАС ВЫ НАХОДИТЕСЬ В МЕТАВИРТЕ. СТУПЕНЬ ВТОРАЯ. ЭТО БОЛЬШАЯ ГЛУПОСТЬ, ВАМ СЛЕДУЕТ НЕМЕДЛЕННО ПОКИНУТЬ ДАННУЮ ОБЛАСТЬ. СПАСИБО ЗА ВНИМАНИЕ. ЭТО БЫЛО ПРЕДПРЕЖДЕНИЕ ОТ СЛУЖБЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ.

– Ты слышала? – спросил я. – Слышала?

– Что такое, любовь моя? – нахмурилась Дез.

– Этот голос! Прислушайся к нему! Неужели ты ничего не слышишь?! Мы в Метавирте!

– Не говори ерунды.

И когда она это сказала, она взяла меня за руку. Ее пальцы были мягкими и длинными, с острыми ногтями, которые вонзились мне в руку, слегка царапая кожу – достаточно, чтобы возбудиться.

– Ладно, влюбленные голубки. Хватит болтать, – провозгласил Битл. – Вот они повылезали, ублюдки!

И тут появились змеи, распутываясь из теней, из золотых теней. Все – фиолетовые и зеленые, придающие блеск этому миру. Ядовитый блеск. Они появлялись сотнями, но они были так переплетены друг с другом, что короткой человеческой жизни не хватило бы, чтобы их сосчитать.

Я попытался убежать. То есть, мне кажется, что попытался.

Но что-то меня удержало; здесь ты должен вести себя безупречно.

Из мрака поднялся король Такшака. Его огромная голова была вся изуродована и в крови. Он, похоже, был сотворен из дыма, а не из плоти – змея из дыма.

ВЫ МНЕ ДЕЙСТВУЕТЕ НА НЕРВЫ! ПОЖАЛУЙСТА, ПОКИНЬТЕ ЭТОТ МЕТАУРОВЕНЬ НЕМЕДЛЕННО.

Битл отразил первый натиск, размахнувшись своим плотницким молотком вниз по сложной кривой, мускулы у него на руках разбухли, будто чумные бубоны. Голова молодой змеи приняла удар и раскололась, так что травяной сок попал внутрь, влился в систему, и змея разлетелась на части, и тогда змеиный

сок оказался везде, брызнул прямо на нас. Но это извержение смотрелось так здорово, что мы тут же присоединились к Битлу, опуская молотки на головы змей, увертываясь от ядовитых клыков, упиваясь соком, который изливался на нас, словно маринад дождя.

Первую линию змей мы вырубили, словно наши молоты были из плоти и крови, и все казалось таким простым – слишком простым для Желтого. Может быть, Желтые вовсе не так страшны, как их малюют. Или, может, я просто грезил, и ничего этого не было. Может, я снова улавливал Призрачный Зов, видел грязь сквозь стекло.

Неважно.

В тот вечер несколько змей снов погибли, вот все, что я вам скажу.

Разумеется, мы были на высоте и справились с заданием – мы сделали это как воины, как герои. Мы не достали Такшаку, Короля Змей, но припечатали молотками немало ублюдочных тварей. И мы вернули обратно серьги, и доставили их по адресу.

Битл был весь увешан змеиной кожей, слоями змеиной кожи – он содрал эту кожу своими собственными руками. И приколол к куртке змеиную голову – персональный сувенир победы.

– Это был охуенный театр, Дез! – воскликнул он. – Спасибо, что нашла его.

– Всегда пожалуйста, Би, – ответила моя сестра.

Мы все были измотаны; Брид быстро заснула на диване; я устроился в своем любимом кресле, Дездемона – на ковре у огня. Только Битл оставался на ногах; он расхаживал из угла в угол, как заджэмованная пантера, ищущая, кого бы слопать.

– Я себя чувствую, как выжатый лимон, – сказал он. – Пойдем, Бриджит. Пора в кровать.

Она поднялась, и они вышли из комнаты, и дверь с мягким стуком закрылась за ними.

Мы с Дездемоной остались в полном одиночестве, вдвоем против всего мира.

– Ну что, может быть, тоже в кровать? – спросил я, копируя Битла.

– Да, пожалуй, – сказала она.

Сердце у меня забилось чаще.

Словно она никуда не пропадала.

Мы набросились друг на друга под покрывалом, и в окно задувал теплый ветер, напоминавший Английский бальзам.

Как будто она никуда...

И уже после – когда мы лежали животом к спине, моя правая рука у нее на груди, левая обвивается вокруг ее шеи, моя правая

нога расположилась поверх ее ног, моя левая искусно подогнулась под ее бедра, и ее дыхание в такт моему, как часы-близнецы, – какой-то мужчина вошел в нашу комнату.

Дездемона погрузилась в сон, я тоже задремал, но все-таки чувствовал его присутствие в темном пространстве – словно привкус, оставшийся во рту после давно завершенного пиршества.

– Молодой человек, – сказал призрак. – Вы меня очень разочаровали.

Я не стал открывать глаза; я зажмурился от страха.

– Вне всяких сомнений у вас есть оправдание, – сказала тьма.

– Дездемона... – позвал я тихонько. Или попытался позвать. Или подумал, что, наверное, надо было ее позвать. Или не позвал. Неважно. В любом случае, Дездемона дрыхла без задних ног.

– Откройте глаза, молодой человек, когда смотрите на меня.

Что-то заставило меня подчиниться, какая-то внешняя сила.

Мой отец стоял у кровати и смотрел на меня.

О черт! Ох, блядь! О Боже!

Я не мог пошевелиться. Почему я не мог пошевелиться?

Подожди, не психуй. Этого не может быть. Просто не может быть.

Это не мой отец. Просто какой-то пожилой мужчина.

Отец не стоял бы здесь просто так, наблюдая за своими детьми в постели. Он размозжил бы мне череп. И вовсе не из-за благопристойности. Нет. Из зависти; притом, что он несколько раз с ней спал, со своей собственной дочерью, со всеми этими язвительными замечаниями в ее адрес...

– Будь осторожен, – сказал мужчина.

Я узнал этот голос.

Приподнялся и сел на постели, с покрывалом, обернутым вокруг пояса. Дездемона зашевелилась рядом, но не проснулась.

– Кто ты?

– Будь осторожен. Очень, очень осторожен.

– Кот Игрун?

– Разумеется. Ты меня помнишь.

– Я никогда тебя раньше не видел.

– Ну почему же, мы встречались не далее как сегодня утром. Боюсь только, что на довольно паршивом мероприятии.

– Оставь меня в покое.

Теперь, когда я уже отходил от страха, в голове проступали картинки; я стою на балконе, гляжу внизу; этот человек стоит рядом со мной... Нет! Ничего этого не было! Сегодня утром я спал рядом с Дез, в этой самой постели.

– Ты же знаешь, что Ленточный Червь – это перо для молоденьких мальчиков?

– Ленточный Червь?

– Наверняка слышал о нем?

– Конечно, это...

– Ты в нем сейчас.

– Нет. Это...

– Молодой человек, ты в Вирте. Слушай меня. Это тебе говорит Кот Игрун. Я когда-нибудь ошибался?

Я взглянул на Дездемону. Она спокойно спала. Она была рядом.

– Кот! Скажи мне, что я не в Вирте, – взмолился я.

Но тот лишь молча улыбался.

– Пожалуйста! Я не на Вирте. Пожалуйста! Это реально!

– Не сопротивляйся, котеночек. Ты только что употребил Желтое. Ты только что употребил Такшаку. Подумай об этом.

– И что?

– Это был Желтый Ленточный Червь. Я уверен. Иначе ты был бы мертв. Желтые не проходят так просто.

– Пожалуйста! – я крепко сжимал в объятиях Дездемону в ее глубоком сне. – Я не знаю, о чем ты говоришь! Ты говоришь не обо мне! Дездемона здесь! Она здесь!

– Ты не слышал голоса?

– Я...

– Ты же знаешь, что слышал. Внутри Такшаки. Голоса предупреждали тебя о Мета. Это был Генерал Нюхач.

– Кто?

– Генерал отвечает за уровни. Ты очень сильно его рассердил. Ты его слышал, правда?

– Да. Но...

– А остальные... Тайные Райдеры, так вы себя называете? Как-то уж очень замысловато... они не слышали голос. Почему, интересно?

– Потому что они... – но я чувствовал себя плохо.

– Потому что ты потакал Ленточному Червю. В одиночку. Остальные – они просто плод твоего воображения. Ничто не реально.

Это было невыносимо. Я пытался подняться, борясь с мокрыми простынями.

– Убирайся из моего дома! – завопил я, но Кот лишь рассмеялся.

Он толкнул меня одним пальцем... и я растянулся на постели, рядом с Дез. Она все еще не проснулась, и, по-моему, сейчас я должен был въехать в то, что происходит.

Кот Игрун смотрел на меня сверху вниз. Его лицо стало холодным и непроницаемым.

– Ты когда-нибудь слышал об Изысканном Желтом? – спросил он.

– Что? Нет… я… что-то такое, смутное…

– Для тебя это ничего не значит?

– Это какой-то Вирт высокого уровня. Желтое перо? Но почему? Почему оно должно что-то для меня значить?

Кот устало вздохнул.

– Давай-ка я расскажу тебе об Изысканном Желтом. Это ублюдочная хуйня, мой котенок. Полигон, если хочешь. Ритуалы игры в переход из одного состояния в другое. Это очень болезненно. Сейчас мы с тобой внутри Ленточного Червя. В нем твое прошлое кажется великолепным. Он устраняет все плохое. Преувеличивает хорошее. Изысканное Желтое – полная тому противоположность. Оно превращает прошлое в кошмар, и сажает тебя там на мель, без надежды на освобождение. Только знание сможет помочь тебе выбраться оттуда. Послушай, я был там. Оно забирает все, что у тебя есть.

– И что?

– Там сейчас твоя сестра. В Изысканном Желтом. Застряла, попала в ловушку. Она страдает. Она умирает. А вы, молодой человек, проводите время, потребляя такие мудацкие перья, как это – заставляющие поверить, что она в безопасности. У меня лично подобный подход вызывает только отвращение.

Эта речь меня добила. У меня было стойкое ощущение, что мне говорили какую-то элементарную истину; и я знал, что все это – правда. Но это по-прежнему шло в разрез с тем миром, в котором я жил.

Или, может, мне просто хотелось, чтобы это была неправда.

– Ну что, дошло до тебя? – сказал Кот.

– Ты меня смутил.

– Я должен был это сделать, Скриббл. Ленточный Червь – это не выход. Ты нужен мне в другом месте.

– Где?

– В реальном мире. Тебя скоро выбросит. И когда тебя выбросит… все эти слова обретут смысл. Я хочу кое о чем тебя попросить. Ты не приглядишь за моим братом? Нет, не возражай. Его зовут Тристан. В этой версии мира вы никогда не встречались, но встречались в реальности. Мы… ну… мы с ним не очень близки. Сейчас уже – нет. Он сейчас переживает огромную, колоссальную потерю. Я бы хотел выразить некоторое сочувствие… но увы! Ничего не получится. Ему нужна помощь, Скриббл. Ты это сделаешь для меня? Нет, нет, не говори ничего. Просто запомни эти слова. Воспринимай это как сон – может быть, так будет проще, – просто сон, от которого ты скоро

проснешься. Ты понимаешь?

– Почти.

– Хорошо. Да хранит тебя Сириус.

Кот Игрун запустил руку во внутренний карман и достал перо. Это было серебряное перо.

– У тебя есть что-нибудь, чтобы дать мне в обмен? – спросил он.

Я покачал головой. Я не мог отвести взгляд от этого пера – игра света на нем меня заворожила.

– Эта карта сойдет.

Он смотрел на наш ночной столик. Странная карта лежала там – та самая, с дураком и собакой.

– Отдай ее мне.

Я отдал ему карту, и он протянул мне перо. Оно легко легло мне в ладонь, как осколок луны.

– Ты знаешь, что это?

– Это Серебряное. Перо Диспетчеров. Я...

– Я знаю. Оно тебе нравится, правда?

– Никогда не видел такого раньше. Оно очень красивое.

– Оно называется Генерал Нюхач. Генерал – Божество Двери. Наверное, одно из самых могущественных. Если столкнешься с ним, будь осторожен. Вполне вероятно, когда-нибудь тебе потребуется его помощь.

– Где ты достал его?

– Мне его дала Хобарт.

Я так охренел, что едва не уронил Серебряное.

– Ты знаком с Хобарт?!

– Генерал Нюхач – слуга Хобарт.

Все знали о Хобарт, но никто не знал ничего конкретного. Просто имя, окруженное множеством слухов: Хобарт изобрела Вирт. Хобарт жива, Хобарт мертва. Хобарт – мужчина, женщина, ребенок, инопланетянин. Некоторые называли ее Королевой Хобарт, и поклонялись ей. Для остальных Хобарт была сном или мифом, или просто хорошей историей, которую кто-то состряпал, но так хорошо, что она начала передаваться из уст в уста, зажила собственной жизнью и стала правдой.

Никто не знал ничего конкретного.

– Что такое Хобарт, Кот? – спросил я. Но его взгляд был уже далеко, его губы сжались в строгую линию.

– Какая-то Гадюка пробирается в систему, Скриббл. Я улавливаю сообщения. Нехорошие сообщения. Мне все это не нужно, молодой человек. Это твоя хуйня! Вот что ты получаешь, когда погружаешься в Мета. У нас, похоже, утечка из Желтой Такшаки. Могу я тебе посоветовать экстренный выброс?

– Подожди! Кот Игрун! Что происходит?

– Это все твое, Скриббл. Это твое шоу.

Из-за двери донесся какой-то шум.

– Кот Игрун!!!

Он исчез, испарился.

О Боже! Что это было?

Там был свет, сиявший из-под двери, но я помнил, что вырубил свет, когда мы с Дездемоной пошли ложиться. Это был зеленый и фиолетовый свет, и в воздухе пахло шафраном, когда струйки дыма просачивались сквозь трещины.

Я повернулся, чтобы разбудить Дездемону.

Она таяла у меня на глазах, становилась невидимой.

Я остался один. Все ускользнуло прочь: комната, мир, любовь.

Я был в Вирте, и за мной что-то охотилось.

Невыносимая грусть.

Такшака прорвался сквозь дверь – чудовищное сочетание цвета и дыма, кружащееся по комнате, даже когда комната стала блекнуть, и меня начало выбрасывать.

Давай! Сделай это!

Не смог найти путь наружу.

Король Змей раскрутил свое длинное тело по всей комнате – предстал во всей своей красе. Его голова была фута три в длину, с кровожадной пастью, разделенной двумя копьевидными клыками. Понимающий взгляд в его немигающих глазах. Словно он надо мной смеялся. И было там что-то еще; что-то, что разбудило во мне нехорошие воспоминания; я знал этот взгляд! Из реального мира…

Давай же, ублюдок! Выпусти меня отсюда!

Я попытался переключиться на выброс, но попал в никуда, застрял между мирами, я был в сознании, я понимал, что существую на самом деле, даже когда мое тело цеплялось за Вирт.

И кто-то звал меня по имени…

Такшака широко раскрыл пасть, демонстрируя раздутый ядовитый мешочек у самой глотки.

– Скриббл! – Этот голос.

Помоги мне. Голос, пожалуйста, помоги мне. Такшака слегка прикрыл пасть, и я снова увидел его глаза и вспомнил, что это за взгляд…

Теневой коп!

– Скриббл! Выбирайся наружу! Пожалуйста!

Голос звал меня. Голос Твинкль!

Король Змей навис надо мной…

Сделай это сейчас, сделай выброс! Давай!

– Скрииииии…

Интенсивный рывок где-то в теле, и я…

– …ииииибблl!

…тяжело свалился на диван, как будто проделал путь в несколько десятков миль.

Меня трясло. Твинкль трясла меня.

– Скриббл? Давай же!

– Что? Ага! Боже! Больно…

– Я до тебя достучалась. Успокойся! – Твинкль крепко держала меня, пока я обретал себя в реальном мире, словно мама, вырывающая ребенка из кошмарного сна.

Ленточный Червь.

Это был всего-навсего Ленточный Червь. Все поцелуи и ласки Дездемоны – просто фальшивые грезы, грезы бедного мальчика.

Дездемона все еще оставалась в плену. Вот – реальность.

Я вытянулся в полный рост на старом диване, в комнате на Уэлли Рэндж, и Карли, робосука, лизала мне лицо, и Твинкль склонилась надо мной.

– Вы в порядке, мистер Скриббл? – спросила она.

Не смог ответить. Не знал, в порядке я или нет.

Она втиснула что-то мне в руки.

– Это от Битла. Он больше не может им пользоваться. Из-за больной руки.

Я поднес руку к лицу. Пистолет Битла.

– Он просил передать тебе… Счастливого дня рождения.

Битл отдал мне свой пистолет?

– Я тоже тебя поздравляю, – сказала Твинкль, медленно, словно это была тяжелая работа. И тут я вспомнил, что ударил ее.

– Прости, что ударил тебя, Твинк. Вся ситуация меня нервирует.

– Я понимаю.

Она действительно все понимала. Девочка росла не по дням, а по часам.

Я взвесил пистолет в ладони, чувствуя его силу. Открыл патронник и увидел, что там осталось всего три патрона. И я должен использовать их. На этот раз, я не брошу тебя в панике или в страхе.

В другой руке у меня лежало серебряное перо. Генерал Нюхач. Дверной Бог. Ключ к Коту.

– Скриббл! Ты принес Серебряное! – воскликнула Твинкль. – Отлично сработано!

Отлично сработано?

Ладно, тогда… да… отлично сработано, отлично, мать твою, сработано! Я прорвался!

Это все твое, Скриббл. Это твое шоу. Да хранит тебя Сириус. Теперь я понял, что он имел в виду. Пес-звезда.

Я иду вслед за вами, за всеми, кого я потерял.

Часть третья

День двадцать третий
«Стакан Фетиша. Чистые наркотики. Хорошие друзья. Охуительный напарник».

Обперьенный

Полночь. Все закрыто. Тишина. Крадучись вышел из дома, прикрыв за собой дверь. Улицы Уэлли Рэндж мерцали в темной дымке. Несколько уличных фонарей все еще функционировали, но большинство из них были давно мертвы. Теплый влажный воздух висел над городом, переполненным запахом дождя, как Воскресное проклятие. И, разумеется, оно было сотворено до нашего краха. И этот день, судя по всему, будет самым долгим воскресеньем в моей жизни.

Ну что же, давайте сделаем, что собирались!

Я полез в карман, вытащил тюбик Ваза, оглядел улицу, отыскивая потенциальную жертву. Чуть в стороне я увидел примерно двенадцать машин, и прекрасный яркий «форд транзит», припаркованный наполовину на тротуаре, наполовину на мостовой. Я пошел в его сторону, размышляя: ну, давай ты, ублюдок, Кот Игрун, дай мне немного знания! Дай мне узнать, каково это! Я искал Вирт на протяжении всего пути – что-то, во что можно войти в безперьевом состоянии.

Если бы мне это удалось ...

У второй по ходу машины я попытался вызвать Мастера Катастрофы. Ничего у меня не вышло. Не смог до него дотянуться. Слишком улетно, чтобы его коснуться, слишком мрачно. У четвертой машины я попытался вызвать Стартер. Тоже без толку. Слишком далеко.

Дерьмово до одури! Что же я делаю?

У меня не было прав, или чего-то такого. Битл преподал мне несколько уроков, во время которых матерился, как демон, хватаясь за руль, и вот я оказался здесь, надеясь осуществить незаконное изъятие транспортного средства без согласия Владельца.

Я приблизился вплотную к «транзиту».

Коснулся дверной ручки и вызвал к жизни Дитя-Гонщика.

Дитя-Гонщик – это нижнеуровневый театр, Вирт для начинающих. По идее, я должен был попасть туда сразу.

Легко.

Левую лодыжку покалывало. Такое ощущение, словно там была рана, где-то очень далеко, и может быть, она была открытой,

и я чувствовал Вирт в моих венах, кровь, накатывающую волнами, обдувающий меня ветер, прямо в дюймах от кончиков пальцев.

Не смог коснуться его. Не смог. Изо всех сил старался. Но просто не смог.

Волны отхлынули назад в море. И я остался сухим и пустым. Я стоял рядом с изумительным бело-голубым «транзитом» прямо на краю тротуара – просто стоял и ничего не мог. Такое ощущение, словно прямо сейчас должен начаться дождь, и вся вода хлынет на меня, и только на меня.

Так погано.

Нам пришлось тащить Битла вниз по лестнице, прямо как в старые добрые дни с инопланетянином, я – за один конец, Мэнди – за другой. Она была на высоте. Я, конечно же, постоянно его ронял, а Мэнди делала мне замечания.

– Ты на чем, Скриббл? – спросила она.

– Я на своем сознании, – ответил я. – А ты на чем?

– Очень смешно.

– Да. Пиздец как весело! – заорал Битл. – Просто спустите меня вниз спокойно.

Сразу за нами спускались Твинкль и Карли. Тристан шел за ними. Он нес тело Сьюз, и ее длинные локоны теперь свисали свободно, избавившись от пут волос своего любимого. У него на уме были какие-то скверные вещи, и было видно, как они тяжело колышутся у него в глазах. Но у меня сейчас не было времени в это вникать, все мое внимание занимал Битл, который горестно причитал:

– Держите меня на хуй крепко, вы двое! Я – раненый воин и заслуживаю уважительного обращения.

– Битл, на самом деле, я думаю, что ты вполне в состоянии идти сам.

– Ебать я сейчас в состоянии идти! Я – дипломированный инвалид.

– Пиздец с твоим плечом, Би, – сказал я, роняя его.

– Твою мать!

– ... а не с твоими ногами.

Голова Битла неуклюже покоилась между двумя ступеньками.

– На самом деле, Скриббл, дорогуша, – заметил он, глядя прямо на меня, и свет, исходивший от его лица, скрылся в тени. – Я себя чувствую очень хреново. Что-то со мной творится. Мое плечо... черт...

Когда я опять посмотрел в эти черные глаза, у меня снова возникло то прежнее ощущение, как будто меня сейчас засосет в их густую тьму.

– Ты ведь достал машину, да, Скриббл? – протянул он, на

шепоте выдоха.

– Да. Конечно, – солгал я. – Достал просто прелесть, а не машину.

Просто не смог забраться внутрь, не смог завести мотор, не смог поехать на этой прелестной машине. А в остальном... все заебись.

Я поглядел на Тристана. Может быть, он сумеет добыть машину и сесть за руль? Но в руках у него был груз – груз потерянной любви, – и я решил оставить его в покое.

– Несите меня, несите меня, – выпевал Битл.

И мы несли. Последние несколько ступенек, через дверь – на горячую улицу. Фургон был на месте, через десять машин. Ждал нас.

– Я не вижу никакого фургона, Скрибб, – сказал Битл.

Мы свалили его, как мешок, на мостовую, и остальные из нашей компании встали вокруг, и все они глядели на меня. Как будто я был воином, бойцом. Черт, чувак, может быть, я просто не из таких! Может быть, мне не справиться!

– Ты нашел место, где пока положить Сьюз? – спросил Тристан.

Его лицо истекало потом в ночи, от тяжести, от напряжения всех чувств.

– Ага, нашел.

– Он вообще ни хуя ни нашел! – прошипел Битл. – Детка – ходячий облом! Я скажу тебе кое-что, Тристан. Малыш, как пить дать, больше не Тайный Райдер.

– Иди на хуй, Би! – парировал я.

– Кто здесь всем заправляет? – спросил он.

– Я.

Больше я ничего не сказал, просто пошел вверх по улице, по направлению к фургону.

– Ох, хорошо, – услышал я его голос у себя за спиной. – Я рад, что хоть кто-то здесь заправляет хоть чем-то.

Его слова подстегнули меня, когда я шел сквозь волны горячего воздуха. Моя тень собралась под одним уличным фонарем и проследовала в выжженную темноту другого.

Меня переполняла жгучая ненависть. Ненависть к Битлу. Ненависть к своему роду занятий. Ненависть ко всем утратам и всем обломам. Ненависть к провалившейся Дездемоне, к Бриджит и Существу, и ко всем остальным, которые теперь ждали меня, и которых мне придется подставить, и, несомненно, я их подставлю, когда начнется настоящая заваруха.

Так было, когда я почувствовал приход. Вспышку. Неожиданный образ. Я увидел себя, как я еду в украденном

«мерсе», с оттягом выворачиваю руль на углу, и мне на все наплевать, я преднамеренно оставляю вмятины на шикарных машинах, припаркованных у тротуара.

Я погрузился в Дитя-Гонщика.

Я оказался там, без дураков! За рулем!

Абсолютно обперьенный, живущий на даб-стороне.

Ненависть сжигала меня, подгоняла, подхлестывала.

Я завазовал замок, открыл капот фургона, отключив сигнализацию. Как, вашу мать, мне это удалось? Обрезал один провод, соединил его с другим, выдавил немного Ваза из тюбика в дверной замок, проскользнул в фургон. Достал из кармана заколку Сьюз, обмакнул ее в Ваз, вставил в замок зажигания. Мотор мягко завелся, и я вдруг понял, что все под контролем, что я все знаю и все умею. Это было почти блаженство, когда я повернул руль и вывел фургон из закутка, без всяких царапин, и направил его к нашей команде. Под вазовой смазкой все во мне пело.

Я открыл заднюю дверь, и Твинкль и собака первыми поднялись на борт – первый груз. Я облокотил голову Битла на край фургона и сам завалился на спину, помогая втащить его покалеченное тело внутрь. Мэнди подталкивала его ноги. Она вскарабкалась внутрь за ним. Во время всей этой процедуры Битл издавал какие-то звуки, но шторы были закрыты, и я не видел, что с ним такое. Я уже выбрался наружу, когда Мэнди позвала меня обратно.

– Скрибб? Битл...

– Что стряслось? – спросил я.

– Его рана. Смотри...

Там копошились черви, и превращались в цвета. Все цвета, которые только есть в спектре.

– Что с ним? – спросила Мэнди.

– Нам сейчас не до него, потом разберемся. Ты же знаешь, нам надо кое-что сделать.

Другими словами... Я просто не знал.

– Что с вами не так, люди? – заорал Битл. – Я себя чувствую на высоте! Я при делах! Просто больно чуток и все!

Я вылез из фургона и подошел туда, где ждал Тристан со Сьюз на руках.

– Как себя чувствуешь, Тристан? – спросил я.

Он уставился на меня своими стальными глазами, и в этих глазах я увидел ответ. Нехороший ответ.

– Мы все делаем, да? – сказал я ему.

Он продолжал смотреть.

– Ты знаешь, чего она хочет, – заметил я.

Он кивнул.

Мы затащили ее мягкое податливое тело в фургон; это была словно какая-то церемония. Тристан последовал за ней, шагая твердо, но как-то вяло. Они все забрались внутрь.

Хорошо.

Первая фаза закончена.

Я закрыл одну дверь, потянулся к другой.

– Главное – верить.

Именно это я сказал, не знаю почему, просто сказал и все.

Главное – верить.

Я закрыл их во тьме, и пошел к водительской дверце. Забрался в кабину. Рванул вверх за Виртом. Рухнул вниз. Я чувствовал, как накатывает прилив знания – знания Дитя-Гонщика. Пальцы сами повернули ключ-заколку, включили зажигание, нога замерла на педали в предвкушении старта.

Вирт хлынул потоком.

– Йаааааааа!!!!!!!!!!!! – услышал я собственный вопль.

Дитя Гонщик.

– Будь осторожен, Скрибб, – сказала Твинкль сзади, выдавая свое любимое выражение Кота Игруна. На Кота Игруна это было совсем не похоже, но это не главное.

Будь осторожен, будь предельно осторожен.

– На хуй осторожность! – заорал я, тронувшись с места.

Тронувшись!

Мои руки стали орудиями Вирта.

* * *

Я припарковал фургон в нескольких футах от того места, где наш старый фургон, Тайномобиль, нашел свое последнее пристанище. Тяжелые шины с хрустом давили стекло; мы остановились.

Я услышал, как открылась задняя дверь. Секунды спустя Тристан появился в моем окне. Я опустил стекло.

– Надо бы разрулить кое-какие вопросы, – сказал он.

– Да. Разумеется, – ответил я. – Ты как, в порядке?

– Мне хорошо. Просто отлично.

– Ты не похож на человека, которому хорошо, мужик.

– Ты приглядывай тут за Сьюз.

– Ну, конечно.

И он удалился, большими шагами – во тьму. Я наблюдал, как он исчезает на лестничной клетке. На меня накатило щемящее одиночество – накатило, сомкнулось вокруг.

Я выключил двигатель. Вирт улетучился до невнятного шепота, но он был все еще тут, на краю, ожидая.

Я услышал, как вдруг завыла собака Карли. Может, она вылизывала раны Сьюз. Мертвые раны.

Я не оглянулся. Не смог решиться на это.

– Можно мне вылезти из фургона, мистер Скриббл? – спросила Твинкль из темноты.

– Нет. Оставайся в машине.

Я услышал, как Мэнди успокаивает малышку.

Сквозь лобовое стекло я наблюдал, как Боттлтаун укладывается в постель. Свет в окнах гас. Как будто здесь, в высотках, разыгрывался какой-то мистический код, а потом все окна погасли, и только луна осталась блестеть на небе.

– Мы что-нибудь делаем, Скриббл? – спросил Битл с заднего сиденья.

– Конечно, Би, – ответил я. – Мы решаем ежедневный кроссворд. А теперь все заткнитесь на хуй, и чтобы я вас больше не слышал.

И все заткнулись на хуй. Даже Битл.

Мы все ожидали чего-то, в эти мгновения перед дождем.

Тристан отсутствовал уже полчаса.

Что, мать его, он там делает столько времени?!

Первые мокрые капли расплылись на стекле. Большие горячие монеты дождя забарабанили по фургону.

– Где он? – спросила Мэнди.

– Он сейчас вернется, – ответил я. – Ребята, сохраняйте спокойствие.

Я сам не верил тому, что сказал.

Я видел, как за рядами стекол движутся тени.

– Какого хрена здесь происходит, чувак?! – завопил Битл. – Что за хуйня там творится?

– Я контролирую ситуацию, Битл.

– Ну, тогда, твою мать, покажи это, чувак! Я с ума схожу от нетерпения. И это чертово плечо... оно меня убивает!

– Собаки позаботились о тебе.

– И даже еще того хуже.

Я не знал, что на это сказать.

Дождь теперь хлынул как из ведра. Я выскочил из фургона, прочь от голосов, и это было так здоворо – чувствовать дождь на коже, что мне захотелось орать во всю глотку.

Тристан отсутствовал уже три четверти часа.

Я подошел туда, где сгорел первый фургон.

Земля была густо усыпана стеклом.

Я искал разгадок, но не смог найти ни одной. Только

пролитое масло на дегтебетоне, собирающее в себе радуги.

Но это случилось века назад, я имею в виду – пожар, и, разумеется, это свежее масло пролилось из какого-то другого транспорта, в результате какой-то недавней катастрофы, и по-любому, наверное, Брид и Существо уже мертвы, и я просто играю в кости с парой двоек. Может быть, это все, что я в кои-то веки получил для игры?

Клочья собачьей шерсти остались на острых краях стекла, и кто-то нарисовал слова Das Uberdog на мостовой.

Кажется, я порезал ноги.

Лодыжка снова болела, так что я закатал джинсы, почти ожидая, что сейчас увижу, как яд сочится из раны – будто эти крошечные дырочки снова открылись.

Тристана по-прежнему не было.

Я слышал, как Битл орет от боли в кузове фургона, но не обращал на него внимания. Шторы были опущены. Есть другие проблемы.

Черный дождь капал у меня из зрачков, застилая обзор, формируя украшенный бусинками занавес. Я услышал шум справа, повернулся и увидел мужчину, идущего по направлению ко мне. Сперва я думал, что от этого чувака можно ждать неприятностей, потому что выглядел он, прямо скажем, гнусно. Но потом я увидел, что вместе с ним приближаются две собаки, которых он держит на поводке. На одном плече он нес дробовик, на другом – парусиновый мешок. Во второй руке он держал саперную лопатку. И когда незнакомец приблизился, четко проступили другие детали: полосы краски у него на лице; взгляд его глаз – взгляд чистой движущей силы, как у животного.

Он сделал еще несколько шагов и встал рядом со мной. И тогда я увидел, как его лысая голова блистит в лунном свете – штыковые уколы цвета тут и там, походившие на засохшие пятна крови.

– Тристан? – спросил я. – Это ты?

Незнакомец молчал.

– Что ты сделал, чувак? Где твои волосы?

– Сбрил.

Две собаки рвались с поводка, пытаясь освободиться. Они выли на луну, чувствуя свою кровь, вскипающую волнами, из-за ее гравитации.

– Радикальный поступок, – сказал я. – Но, наверное, как я понимаю, так было нужно?

Тристан не смотрел на луну. Он не смотрел на звезды, на окна квартир, на фургон. Он смотрел на меня. Я был единственным объектом его внимания.

– Ты знаешь, чего я хочу, Скриббл, – сказал он.

Да. Того же, чего и все мы. Стакан Фетиша. Чистых наркотиков. Хороших друзей. Охуительного напарника. Все это.

И кое-чего еще.

Привести все в порядок.

КОТ ИГРУН

Закрытый просмотр. Я придумал новый театр. Еще не придумал названия. Рабочий вариант заголовка – «Бутлег-Грезы». Я лично встречал прототипа героя. Его имя – Скрэтч <(прим.переводчика: синоним слова Скриббл – небрежно набрасывать, черкнуть наспех, нацарапать>), и он рассказывает хорошо закрученную и опасную историю. Все имена изменены, чтобы защитить виновных. Вот как все начинается: Вэнди вывалилась из круглосуточного «Вирта на любой вкус», сжимая в руке желанную упаковку. Ты – член этой банды молодых хип-сумасбродов. Они называют себя НАГЛЫЕ ДРАЙВЕРЫ, так что именно так я и назову этот новый перьевой трип. Имя героя Скрэтч, и это его персональное путешествие, блистающее желтым. Золотым желтым. <(прим.переводчика: Наглые драйверы Crash Drivers – в оригинале рифмуются с Тайными райдерами – Stash Riders.>) Малыш, у тебя проблемы! Сначала твоя сестра, Шона, застряла в Металэнде, обменявшись на груду инопланетного жира. Твоя задача – вернуть Шону назад на базу-землю. Конечно, это виртуально невозможно; еще никому это не удавалось. Но ты все равно продолжаешь пытаться – ты слишком сильно ее любишь. И есть еще одно неприятное обстоятельство: тебя преследует злая полицейская Молох. За то, что ты обезобразил ее лицо. От твоего лучшего друга, Вивила <(прим.переводчика: Вивил – долгоносик, ровно как и Битл – жук>), помощи ждать не приходится, из-за его постоянной тяги толкать нелегальный продукт. Он хочет, чтобы ты все время оставался рядом с ним, как приклеенный, и проводил время в грязи и трущобах. Это тяжелая жизнь, и, скорее всего, ты умрешь в этом безумном Желтом. Так что будь осторожен. Это путешествие не для слабых. Это чистая психопатия. Почти как реальная жизнь.

Ну, возможно, не все так плохо, как в жизни.

ПРАХ К ПРАХУ, ВОЛОС К ВОЛОСУ

Какие-то нехорошие существа похоронены на вересковых пустошах. Но и хорошие существа тоже – невинные существа. Существа, которые не хотели, чтобы их похоронили. И которые

хотели. Существа, похороненные из-за несчастного случая, снежного обвала, к примеру, камнепада или оползня. И существа, которые сами себя похоронили, нуждаясь во тьме, сомкнувшейся над их всевидящими глазами.

Довольно много существ похоронено здесь, на вересковых пустошах. И именно туда-то ты и направляешься на выезде из Манчестера, когда тебе надо кого-нибудь похоронить, или быть похороненным, или стать похороненным.

* * *

На пути сквозь ночь мы говорили о ране. О том, во что она превращалась, закручиваясь в спираль от пулевого отверстия, проявляясь в цветах, как радуга, крошась по краям в форме пестрой шали-шотландки.

– Мне просто по кайфу, так весело! – воскликнул Битл. – Прекратите ныть!

– Она не становится лучше, Би, – сказала Мэнди, но с чуваком сейчас происходили какие-то изменения, вот почему он качал права и молол всякий вздор.

– А я не хочу, чтобы она становилась лучше! – закричал он. – Мне она нравится, как есть. Эй, Скрибб! Ты видел мои новые цвета?

– Конечно, Би. Выглядят хорошо.

Время от времени мне приходилось бросать назад редкие мимолетные взгляды, на прямых участках дороги. И обратно – вперед.

Воздух снаружи был очень темный, разбавленный размытыми очертаниями, похожими на серые призраки: деревья, дома, светофоры. Хорошо, что я обперьился Гонщиком, потому что это означало, что кто-то другой управляет фургоном, какой-то эксперт – пусть и молоденький, но эксперт.

По крайней мере, дождь прекратился. Хотя дороги остались мокрыми и скользкими.

Я снова быстро взглянул назад, и цвета сверкали, распространяясь от плеча Битла, захватывая над ним власть; с одной стороны они добрались почти до локтя, с другой – до затылка. Мэнди качала его голову у себя в ладонях, как в люльке. Темный воздух в фургоне сжался до мягкой ауры вокруг его тела.

Я вернулся к дороге.

Я не знал, куда мы едем, но зато знал, что уже подъезжаем – туда, куда нужно.

Дитя-Гонщик.

– Я думаю, это плохо, Би, – проговорил Тристан. – Очень плохо.

– Черт! Не пугай меня, чувак, – ответил Битл. – Мне хорошо. Боли нет. Ты врубаешься, Трист? Никакой блядской боли! Слушай меня!

Мы слушали.

– Ты знаешь, что это значит? – сказал Тристан спокойно, словно он почти не хотел, чтобы Битл это услышал.

Я ждал, что ответит Битл.

Прошла, кажется, целая вечность, и голос Битла был тихим-тихим, словно тень голоса.

– Только не я... Я чистый... скажи мне, что я чистый...

Я почти физически чувствовал его боль – боль, которой уже нет, – пока сознание Битла боролось с раной, но я не оглядывался. Ни за что. Я постарался выкинуть из головы вообще все – кроме дороги, – теряя себя во тьме, в Вирте и вождении.

Пожалуйста, кто-нибудь, избавьте меня от всего этого. Дайте мне прямую дорогу, хорошо освещенную, дорогу с четкими и понятными указателями, все, что угодно, кроме этого израненного пути. На этой дороге так много ям и ухабин. Так много потенциальных аварий.

Тристан протиснулся сквозь просвет между креслами, и уселся на пассажирское сиденье. В руке он держал дробовик, на плече у него висела сумка, и он вцепился в них крепко-крепко, словно боялся потерять. Сзади, в кузове, собаки выли над мертвой Сьюзи.

Мы оставили за собой темноту, вырулив под фонари, в глухой сельской местности.

– Это Пуля Мэндел, – прошептал он, чтобы не слышали остальные.

– Я пытался об этом не думать, – ответил он.

– Мердок достала его.

Господи! Ну почему – именно так? Почему – с Битлом? С кем угодно, но только не с Битлом!

– Еще никто не спасался, – заметил Тристан. – Если червь попадает в тело, его уже не убрать – он растет, распространяется, размножается. Его ничто не остановит. Никоим образом. Это фрактал.

Прозвучало как окончательный приговор, как оглашение финального счета в Виртболле с судейской скамейки.

– Это медленная смерть, – добавил Тристан.

– Не говори так, – прошептал я в ответ. – Пожалуйста. Не говори так.

Бесполезно. Просто бесполезно.

Я мчался сквозь ночь, слушая хохот Битла, в то время как червь уже проник в него.

– Противоядия нету, Скрибб, – сказал Тристан.

Противоядия нет. Спасения нет.

Битл обречен.

Наверное, он и сам это знал – ведь это же Битл, а Битл всегда и все знает. Но вот в чем «прикол»; ты мог знать все детали, связанные с Пулями Мэндел, и все равно наслаждался трипом, пока они медленно убивали тебя. Пули Мэндел сконструированы таким образом, чтобы даже промах, даже самое пустяковое ранение становится смертельным. Если ты не поражаешь цель сразу, ты помещаешь в нее паразита. И паразит высасывает остатки жизни, расщепляет кожу на лоскутья. Каждая пуля содержит в себе фрактальный вирус. На загрузку программы требуется не более пяти секунд, причем загружает этот кибер-вирус прямо в клетки. За двадцать четыре часа, в крайнем случае – за сорок восемь, полностью нарушается метаболизм. И ты умираешь. Но как! Эти последние двадцать четыре часа твоей жизни становятся вроде как самыми лучшими и кайфовыми – фракталы вспыхивают, как радуга, порождая потрясающие видения... Вот почему Битл сейчас пел, его сознание было захвачено, и он пел гимны жизни.

Даже на пороге смерти пел гимны...

– Ты говорил с моим братом, – сказал Тристан, вырвав меня из задумчивости. Я на секунду отвлекся от дороги. Но Дитя-Гонщик держал на ней взгляд за меня.

– Что такое? – спросил я.

– Я тебя видел там, в «Сливи Тув».

– Кот Игрун? Ты его видел?

– О да. Я его видел. Когда Джеффри хочет, чтобы я его видел, я его вижу.

– Джеффри?

– Да. Его настоящее имя. Самая страшная тайна Кота. Назови его в следующий раз Джеффри. Он, скорее всего, тебя убьет.

Я слышал, как Тристан засмеялся. Я я вцепился руками в руль, рассекая воздух, темный воздух ночи.

– Он тебе говорил, что мы братья?

– Да. Вначале я просто не мог поверить. Но потом я его видел еще раз, в Ленточном Черве.

– О чем вы говорили?

– Он сказал, что он очень переживает за тебя. Что он...

Тристан взорвался.

– Ему лучше держаться подальше от моей жизни!

Его голос был словно охвачен огнем.

– Этот ублюдок только горе всем причиняет!

– Конечно, конечно... как скажешь, Трист... – сказал я, постаравшись смягчить его вспышку. И у меня, вроде бы, получилось.

Несколько минут мы ехали молча.

– Ты хочешь поговорить? – спросил я. Тристан уставился в боковое окно, наблюдая, как мимо проносятся черные поля. – О том, как так получилось, что вы потеряли друг друга?

Когда он заговорил, его слова выходили из каких-то мрачных глубин, и он не смотрел мне в глаза.

– Он слишком далеко зашел.

– Что это значит?

– Он слишком далеко зашел – для меня. Слишком далеко, и я не смог последовать за ним. Тебе понятно?

– Понятно.

Хотя я вообще ничего не понял. За исключением того, что Тристан хотел говорить о Коте Игруне, о Битле, обо всем, что могло отвлечь его от мыслей о Сьюзи.

О потерянной любви.

– В тебе есть что-то от собаки, да? – спросил я.

– Очень немного. Но достаточно, чтобы понимать.

– Ты когда-либо занимался с ними любовью?

Он замолчал на мгновение.

– Ты когда-либо занимался любовью с собакой, Трист? – еще раз спросил я.

– Очень давно, – отозвался он. – Но потом я встретил Сьюз, и никто другой больше и близко не приближался.

Я знал это чувство.

И тут он стал совершенно спокоен – когда закурил косяк Дымка, и окутал себя медовым дымом.

А потом он сказал:

– Сьюз ждала...

Сперва я подумал, что, судя по его словам, Сьюз ждала смерти, но оказалось, что тут другое.

– Боже! Трист! – воскликнул я. – Ребенка?! Вы ждали ребенка?

– Слушай меня, – сказал он. – Я живу ради одной только вещи.

– Ты собираешься отомстить Мердок? Хочешь ее найти?

– Мне не придется ее искать, Скриббл. Она сама придет за тобой.

– Что у тебя в сумке, Трист?

– Мои волосы.

Я представил себе...

– Тебя укусила змея, да? – спросил он.

– Да.

– Так что в тебе есть Вирт?

– Так говорят.

– Это Джеффри тебе сказал?

– Кот много чего говорил, – сказал я. – Но я не знаю, можно ли этому верить.

– Верь всему. Он прошел через все и знает, о чем говорит.

– А именно?

– Джеффри тоже укусила змея.

– И он поимел в себя какой-то тяжелый Вирт.

– Его укусила не обычная змея.

– Нет?

– Вовсе нет.

– Расскажи.

Тристан повернулся к окну, так что я позволил фургону попетлять на скорости, находясь в безопасности в руках Дитя-Гонщика. Ночная птица пролетела прямо перед фарами; неожиданное видение жизни, движущееся на черных крыльях.

– Это случилось давным-давно, много лет назад, – начал Тристан, и его голос звучал, словно в замедленной записи. – Когда мы оба были молодыми, я младше него, но мы оба подсели на перья. Не могли остановиться. Ты знаешь, теперь я их вообще не потребляю, но для этого есть причина.

– Джеффри? Джеффри – и есть эта причина?

– Он втянулся глубже, чем я. Но я был так сильно к нему привязан, что просто не мог не последовать за ним. Он отправлялся в плохие трипы, опускался на самое дно, покупал наичернейшие Вирты, которые только можно найти. Однажды он раздобыл Желтое. Наше первое Желтое.

Тристан на мгновение замолчал.

– Он заплатил за это высокую цену.

– Я думал, что Желтые не продаются.

– Зависит от того, чем платить.

Я задумался над этими словами. Зависит от того, чем платить.

– Мне было страшно. Меня пугало это перо, – продолжал Тристан. – Мы принесли его домой, и Джеффри был весь в предвкушении. Наши родители уже спали, так что нам никто не мешал. Я был молод, и обожал своего старшего брата, и я принял перо вместе с ним. Но мне было страшно, так страшно!

– И что это было за перо?

– Такшака. Ты знаешь, откуда приходят змеи снов?

Я не ответил. Я пристально смотрел на дорогу.

– Ты когда-нибудь пробовал Такшаку, Скриббл? – спросил он.

– Да. Я его пробовал.

– В самом деле?

– Нет. Не в самом деле. Только в Ленточном Черве. Я отправился в Мета.

– Это вообще ничто. Просто шутка от Желтого. Такшака убивает. Этим он и знаменит. Мне было страшно, но мы все равно отправились туда. Джеффри укусила змея. Но не обычная змея. О нет, только не моего брата. Сам Такшака, Король Змей, вонзил два клыка ему в руку.

– Он должен был умереть.

– Джеффри принял яд как бесценный подарок... он боготворил эту рану. Яд захватил его кости и плоть. Я думаю, он влюбился в яд у него внутри, а яд влюбился в него. Может быть, так бывает. Один случай из тысячи. Кот Игрун говорил об этом однажды в журнале. Я уловил изменение имени. Он говорил, что есть плоть, священная для Вирта; эта плоть может жить прямо в Вирте. Это своего рода брак. Так он говорит. По-любому... мой брат тогда крепко подсел. Ему хотелось все больше и больше. Однажды попробовав... ну, ты сам знаешь, как это бывает.

– Я знаю.

– Обычные перья уже стали ему неинтересны. Ему хотелось опасных. Все больше и больше. Я думаю, что он слишком далеко зашел. Мне пришлось выбираться с боем.

– Он что-то нашел? – спросил я.

– Для меня это был перебор, Скриббл. То, что делал, мой брат... Мне пришлось принимать меры.

– Что случилось?

– Он нашел Изысканное Желтое.

О Боже!

Фургон занесло на мокрую обочину, и я почти физически ощутил, как сдирается краска с борта, когда мы царапнули боком о подпорки ограды. Секунды летели в бешеной спешке, и я лихорадочно вцепился в руль, выворачивая его. Без толку. Я был полностью одинок, и я был человеком. Человеком! Пассажиры в кузове материли меня на чем свет стоит, а потом к ним присоединились собаки – все три. Прямо зоопарк на колесах. Я видел деревья, проносящиеся мимо. Мы наскочили на камень или на что-то еще, и фары высветили ствол большого дуба, прямо напротив нас. Казалось, весь мир истошно вопит, и я – вместе с ним, и Битл поет у меня за спиной, и его цвета взрываются радугой. А потом накатил Вирт, обрушился, как лавина! И руль, казалось, теперь знает сам, куда повернуться под моими руками, и очень скоро я снова обрел контроль над машиной – спокойный и хладнокровный, я мчался по черной дороге.

– Отлично водишь, Скриббл, – заметил Тристан.

Я вдыхал воздух судорожными глотками, чувствуя, как пот выступает по всему телу. Мэнди обзывала меня всеми ругательствами, которые только знала. Твинкль добавляла некоторые своего собственного изобретения. Би все еще пел, а собаки жалобно выли, все три.

– Боже, Тристан... не делай этого! – слова давались мне с диким трудом, но Тристан был выше всего этого, словно он был холодный камень, лежащий на тропинке на своем законном месте.

– Так что мы употребили Изысканное, – сказал он, но я не сразу врубился в его слова.

– Это было внутри Английского Вуду? – спросил я.

– Да. Он заставил меня это сделать.

– И что было потом? Вообще-то, я очень неплохо знаю...

Медленный, печальный голос Тристана:

– Я вернулся один.

– Изысканное забрало его?

– Я думаю, он сам так хотел. Ты понимаешь, что я говорю, Скрибб? Я думаю, он хотел там остаться. Лично я не испытывал ничего хуже, чем то, что я испытал тогда, но для Джеффри, со всем этим Виртом в нем от Такшаки... по-любому... Да, я уверен, что он сам захотел остаться. Он чувствовал... я даже не знаю, как это сформулировать ... там он чувствовал себя дома. Что-то вроде того.

– На что похоже Изысканное? – мне было необходимо это понять.

– Это прошлое, твое прошлое... но усиленное, все, что было плохого, усилено. А хорошего как бы и не было вовсе.

– Как тебе удалось выбраться?

– Кот выбросил меня наружу. Его переполняла сила, власть над перьями, даже в боли.

– Почему люди стремятся туда? – спросил я. – Почему они согласны пройти через всю эту боль?

– Потому что они сумасшедшие. Они считают, что там им откроется знание. Это похоже на ритуалы посвящения, вся эта чушь. Вся эта хрень Королевы Хобарта.

– А что за Хобарт?

– Лучше в это не лезть, Скрибб. Какая-то безумная религия, вот и все. Они считают, что Вирт– это больше, чем он есть на самом деле, ты понимаешь? Словно это какой-то высший путь, или что-то в этом роде. Но все не так. Вирт – просто коллективные сновидения. Вот и все. Господи! Неужели этого им недостаточно?!

Тристан опять замолчал.

Я оставил его на время в покое, но что-то глодало меня изнутри – одна его фраза.

– Так Кота унесло в Вирт? – уточнил я.

Тристан кивнул.

– Но ты сказал, что вернулся назад один? Но если Кота перекачало… а его должно было перекачать… потому что именно так оно и работает… уровни обмена… и никак иначе…

Я думаю, что он сразу понял, к чему я клоню, но ответил чуть погодя.

– Я оказался в нашей гостиной. Нет, я был не один.

Я ждал.

– Рядом со мной оказалась женщина, ну… девочка, на самом-то деле. Потому что это было давно, много лет назад. Она обнимала меня так крепко, и я тоже ее обнимал, и мы дрожали, ты понимаешь, от трипа. Я все еще чувствовал боль, и, я думаю, что она чувствовала то же самое. Боль от того, что тебя выпихнули из сна в этот мир. Это болезненно. Но ее объятия были такими жаркими, и я не остался в долгу. Она была очаровательна. Это случилось много лет назад. Я…

Он резко умолк, не закончив фразу, и на меня вдруг нахлынули воспоминания о женщине, которая забралась мне прямо в нутро. Которая знала все обо мне. У которой были золотые глаза…

– Это была Сьюзи? – спросил я.

Тристан кивнул.

Сьюз была существом из Вирта! Инопланетянкой. Прямо как Существо, только в тысячу раз прекраснее.

– А ты не пытался устроить обратную перекачку? – спросил я.

– Я этого не хотел.

– Почему?

– Эта женщина значила для меня очень много. Больше, чем значил мой брат. Неужели ты не понимаешь, Скриббл? Неужели ты не понимаешь? Сьюз была моей самой большой удачей, о большем нельзя было и мечтать. И помимо всей этой боли, мы занимались любовью. Я поклялся, что никогда ее не потеряю. И не отпущу от себя. Даже на один день.

Я представил сплетенные пряди волос, связавшие их вместе.

– Я не смог отпустить ее. Боялся, что Вирт потребует ее обратно. Ты понимаешь? Она всегда была рядом, всегда на глазах – я не отпускал ее ни на секунду. Я думал, что это сработает. Я действительно верил, что это сработает…

Он опять замолчал, и я тоже молчал и, не отрываясь, глядел на дорогу. Я думаю, он не хотел, чтобы я на него смотрел. Но я

чувствовал, как он пытается взять себя в руки, теребя свою сумку с волосами, прежде чем заговорить снова:

– А получилось так, что ее забрал реальный мир.

Тогда я все-таки посмотрел на него. Тристан плакал.

– О Господи, Скриббл! Что же мне делать? – вырвалось у него. – Сьюзи...

Только одно слово.

Что тут можно сказать? Нет никаких слов, которые бы облегчили подобную боль. Такую боль можно только терпеть. Или похоронить ее.

Мы оставились за деревьями, и перед нами открылась ночь - прямо в черное пространство вересковых пустошей. Даже небеса рыдали, темный водопад слез, барабанивший в лобовое стекло.

– Вот то самое место, – сказал Тристан.

* * *

Могила была неглубокой. Глубокую просто не выроешь в этой размокшей грязи, роясь в земле тонкой саперной лопаткой.

Повсюду вокруг нашего кружка танцевали тени.

Дождь превратил землю в болото, и Тристан выбивался из сил, копая могилу. Я пытался помочь, мы все пытались помочь, но Тристан нас отталкивал.

Мы наблюдали, как он бережно положил Сьюз в эту могилу. Потом он открыл сумку и вытащил густые локоны своих волос. Он разжал руки, и волосы мягко упали вниз, накрыв тело. Он вытащил из сумки какую-то небольшую деревянную коробку и положил ее рядом со Сьюз.

Тристан бормотал над могилой прощальные слова, сгребая обратно выкопанную землю.

Прах к праху. Волос к волосу.

Трио собак выло в ночи. Плач по утраченной хозяйке.

Мы в молчании сгрудились у могилы. Нас всех сейчас переполняло только одно желание. Жить. И жить вечно.

И вдруг я заметил, что Тристан разжимает руку, в которой держал двойной поводок.

– Что ты делаешь? – спросил я.

– Я их отпускаю, – он кивнул на собак.

– Но они могут нам пригодиться.

– Нет. Мы все сделаем сами. Сьюзи хотела, чтобы все было именно так.

– Я оставлю себе Карли, – сказала Твинкль.

Тристан кивнул.

Я проводил взглядом собак, растворившихся в темноте. Твинкль подошла ко мне вплотную – она крепко держала Карли за ошейник, чтобы та тоже не убежала в ночь вслед за своими сородичами.

Молодая сука рвалась на свободу.

– Останься, хорошая девочка. Останься! – прошептала Твинкль, но собака не восприняла ее слова должным образом. А кто бы воспринял?

Бритая голова Тристана была вся забрызгана дождевыми каплями, но его глаза оставались сухими, сосредоточенными и жесткими. Я чувствовал исходящую от него силу. Силу порыва.

Плохого порыва.

ПАЛЬБА (ТЯЖЕЛЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ)

Танцующая толпа-тусовка могла идти на хуй.

Выражение на морде Динго, когда он все понял.

Просто идите вы на хуй, вы, танцующие придурки, потому что это я... это я держал руки на рукояти, две потных руки; и один палец, сухой, лежал на спусковом крючке.

Динго еще ничего не знал. Он не знал, что пистолет нацелен на него.

Фаны Клыкопса танцевали. Я прокладывал себе путь сквозь толпу, в яму ближе к сцене – весь потный , окутанный жарким собачьим дыханием. Позиция не самая лучшая, но все равно это достаточно близко, чтобы увидеть его глаза, когда он пел, а ничего другого я и не хотел.

Я просто хотел увидеть его глаза, когда он заметит меня.

Когда он уловит в толпе проблеск металла.

Вы никогда не смотрели в ствол пистолета? В мрачную пустоту, что поджидает там, в глубине, пряча пулю в патроннике, которая только и ждет вспышки пороха, чтобы избавиться, наконец, от томительного ожидания?

Вы никогда не оказывались по «ту» сторону пистолета?

Ощущения такие, будто перед тобой вдруг разверзся туннель, и тебя сейчас засосет внутрь, и тут ничего уже ничего не сделаешь – ничего.

Собакомузыка, невнятно захлебнувшись, смолкла. Взгляд Динго был прикован к этой штуковине у меня в руках.

– Ты знаешь, зачем я здесь? – крикнул я.

Теперь толпа ощутила меня, и они отодвинулись прочь – напуганные, ошарашенные.

Восхитительные ощущения!

Как же мне хорошо!

Динго Клык, суперпес, верховный лающий король дог-попа. А теперь посмотрите, фаны-лизоблюды, посмотрите, как он дрожит.

Ощущения хорошие и плохие одновременно. Хорошие – из-за силового трипа, плохие – из-за предательства, предательства спасителя.

Иногда просто приходится делать что-то очень плохое – чтобы ускорить жизнь перед лицом смерти.

– Ты знаешь, чего я хочу, – сказал я, на этот раз – громче.

Над головой Динго кружился тусклый зеркальный шар, изливающий полосы света, подобно разломанному гало.

Пять утра. Динго Клык играл в ночном клубе «Флэшпот», пристанище маргинальных псов-тракеров, прямо на берегу канала, подобно урагану, оттягиваясь под накал музыки; большие хиты, планетарные сэмплы, кавер-версии; под жесткие и тяжелые ритмы, но теперь музыка смолкла.

Теперь, твою мать, музыка смолкла, пес-звезда!

Динго попытался сдвинуться в сторону.

Я твердо держал пистолет, но внутри весь обливался потом, как свинья, пот сочился из всех пор. И я думал: «Черт! Я никогда раньше не стрелял из пистолета. Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы я никого не ранил!»

– Не двигайся, песиголовец! – закричал я. – Ты знаешь, что мне нужно.

Глаза Динго бегали из стороны в сторону в поисках путей бегства. А потом он среагировал на какое-то движение в толпе, и его клыки обнажились в улыбке.

Я не мог оглянуться, я не решался отвести взгляд от Динго, но догадался, что кто-то вызвал вышибал, и теперь они вошли в зал. Так что мне было приятно осознавать, что Тристан стоит тут же, рядом, у меня за спиной, и его дробовик заряжен и в полной готовности. Ко мне приблизилась Твинкль, держа Карли на поводке. Собака была как брутальный очаровательный демон, которым мы с полным правом могли гордиться; великолепное шоу из оскаленных зубов и пены, капающей с челюстей. А потом сквозь толпу продралась и Мэнди, ведя под руку Битла. Его растущая рана гордо сияла цветами. Это было лучшее световое шоу из всех, что видели завсегдатаи «Флэшпота», и они не могли удержаться и принялись танцевать под этим излучением.

Я так думаю, что вышибалы все поняли. Нас никто не побеспокоил.

Толпа погрузилась в полную тишину, что было очень и очень кстати. Какая-то баба завопила, но тут же умолкла – внезапно, как будто кто-то пихнул ее локтем, мол, заткни пасть. Да, тишина была очень и очень кстати. Мне это нравилось. Все-таки я

произвел впечатление. Приятное ощущение. Похоже на бурный оргазм.

– Чего тебе нужно? – спросил Динго Клык.

Странный растянутый голос. Наполовину – собачий, наполовину – человеческий. Впрочем, не важно; он был изрядно напуган в обоих своих ипостасях.

– Ты знаешь, чего, пес-козел, – выкрикнул я.

Возможно, ему не понравилось это ругательство. Возможно, ему не понравилось то, что мой пистолет был прямо и твердо направлен ему в морду. Возможно, ему не понравилось, что я его предал. Возможно, ему не понравился мой взгляд.

Ладно, мне тоже все это не нравилось. Но так уж оно получилось, и катись все к такой-то матери. К чертям собачьим.

– Стрелять он собрался. Ты даже не знаешь, как с этой штуковиной обращаться, малыш, – сказал он.

Кто-то в толпе закричал: «Точно!», – и затем все они присоединились к общему хору, потешаясь над моей некомпетентностью, словно это был просто безумный номер из шоу, самый свежий прикол Динго Клыка; попытка фальшивого шуточного убийства. Они все орали мне:

– Давай, парень, стреляй!

– Выстрели из этого мудозвона!

– Давай посмотрим, как у тебя получится!

– Мальчик-неудачник!

– Малыш не умеет стрелять...

И еще куча всего другого, и Динго их подстрекал. Подстрекал оскорблять меня. И тогда что-то вдруг накатило, зажглось прямо в крови. И я понял, что я все знаю: знаю, как заряжать, как взводить и целиться, как стрелять. Как убивать...

С наплывом темноты я оказался в Стрелке, в хорошем черном пере, но приход был безперьевой.

– Чувак не может решиться! – раздался голос в толпе.

И тут у меня из рук вырвалась вспышка света. Свист рассекаемого воздуха, когда пуля вылетела из ствола. Мне показалось, что раскололось и взорвалось само солнце. А это просто взорвался зеркальный шар над головой Динго, и дождь из стекла обрушился на его вздыбленную шерсть.

– Чего тебе нужно? – завопил он.

– Где Брид и Существо.

– Откуда я знаю?

– Пес-козел, – сказал я. – Где они?

Я увидел в его глазах нежелание говорить. Но у меня был пистолет, а у него не было. Я полагаю, что это все-таки что-то значило.

– В Космических Осколках.

– Без шуток, Динго. Адрес.

– Это при киностудии, чистый мальчик.

Я нажал на курок.

Совсем не сильно, имейте в виду. Просто слабенькое нажатие Стрелка, и, тем не менее, достаточное, чтобы активировать красную вспышку выстрела; чтобы толпа замерла в изумлении, а Динго начал вопить; и этот вопль оборвался скомканными словами. Он все-таки выдал мне адрес.

Я поставил пистолет на предохранитель; и красный свет померк до спокойного тусклого уровня.

– Я бы сказал тебе по-любому, – выкрикнул Пес-звезда.

– Ну, я просто хотел быть уверенным, Динго.

Я просто хотел быть уверенным.

Потому что я знал, где находятся Космические Осколки. Я там бывал. Я там даже затаривался. Именно там мы купили наш старый, изъеденный червями диван.

И теперь нам придется туда вернуться. В поисках какой-то дымно-ущербной теневой девушки и сэкондхэнд Существа-из-Открытого-Космоса.

– Тайные Райдеры! Валим отсюда!

Сказать по правде, мне это даже понравилось.

* * *

Воскресенье, пять часов утра. У них есть гараж, где продают подержанные машины, на берегу канала, у «Флэшпота», вниз от доков Олд Траффорд. В такую рань встают все нелегальные дилеры, толкающие дешевые перья и Дымок. Наряду с различными бытовыми предметами. Торговля была в самом разгаре, когда мы выскочили из клуба водителей грузовиков. На берегу было полно людей – столпотворение лиц и шума. Машины, забитые под завязку. Сюда приезжают целыми семьями – покупать и продавать. Такое ощущение, словно смотришь в калейдоскоп, разыскивая один единственный кристал. Вихрь цветов. Крики и шутки со всех углов, оклики торговцев, обращенные ко мне, когда я вел Тайных Райдеров сквозь эту толпу обратно к фургону.

Я пихался локтями, отталкивал в сторону каких-то людей, но для этого даже не требовалось особых усилий. С цветами Битла, дробовиком Тристана, клыками и рыком Карли, я полагаю, мы производили достойное впечатление. Толпа очистила нам путь – к тому месту, где был припаркован фургон.

Я направился к задней двери, готовый впустить внутрь всю

команду, но на меня вдруг накатило это скверное ощущение: как будто там было что-то не так с номером фургона, или что-то не так с моими глазами. Я не понимал, в чем дело. Но что-то было не так. Я смотрел на номер, и цифры на нем мерцали. Словно они были живыми. Ни хрена не понятно.

И тут я просек.

Теневой коп!

Инфо-луч, направленный прямо на номер. Я оглянулся и увидел Шаку.

Что теперь, большой босс?

– Тайные Райдеры! – заорал я. – Уходим!

Я первым рванулся сквозь толпу, прочь от фургона, прокладывая дорогу. Люди орали на меня, но я не слушал – просто бежал. Твинкль и Карли – в двух шагах сзади, совсем-совсем рядом. И цвета Битла – тоже.

А где Тристан?

Не бери в голову.

Я не знал, куда бежать.

Я знал только, что солнце где-то сверкает на воде, там, за плотным заслоном пришвартованных лодок. Вот куда я и вел Райдеров, даже не знаю – почему.

В утреннем воздухе ревели сирены.

Сирены копов.

Десятки лодок стояли у пристани вдоль берега; лодки торговцев, которые собирались здесь каждое утро и толкали товар, просто, чтобы обеспечить себе необходимый прожиточный минимум. Здесь продавали еду прямо из лодок. И еще здесь продавали любовь, по ценам, значительно ниже рыночных; дешевые потаскушки и отъявленные хуесоски на палубе. И лодка цветов – целый плавучий сад.

Я высматривал пути для отхода, надеясь все-таки выбраться. Сирены копов ревели свою мелодию – самую нелюбимую музыку всех времен и народов.

Я уловил неровную тень, танцующую на краю моего поля зрения, и повернулся, чтобы посмотреть повнимательнее. Это был Шака, плывущий над рынком, и рядом с ним была Мердок с пистолетом в руке.

Чувак, похоже, в мою систему проникли Гадюки.

Они пробивались сквозь толпу, и взгляд Мердок был чистым и яростным; словно она стремилась к цели всей своей жизни.

– Ежик! – раздался возглас с одной из лодок. – Давай сюда! Угощайся!

Я повернулся к воде.

– Ежик, детка! Сюда!

Я искал этот голос, пронзительный голос в месиве лодок. А потом взгляд сам наткнулся на вывеску на топ-мачте: «Еда О»Джунипер. Шеф-повар Барни".

Я утремился туда, увлекая за собой всю команду. Повар Барни стоял на палубе и махал нам руками, приглашая на борт. Там же была молоденькая девочка, совсем ребенок; она уже отвязывала трос.

– Сюда, Ежик! Сюда!

Мы взобрались на лодку, раскачивающуюся на воде. Я был почти уверен, что никто из наших не отстал. Твинкль? Да. Карли с ней? Да. Мэнди? Да. Тристан?

Тристан? Ты здесь, дружище?

Похоже, что нет.

Похоже, что даже и не собирался.

Молоденькая девчонка обрезала трос.

– Подождите! – закричал я.

Но поздно.

И когда мы уже отчалили, я увидел, как Тристан вырвался из толпы с ружьем в руках, заряженным и готовым к бою.

– Тристан! – завопил я.

Чувак как будто меня и не слышал. Он не сводил глаз с полицейской. Он жаждал мести – расплаты за свою утрату.

Тристан разрядил дробовик.

Яркая вспышка в бледном утреннем свете.

Толкачи машин с воплями бросились, кто куда. Кипа домашней рухляди взорвалась на самодельном столе на подпорках, когда в него врезалась пуля. Мердок юркнула за семейный автомобиль с закрытым кузовом, спрятавшись от огня. Приближались другие копы. Тристан уже передергивал механизм ружья, готовясь выстрелить еще раз. Но поздно. Слишком поздно.

Я наблюдал за всем этим с безбрежной водной глади.

Да, поздно. Слишком поздно и слишком медленно. Для нас обоих.

Копы схватили Тристана и повалили его на землю, заломив ему руки за спину. Наша лодка была уже далеко от берега. А на берегу копы избивали Тристана ногами, дубинками и, вообще, всем, что попадалось под руку.

Я не мог ничего сделать – только смотреть.

Я отвернулся. Барни стоял на мостике, со штурвалом в руке, и держал курс по течению. Я изучал его скулы, наверное, больше минуты.

– Куда ты везешь нас, шеф-повар? – спросил я.

– Домой, – сказал он.

Домой? Да где же теперь этот дом?

И река была вскрытой веной под солнцем.

ИДЕАЛ БЫТИЯ

Глаза открылись на вспышку.

Цвета, очертания лиц... люди смеются.

Телевизор работал.

Я сидел в глубоком бархатном кресле, в углу маленькой гостиной. Телевизор был матово черным, с хромовым ободком. Находка для настоящего коллекционера.

Дети возились на ковре – вопили и веселились.

Собака виляла хвостом.

На экране возник Ноэль Эдмондс, с его всклокоченными волосами, и этой скуластой усмешкой. Он задавал вопросы какой-то счастливой семье. Каждый раз, когда они отвечали на вопрос неправильно, раздавался резкий свисток, и яркий красный указатель двигался ближе к символу проигрыша. Над семьей нависало гигантское ведро. От него исходил пар. Внизу, под ведром, огромными синими и красными буквами были выведены слова: «Бак с блевотиной Ноэля». Даже когда телевизионная семья отвечала на вопросы неправильно, они все равно смеялись. Трое детей на ковре и собака смеялись тоже. Собака смеялась, виляя хвостом. И я смеялся вместе с ними. Мой бог! Я не видел этой игры со времен моего детства. Что происходит?

Я пытался осмыслить все это. Эту комнату, этот дом, эти обои в цветочек, и людей, которые здесь собрались. Все это было мне хорошо знакомо; словно воспоминание. Словно я уже был здесь раньше.

Старшая из ребят была девочка-подросток. Ее звали Мэнди. Собаку звали Карли, и вторую девочку звали Твинкль. Я не знал имя самой молоденькой. И до меня вдруг дошло; они никогда раньше не видели этого шоу! Не видели совершенно безумных волос Ноэля, сигары Сэвилля, волшебства Дэниэлса.

Дверь в гостиную открылась, и в комнату вошел Барни. С ним была женщина. Она несла поднос с едой, а Барни – бутылку вина и стаканы. Волосы женщины были зелеными, изумрудно зелеными, и они достигали ее пятого позвонка; она возбудила во мне какие-то чувства, похожие на смутные воспоминания, как будто я знал ее раньше, и очень близко. А теперь напрочь забыл. Она поставила поднос передо мной, на маленький стеклянный кофейный столик. Мясо и рыба, тушеные овощи, свежие салаты, имбирные и чесночные приправы, фрукты и орехи, крошащиеся сыры, яблочный пирог со сладким коричным кремом.

– Проснулся, Ежик? – спросил Барни.

– Да. Я...

– Ты вообще отрубился. Вы все отрубились. Когда ты последний раз спал?

Когда я спал? Я не смог вспомнить.

– Сколько времени?

Ответила женщина:

– Полтретьего.

И тут я вскочил, резко выпрямившись, вырвавшись из мягких объятий кресла.

– Полтретьего?! Это дня или утра?

Женщина засмеялась.

– Дня, Скрибб, дня. Ты, кретин!

Это сказала старшая из детей на полу. Мэнди.

– Ты не хочешь поесть, Ежик? – спросил Барни.

Я хотел. Очень хотел. Я не помню, когда я в последний раз ел.

– Где Битл? – спросил я.

– Битл в спальне, – сказал Барни. – Это наш дом, а это моя жена... Люсинда.

Женщина улыбнулась. Ее рот был широким и сочным.

– А это наша дочка, Кристал, – сказал Барни, и самая младшая девочка на секунду оторвалась от экрана и повернулась ко мне, одарив меня улыбкой.

Я набросился на еду, заливаясь слюной. Я чувствовал, как пряный соус течет у меня по подбородку, и, полагаю, я выглядел, как подобие помойки. Но я был слишком голоден.

– Я не могу долго здесь оставаться, – пробормотал я с набитым ртом. – Я тороплюсь.

Какое-то масло стекало у меня по подбородку. Мне нужно добраться, добраться до Брид и Существа. Только это имело значение. Но я даже не знал, где сейчас нахожусь.

– Ты заснул в кресле, Ежик, – сказал Барни. – Мы не хотели тебя беспокоить.

– Это наш дом, – добавила Люсинда. – И ты у нас – самый желанный гость.

– Мы с тобой не встречались раньше? – спросил я ее.

– О, очень даже возможно.

Она опять улыбнулась. У нее было прекрасное, совершенное лицо. И у Барни тоже. И у ребенка. Они улыбались все вместе. Комната, где они жили, была оазисом, улеем комфорта. Картины на стене: полуобнаженная женщина бросает застенчивый взгляд, лошади, скачущие по волнам, лебеди, плывущие по рекам из золота, большеглазые щенки, жующие украденные тапочки. Комната была вся пропитана древними красками.

Семья в телевизоре в очередной раз ответила неправильно, и «Бак с блевотиной Ноэля» качнулся и медленно опрокинулся. Он облил их отбросами, но им это понравилось. Зрители в студии хлопали и смеялись. Дети на ковре – тоже.

И тут до меня вдруг дошло, что я тоже никогда раньше не видел этого шоу «в живую»; ни Ноэля, ни Сэвилля, ни Дэниэлса. Все это было значительно раньше меня – я тогда еще и не родился. Я просто видел повторы в записи. Так что же тут все-таки происходит? И что происходит конкретно со мной?

Дежа-Вирт. Наверняка.

Дежа-Вирт – так называется ощущение, которое иногда на тебя находит в Вирте, то же самое дежа-вю, только в Вирте. Но ты уверен, что это реально. Получается такой замкнутый круг – своего рода Призрачный Зов. Воспоминания из предыдущих трипов всплывают в перьевых грезах и выбрасывают их из фазы, как волны обратной связи.

Возможно, это и был ответ. Я сейчас в Вирте, и меня настигает Призрачный Зов.

– Это не передача, – сказал Барни. – Просто видеозапись.

– Это не реально! – заорал я. – Не реально!

– Ну да, – сказал он, будто гордился этим, а потом протянул руку, так, чтобы мне было видно, и второй рукой содрал кусок плоти, демонстрируя мне механизмы, скрытые под кожей.

– Вот, кто я есть, – сказал он.

Я тупо смотрел на комок мокрого пластика; нано-микробы пульсировали у него в венах, синтетические кости легко сгибались, когда он опускал и поднимал руку.

– Вот, кто я есть, – повторил он, на этот раз – медленнее, с проблеском печали, словно он что-то оставил в прошлом, оставил уже безвозвратно – что-то человеческое.

Робо! Барни был робо. Робоповар!

– Здесь внутри, – продолжил он, постучав себя пальцем по голове, – все лучшие рецепты всех лучших в истории поваров. Я – их хранилище.

Как будто в ответ на это, ребенок, Кристал, оторвала лоскут кожи у себя на затылке. С веселым смехом – как будто это была игра.

– Это Робовилль, Ежик, – сказал Барни. – Насколько я знаю, чистые называют его Городом Игрушек, правильно?

– Не давай Барни тебя напугать, – сказала Люсинда, но совет несколько запоздал.

Меня конкретно тошнило.

Робочеловек шагнул ко мне.

– Забавно, правда? – сказал он. – То, как чистые реагируют на

робо. Судя по их реакции, мы вообще – грязь какая-то.

Об этом я ничего не знал, но одно я знал твердо: у меня не было времени там сидеть, мне надо было искать Тень и Существо.

– Как нам отсюда выбраться? – спросил я. – У нас еще есть одно дело.

– Я думаю, вам не надо сейчас никуда идти, – сказал Барни. – Битл очень плох.

– Он не такой уж и чистый, – сказала Люсинда.

Я так и не понял, о ком она говорит: обо мне или о Битле.

И тут я увидел себя в лодке на воде: смотрю на берег, с бесполезным пистолет в руке, смотрю, не в силах ничего сделать, как копы волокут Тристана к своей машине. И увозят в участок. Где они так его измудохают, что он вообще перестанет чувствовать что бы то ни было. Это был никакой не Вирт. Никакой не сон. Все это – реально, и слезы у меня в глазах – тоже реальны.

Мне бы в жизни поменьше Ваза, и хотя бы мазок клея. Может, тогда бы я смог прицепиться к кому-то. Крепко-накрепко, чтобы не оторвать.

Дети громко смеялись над неудачей телевизионной семьи, и я уже не понимал, что реально, а что нереально.

* * *

Цепи и наручники, разложенные вдоль стен спальни. Коллекция кнутов – вразброс в застекленном шкафчике.

Битл был привязан к кровати шестью крепкими веревками. Он лежал на спине, и цвета сочились из его кожи в лезвиях света. Казалось, уже половина его тела была теперь поражена живыми фракталами.

– Скриббл! Мой мальчик! – воскликнул он. – Рад тебя видеть живым и здоровым. Ты меня не развяжешь? А то хотелось бы прогуляться.

– Думаю, что не стоит.

Вирус уже подбирался к мозгу, так что он себя чувствовал супергероем.

– Это для твоего же блага, Би. Не хочу, чтобы ты прыгал с высотных зданий.

– Да! На меня это похоже. Блистающий Человек. Этот Барни действительно хорошо поработал. Слушай, а, может, он самый заправский фрик! Ты видел его жену, Скрибб?

– Видел.

– Вот сексуальная штучка! Помнишь?

– Что я должен помнить?

– Черт, детка, неужели ты все забыл? Как можно было забыть этот сон?! Может быть, ты весь засох? Я читал, так иногда бывает, когда ты не пользуешься этой штуковиной в полной мере.

– Ты знаешь, что происходит, Битл? – спросил я.

– Что происходит? Все происходит. Мир вокруг происходит. И я – главный игрок. И если ты не развяжешь веревки, Скриббл... я все равно взлечу, даже с ними. Я улетаю, детка! Ты просекаешь?

Да. Я все просекал.

– Я знаю финальный счет, малыш, – продолжил он, и его голос менялся, становился спокойным, серьезным. – Эта полицейская сука что-то в меня всадила. Я так думаю, что мне скоро пиздец. Но, черт, детка, мне так хорошо! Вот парадокс.

– Это все из-за этой херни, – сказал я, также спокойно. И его цвета вспыхнули ярким огнем, полыхнули мне прямо в лицо. Мои слезы были горячими. Они текли по щекам, испаряясь в ослепительном блеске.

– Я знаю, Скрибб. Но знаешь, что еще? Я чувствую, что обязательно выкарабкаюсь. Выкарабкаюсь и верну теневую девушку и инопланетянина. Я чувствую, что, когда все закончится, я стану сильнее. В огне. Ты понимаешь?

– Я скоро приду, Битл, – прошептал я. – Правда, скоро приду.

Он отрешенно кивнул, словно был где-то не здесь.

– Не потеряй Мэнди, – сказал он напоследок.

– Не потеряю.

Когда я сжал его руку, его пальцы были горячими. Его цвета сияли, перетекая в меня.

Но я все равно убирал руку, вбирая в себя этот жар.

Такое чувство, будто держишь в руке солнечный спектр.

* * *

Я смыл с себя грязь этих дней, вытерся насухо и долго-долго вглядывался в зеркало – в того человека, кем я стал за последнее время.

Я оттянул веко на левом глазу. Придвинулся ближе к зеркалу, прямо под свет лампы, и уставился себе прямо в глаза, ища разгадку.

– Нашел что-нибудь?

Мягкий медовый голос раздался за спиной. Я резко обернулся и едва не налетел на нее. Она была совсем рядом, и я снова почувствовал, как возвращаются воспоминания. Я пытался их задержать, объяснить... но у меня ничего не вышло. Я только

сумел убедить себя, что это – воспоминания о том, чего не было.

– Мы тебе не нравимся? – спросила она.

– Ты мне нравишься, – я посмотрел ей в глаза, ожидая увидеть ответный блеск холодного металла. Но вместо этого встретил пристальный человеческий взгляд.

– Я не робо, – сказала она. – Ты что, не понял?

– Я понял.

– Эта Твинкль – очаровательный ребенок. Может быть, тебе надо найти хорошую женщину и, наконец, остепениться. С ребенком. На самом деле, это не так уж и плохо – так жить.

– Что это за история с Барни? – спросил я.

– Он хороший человек.

– Я знаю.

– Он отрезал себе один палец, когда был молодым – случайно, когда чистил овощи. Кафе заплатило за пересадку, ему поставили какой-то нано-пластик. Парень подсел. Так бывает. Тебе пересаживают пластик, и тебе хочется больше. Мне так Барни сказал. Хочется больше силы. Потому что она такая, какая есть. Сила. Сила, чтобы жить дальше; чтобы стоять на своем. Разве ты никогда не чувствуешь, что проще сдаться или уступить, Скриббл?

– Чувствовую. Иногда.

– Тогда вживи в себя робо. И все это пройдет. Так они говорят.

– Я сейчас в Вирте? Да? – спросил я.

– Нет. Это реал.

– А тебе можно верить? Ощущения похожи на Вирт.

– Это из-за того, что во мне.

– И что именно?

– А ты не чувствуешь?

– У меня очень странное ощущение...

– Да?

– Как будто я знал тебя раньше.

– В каком смысле?

– Ну...это трудно вот так объяснить.

– Ты знаешь, что Барни мне изменяет?

– Неужели?

– Это нормально. Я тоже ему изменяю.

– И ты?

Я отстранился от нее.

– У него задвиг на теневых девушек. Может быть, потому что он робо. Он любит эту текучую мягкость – против его твердости. Мягкий дым, твердый пластик. Получается хорошо. И, разумеется, теневые девушки его тоже любят. Только робо или

пес может сделать счастливой теневую девушку.

Я подумал о Бриджит и о Битле. И вспомнил, как видел Бриджит, как она танцевала с каким-то мужчиной в «Сливи Тув». Кто это был, интересно?

– Ты нашел что-нибудь? – спросила она.

– Что?

– У себя в глазах.

– Нет. Ничего.

– Дай-ка я посмотрю, – сказала она и шагнула ко мне, слишком близко. Она протянула руку и погладила меня по лицу. Люсинда смотрела мне прямо в глаза. А это значит, что мне тоже пришлось смотреть ей прямо в глаза. Они были зеленые, словно яблоки в залитой солнцем оранжерее, какие-то отстраненные. Для меня это был перебор.

– Да не трясись ты. Дай мне посмотреть, – настаивала она.

Люсинда смотрела мне в глаза, а у меня уже встало, причем встало конкретно. Но то, что я видел в ее глазах, было в десять раз хуже.

– Нет. Ничего, – сказала она. – У тебя голубые глаза, красивые голубые глаза. Как летний день, но без намека на солнце. Это странно. Я могла бы поклясться...

– Что во мне есть Вирт?

– Да. По ощущениям вроде бы правильно, но без желтого.

– Зато желтое есть у тебя в глазах.

Я разглядел среди зелени эти крошечные пятнышки. Они вспыхивали, как осколки золота.

– Ты уже был здесь раньше, да? – спросила она.

– Я не знаю, я не могу это объяснить.

– Давай я тебе кое-что покажу.

– Люсинда...

– Что-то не так, малыш?

– Я...

– Что?

– Я не должен этого делать...

Я должен искать Брид и Существо. И Дездемону...

Люсинда взяла меня за руки и ласково повела куда-то.

* * *

Задняя спальня была вся задрапирована в пурпур. Кровать в виде каменной плиты и статуя Девы Марии. Из глаз Марии сочилась кровь, стекая по белому алебастру щек.

У меня голова пошла кругом, и мне стало весьма

затруднительно адекватно воспринимать окружающую обстановку.

– Я в Вирте! – пробормотал я. – Я знаю, что в Вирте!

– Нет, – сказала Люсинда. – Ты просто думаешь, что ты в Вирте.

– Но это же Католическая Ебля? Вирт Интерактивной Мадонны?

– Да, все правильно. Неужели ты раньше не понял? Ты же видел гостиную.

– Это было в начале девяностых, да?

– Да.

– Капкан Ностальгии?

– Ну, наконец-то, ты въехал. И комната, где спит Битл? С путами и кнутами?

– Это, должно быть, Госпожа Извравирта. Я все это пробовал!

– Смотри внимательно.

И тут я начал врубаться. У меня вдруг возникло стойкое ощущение, что меня дурачат. Я повнимательнее пригляделся к спальне Католической Ебли. Кровь больше не выглядела реальной. Я обмакнул в нее пальцы, понюхал...

– Это краска?

Люсинда засмеялась.

– Барни сам оформлял эти комнаты. Они – точные копии перьев-бестселлеров. Это забавно, да? И Барни, мне кажется, оторвался на этом по полной программе.

– Он что, не может употреблять Вирт?

– Ну, да. Барни совершенно безперьевой.

– Я так и думал. Этот взгляд...

– Знаешь, это не так уж и плохо. То, что он не потребляет Вирт... он поэтому такой настоящий. Реальный. И такой сильный. В таком, старомодном смысле. Так что вовсе не удивительно, что теневые девушки любят его в постели. Я вот тоже его люблю. И эти комнаты... ну, здесь он славно кончает.

Но я вспомнил взгляд Барни... печаль у него в глазах... это ощущение оторванности от сна. Но не в том смысле, в котором я это понимал. Ему нравилась эта оторванность. Сон был слабым, а Барни – сильным. Теперь мне действительно стало понятно: Барни – безперьевой. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы закрыться от этих воспоминаний.

– У тебя в глазах – Вирт, Люсинда. Кто ты?

– Я – звезда. Да, во мне – Вирт. Я соединяю явь со сном. Там меня называют Синдерс.

Синдерс О"Джунипер.

Теперь я увидел себя в ее объятиях. Мы с ней столько раз

занимались любовью в перьях – в бесчисленных мягких и розовых Порновиртах.

– Я – Вирт-актриса, – сказала она. – Это моя работа.

Почему-то мне было больно видеть ее в реале.

– Я знаю, в тебе тоже есть Вирт, – сказала она. – Несмотря на голубые глаза. Возможно, ты еще не готов. Я почувствовала это сразу, с первого взгляда. И чувствую это сейчас.

– А как ты это поняла?

– Потому что я вся горю.

Я не знал, куда деть глаза.

КАРМАХАНИКА

Синдерс свела меня вниз, по тропинкам – к каналу, за ворота Города Игрушек, туда, где работают и отдыхают автомеханики и каучуковые производители. Был ранний вечер; мир был полуосвещен, и на дороге не было никого – только мы двое.

Мы шли по узкому, вымощенному булыжником проходу между каналом и железнодорожным мостом. Мост был оснащен рядом закрытых арок, и хорошо защищенных от ночных воров. И вода в канале была цвета плохого Виртового сна, ну, знаете... когда все чувства обращаются в грязь, и ты не можешь пробиться наружу.

Синдерс была спокойной и отрешенной. Она шла в двух шагах впереди, указывая дорогу, и все ее тело было – восторг и секс-грезы. Это была изумительная любовница из моих постельных фантазий, с которой мы столько раз были вместе, и я шел за ней, как собака. Безвольный, покорный и полностью беззащитный.

Вам знакомо это чувство?

– Почти пришли, Скриббл, – сказала Синдерс. – Ты уже чувствуешь?

Да, я уже чувствовал.

– Мне как-то тревожно, Синдерс.

– Не беспокойся, Скриббл, здесь не водятся змеи.

Она набрала код на двери в одну из арок.

– Ты уверена?

– Да, я уверена.

Я прочел вывеску на двери.

Кармаханика.

Снаружи были припаркованы две старые машины и древний фургон для развозки мороженого.

– Почему? – спросил я, дрожа.

– Мы отловили всех этих гадов давным-давно.

Дверь распахнулась со скрипом, и Синдерс скользнула внутрь. Я последовал за ней в темную красную комнату. Над головой – крыша сводчатого прохода, камни скользкие от сырости. Дым клубился в тесном пространстве, вызывая видения.

Икарус Уинг сидел за микшерным дымовым пультом.

– Ты снова привел собаку? – спросил он.

– Нет, на этот раз – нет, – сказал я.

– А этого мудака?

Он имел в виду Битла.

– Я сегодня один, – сказал я.

– Тогда проходи. Добро пожаловать.

– Вы уже встречались? – спросила Синдерс.

– Встречались – еще мягко сказано, этот парень по-настоящему мне угрожал, – отозвался Икарус. – Но теперь все в порядке. Без обид.

Я уловил в тенях сухие отблески фиолетового и зеленого. И шуршание кожи – кожа по коже, кожа по земле и стеклу; гады, ползущие в ночи. Плохие сны.

Я весь вспотел, отчаянно борясь со страхом. Вдоль одной стены арки стоял тройной ряд старых стеклянных банок для рыбной ловли, и в каждой лежали змеи – либо по одной, либо целый клубок.

– Не бойся, Скриббл, – сказала Синдерс. – Это твои друзья.

– Я не уверен, – пробормотал я, заикаясь.

– У Вирт-мальчика душа в жопу ушла от страха, – засмеялся Икарус.

– Ты продал мне плохой Вирт, Икарус.

– В смысле?

– То перо Вуду было пиратской копией. Просто дешевый сон.

– Эй, да откуда я-то мог знать? Я просто покупаю продукт, ты понимаешь? А ты кидаешься на меня, угрожаешь одной из моих лучших змей своим бешеным рободогом с оскаленной пастью. Чего ты хочел? У меня даже не было времени попробовать этот новый продукт. Так что не парь мне мозги.

– Икарус редактирует утренние закупки, – сказала Синдерс. – Хочешь посмотреть?

Нет. Больше всего я сейчас хочу оказаться за тысячу миль отсюда.

Проход в арку был заставлен стеллажами с серебряными перьями, а использованные кремовые валялись на полу. Сок грезы клубился в пластах цветов; голубой, потом черный, потом серебряный. И в бездне черного потолка несколько комков золотого мерцали на мокрых камнях.

Желтый дым! Очень редкий и драгоценный туман.

– Сегодня мы очень неплохо затарились, – сказал Икарус, микшируя дым. – Классный продукт. Мы называем его Похотливой Сукой. Это совсем близко к краю. Жестче уже ничего не достанешь в Виртураме. Иди посмотри.

Все что угодно, только не эти кошмарные твари. Я погрузился лицом в туман Вирта. Я чувствовал, как он ласкает меня, а потом все исчезло, и я оказался совсем в другом месте, я шагал на своих кривых лапах туда, где Синдерс ждала меня на четвереньках. Ее волосы были темны от пота, приоткрытые губы влажно блестели. У меня было обильное слюнотечение. И мощный стояк. Я чувствовал блох, скачущих у меня в шерсти, но не обращал на них никакого внимания. Я хотел только ебаться. Ее задница была поднята как раз так, как надо, и я вставил ей, куда нужно, закусив губы, когда рванулся вперед, мои передние лапы – у нее на плечах, мои задние лапы скользят по линолеуму, пытаясь найти опору. Я словно утонул в нежности, в ночи, в каком-то горячем мясном обеде. Ауууууууууу!!!!!! Я выл, и женщина дергалась подо мной и стонала. Ауууууу!!!!!! Хорошая ебля! Ауууууууууууу!!!!!!!!!!

И тут меня выдернуло обратно в реальность, меня трясло от отвращения к себе, трясло от звериной похоти… и Синдерс смеялась надо мной в темном сводчатом проходе. Я увидел Икаруса с плотницким молотком в руках. Зловоние змеиной травы расплывалось в воздухе. Он открыл одну из клеток.

– Тут есть одно вещество, которое следует удалить. Иначе мы можем сказать «прощай» всеобщему оргазму.

Но я не слушал его. Комнату заволокло дымом, и туман снов забил мне рот, вталкивая в меня Вирт. Мне нужен был воздух, чистый воздух, и когда змея оказалась снаружи, пойманная заклятьем змеиной травы Икаруса, я уже боролся с дверью, пытаясь открыть задвижку, ломясь куда-то, неважно – куда, куда угодно, лишь бы на открытое пространство! Я уловил кнутообразное мелькание змеи, когда она хлестала своим гибким телом по человеческой плоти. У меня стояло так, что позавидовал бы даже Зевс! Я распахнул дверь и почувствовал, как на меня обрушилась ночь – влажная и горячая.

* * *

Минут через пять под дождем чувства смягчились. Я стоял на берегу канала, глотая воздух, наблюдая за тем, как вода бесцельно бьется о камни. Был прилив, сладкий и зловонный одновременно. Обломки качались на волнах, особенно никуда не

стремясь. Один кусок выглядел очень похоже на человеческое предплечье.

Я видел противоположный берег, где мы потеряли Тристана, отдав его на растерзание врагу. Огни слабо переливались на том берегу – там были люди, другие люди, которые вели нормальную жизнь. Мне нужно было как следует вставиться, и я полез в карман за упаковкой Напалма, и пальцы коснулись мягкого оперения.

Я достал из кармана перо и подставил его под лунный свет. Оно было серебряным – все целиком. Я думаю, что луне стало немного завидно, потому что она поспешила укрыть лицо за разорванным облаком. Я подумал о Коте Игруне.

Как он это назвал?

Серебряное оперение весело искрилось.

Генерал Нюхач.

Просто сделай это.

Просто сделай. Прими его. В рот. Получи самое свежее сообщение. Загляни в гости. Пройди еще чуть вперед по тропе в неизвестность. Просто сделай это. Выясни, что еще должен сказать тебе Кот.

Я вставил перо в рот, между запекшихся губ, под луной, у воды, на краю Города Игрушек, и тут у меня за спиной раздался голос Люсинды.

– Неужели я тебя не удовлетворила? – сказала она.

Я вынул перо изо рта.

– Как оно называется? – спросила она.

– Генерал Нюхач.

– Это значительно выше обычного уровня, мальчик. Ты уверен, что выдержишь?

Я не ответил.

– Ты когда-нибудь употреблял Сосуна, Скриббл?

– Что это?

– Сосущие перья. С их помощью делают Вирты. Они работают, как обычные перья, только в обратную сторону. Вместо того, чтобы давать нам сны, они крадут наши сны. Потом меня запускают внутрь – меня или кого-то еще из неудачниц. Любого, в ком есть хоть немного Вирта, чтобы придать снам реальность. Они микшируют меня в снах, Скриббл. Я, кстати, одна из лучших. Жизнь невеселая, да, но зато платят пристойно. Может быть, сам соберешься попробовать.

– Вряд ли.

– А мне кажется, у тебя должно получиться.

– Нет, только не я.

Я отвергал все.

– Я, наверное, тебя обломала, в этом Догвирте? – спросила Синдерс.

– Нет.

– Ты просто не хочешь со мной разговаривать? В это все дело?

– Не в этом.

– Ох, Скриббл... ты действительно знаешь, как возбудить Вирт-девушку.

Неожиданная мысль; может быть, я смогу перекачать эту женщину? В ней много Вирта, и она очень ценная... может быть, я смогу ее выкрасть, и сделать обратную перекачку, и вернуть Дездемону.

– Я реальный, Синдерс, – ответил я. – Ты видела мои глаза.

– О да, ты даже слишком реалный, малыш. Так к чему тогда вся эта суета? Почему ты так боишься плоти?

– У меня были женщины, – закричал я.

– Разумеется, – она надо мной издевалась.

– У меня есть женщина, – сказал я. – Очень хорошая женщина.

– И где же она? Если она вся такая хорошая, почему же она не с тобой?

Я молчал.

– Котик язык проглотил?

– Я не понимаю, зачем ты вообще затеяла этот разговор. У меня времени нет, меня ждут дела.

– Я не люблю, когда люди вот так убегают от моего искусства.

– Просто я испугался.

– Вот о том и речь.

Ее глаза посылали мне отчаянные сигналы. Но я хотел лишь одного – поскорее убраться прочь. Подальше отсюда. Но ее голос потянул меня обратно.

– Знаешь, что самое грустное? Что я и вправду могу тебе кое-что дать. Кое-что очень хорошее. Но тебе это не нужно, да, Скриббл?

В мерцающем водянистом свете ее глаза были глубокими, лунно-зелеными, в звездных искорках желтого. Люсинда придвинулась ближе и поцеловала меня. У нее на губах – запах меда, и я вдруг почувствовал, что таю. Таю в дожде, и воде, и в Виртплоти. Она провела пальцами мне по шее – словно рябь пробежала по поверхности луны, отражавшейся в водах Корабельного Канала.

Просто сделай это.

Я оторвался от ее губ.

Она смотрела мне прямо в глаза, и я просто не мог в это

поверить.

– Я возвращаюсь домой, – сказала она. – Сегодня вечером Барни работает. И потом он собирается в Теневой город. Ты не хочешь пойти со мной?

– Я вообще-то не очень-то хорош в постели, – прошептал я.

– Надо практиковаться, – сказала Люсинда.

Она казалась бледной фигурой во тьме, но ее слова пронзили меня до самого сердца.

Надо практиковаться.

Просто сделай это.

Это было жестокое искушение. Такой сильный соблазн, что я все-таки не удержался и заглянул в самую глубь ее глаз, и увидел там что-то новое – чужое, что-то, что принадлежало не ей. Как будто кто-то другой на миг вселился в Люсинду, и теперь на меня глядели другие глаза – голубые, такие знакомые...

– Дездемона? – закричал я. – Это ты, сестренка?

Это был тот, прежний взгляд Дездемоны. Любовь и страсть. Меня бросило в ее объятия; воспоминания накрыли меня с головой. Мне просто не оставалось ничего другого, кроме как отвести ее домой, где мы занялись любовью у статуи Девы Марии. Мы осуществили Католическую Еблю, и это при том, что я абсолютно неверующий. Ну и ладно. Я занимался любовью с Синдерс О"Джунипер, королевой розовых перьев. Разумеется, это было не в первый раз – кто из парней не ебал ее в Вирте? – но теперь это было реально, слишком реально. Почти немыносимо. И особенно – с Дездемоной, мерцающей в глазах Синдерс – зовущих, манящих глазах. И когда мы достигли оргазма, и женский голос кричал: «Спаси меня, спаси меня!», – я даже не понял, кто это, Синдерс или моя сестра. Вот почему все это было и горьким, и сладким одновременно, с кровью Девы, капающей мне на кожу, пока оргазм не взорвался во мне, и я не выплеснул все наружу, в сон и реальность, пока не заполнились оба.

* * *

Я проснулся в объятиях сестры, во всяком случае – по ощущениям, а потом Синдерс зашевелилась и повернула ко мне свое сонное лицо.

– Что с нами было, детка? – спросила она.

– Я не знаю.

– У меня было странное чувство, как будто я была кем-то другим.

Так все и было. Ну, типа того. Частично. Наполовину. У меня просто не было слов, чтобы передать, что я чувствовал.

– Хорошо было, – сказала она, но я не испытывал никакой гордости или чего-нибудь в этом роде. Потому что я знал, что Дездемона была со мной, используя Вирт в Синдерс, чтобы добраться до меня.

– Повторить не желаешь? – спросила Синдерс.

– Нет.

– У тебя есть другие дела?

– Ага.

И я рассказал ей о Дездемоне, и о том, что я пытаюсь ее вернуть. И обо всех сложностях и препятствиях. И Люсинда сказала мне одну вещь, которая просто меня убила.

– Может, попробуем перекачать меня?

Что я мог на это ответить?

– Во мне много Вирта, – сказала она. – И я думаю, что я все-таки представляю какую-то ценность. Во всяком случае, ее хватит, чтобы удовлетворить Хобарт. Давай сделаем это. А то достала меня эта жизнь.

Я тупо молчал, лишившись дара речи.

– Нет. Нет, так нельзя.

Я действительно это сказал. Синдерс значила для меня слишком много. Даже если я никогда не увижу ее снова. Слишком много.

Она закрыла глаза, словно отгородившись от мира, и когда она заговорила, ее слова исходили из далеких глубин внутри сна.

– Найди, чего хочешь.

– Я пытаюсь.

– И не теряй веру.

Ее последние слова перед сном.

Я выбрался голый из Католической постели, пытаясь найти свою разбросанную одежду в мутном сером освещении. Луна светила в окно сквозь клочья облаков. Может быть, уже поздно. Я

поднял мою куртку и вытащил из внутреннего кармана серебряное перо. Бросил последний взгляд на Синдерс.

Что я делаю, идиот?! Ухожу от такой женщины!

Я посмотрел, сколько времени, на цветочных часах и положил перо в рот.

Губы, оправленные в серебро.

Падаю...

Поглощенный тьмой...

КОМНАТА В АНГЛИИ

Что...

Здесь ничего...

Я...

Темнота...

Здесь ничего...

Здесь ничего нет! Твою мать, господи боже!!!

Темнота...

Падаю...

Меня здесь нет. Здесь нет даже меня даже. Просто мысль, что я здесь. Я думаю. Или не думаю. Нет, не переставай думать, Скриббл! Потому что тогда тебя точно уже не будет. Не переставай думать...

Нет. Не падай, зависни...

В темноте...

Где, вашу мать, я нахожусь?

Ты здесь, думаешь о своем местонахождении...

Продолжай думать...

Но кто сейчас думает за меня...

Ты сам думаешь, Скриббл...

Правильно...

Кто такой Скриблл...

Ты...

Правильно...

Выпустите меня отсюда!!!

Темнота...

Единственная звезда света... прямо вверху... где вверху... там, над головой... где моя голова... это моя голова... и звезда у меня в голове, внутри...

Твинкль, мерцание... маленькая звезда... как мне хочется знать, кто ты на самом деле...

Маленькая серебряная звезда вырисовывала буквы в ночи... у меня в голове... прямо как...

На что это похоже?

ЗАГРУЖАЕТСЯ ГЕНЕРАЛ НЮХАЧ... ПОЖАЛУЙСТА, СОХРАНЯЙТЕ ТЕРПЕНИЕ.

Правильно...

Серебряная звезда...

Прямо, как курсор... так и есть... я в пере...

Я и есть перо...

Серебряная звезда развернулась, как свиток...

1. ПРОВЕРКА.
2. КЛОН.
3. ПОМОЩЬ.
4. ДВЕРЬ.
5. КАРТА.
6. ВЫХОД.

ПОЖАЛУЙСТА, ВЫБЕРИТЕ...

Я подумал про номер четыре...

Четыре – это дверь... помни об этом...

Почему... просто помни и все...

ЭТА ОПЦИЯ ПОЗВОЛЯЕТ ВАМ ПОЛУЧИТЬ ДОСТУП В ДВЕРИ МЕЖДУ ТЕАТРАМИ...

ПОЖАЛУЙСТА, ВЫБЕРИТЕ...

1. ГОЛУБОЙ.
2. ЧЕРНЫЙ.
3. РОЗОВЫЙ.
4. СЕРЕБРЯНЫЙ.
5. ЖИЗНЬ.
6. КОТ.
7. ЖЕЛТЫЙ.
8. ХОБАРТ.

Пять – это жизнь... пять – это жизнь... помни об этом...

Я подумал про номер семь... Потому что я просто не мог сопротивляться этим мыслям...

Почему бы и нет...

Из-за Дездемоны...

Кого...

СОЖАЛЕЮ... НЕПРАВИЛЬНАЯ КОДИРОВКА ДОСТУПА... ПОЖАЛУЙСТА, ВЫБЕРИТЕ СНОВА...

Я подумал про номер восемь... просто, чтобы заглянуть в пасть к самому страшному зверю...

СОЖАЛЕЮ... НЕПРАВИЛЬНАЯ КОДИРОВКА ДОСТУПА... И В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ, У ХОБАРТ В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ ПРОИСХОДИТ ВСТРЕЧА... ПОЖАЛУЙСТА, ВЫБЕРИТЕ СНОВА... И ХВАТИТ УЖЕ ТРАТИТЬ ПОПУСТУ МОЕ ВРЕМЯ...

Я подумал про номер шесть...

ВСЕ В ПОРЯДКЕ... ИДЕТ ЗАГРУЗКА... ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОЖДИТЕ...

Что...

Боже!

Падаю... падаю... сейчас действительно падаю... вниз сквозь пласты тьмы... все больше и больше звезд в небе, и я мчусь сквозь них... серебряных звезд... все больше и больше... пока тьма не рассеялась... и я падаю камнем в серебряный цвет... вновь обретая мысли... одну за другой... пока я не понял, где я... и кто я... и куда я направляюсь...

В серебряном открылась какая-то дверь...

Я прошел...

* * *

Генерал Нюхач сидел за столом, распределяя какую-то штуку ножом для разрезания бумаги. Маленький лысоватый человек в толстых очках, он даже не удосужился взглянуть на меня, когда я вошел в его офис.

– А ты смелый парень, – заметил он.

Тонкий пронзительный голос, немного напоминающий скулеж.

– Я хочу видеть Кота Игруна.

– Я имею в виду, когда ты рвался к Хобарт. Это просто смешно.

Он закончил играться со своим ножом и посмотрел на меня чуть ли не с нежностью. Я подошел ближе. На маленьком зеркальце для бритья – дорожка голубого порошка, и я так и не понял, чему он улыбается: порошку Душителю или своему собственному отражению. У него за спиной, в деревянной панельной стенке, была дверь со вставленным в нее матированным стеклом. Слова: «Кот Игрун», – были выгравированы на маленькой латунной табличке, установленной чуть ниже стекла.

– Он там? – спросил я.

– Я не люблю людей, которые попусту тратят мое драгоценное время, – сказал он, сворачивая в трубочку десятифунтовую банкноту. – Неужели ты думаешь, что у меня нет других дел?

– Я – личный друг Кота.

Он поднял на меня глаза. Он уже вставил банкноту в левую ноздрю, и в таком виде – да еще при толстых очках, – он казался таким смешным, что я едва сдерживал хохот.

– Ох, все они, все они, – буркнул он, – все они заявляют, что знают Кота Игруна. Только они все врут. Я один знаю Кота Игруна.

С этими словами он наклонил голову и занюхал дорожку Душителя.

– Скажи ему, что здесь Скриббл.

Генерал снова взглянул на меня, его глаза за стеклами очков теперь оживились – ему уже вставило.

– У меня уже были из-за тебя неприятности, – заявил он.

– Правда?

– О да. Ленточный червь, по-моему. У меня где-то записано. – Он покопался в залежах бумаг на столе. – Это был ты, правильно? Да. Скриббл. Я помню имя. Ты отправился на Черве в Мета, в Такшаку. Ты что, не слышал, как я тебя звал?

Я слышал. Но не собирался в этом признаваться.

– Вообще-то, шататься по Такшаке строго не рекомендуется. Копам это не нравится.

– Копам?

– Такшака – это Копвирт. Они там хранят информацию.

– Копы владеют Королем Змей?

– Ну, они думают, что владеют. На самом деле, все наоборот. Такшака владеет ими. Но давай лучше не будем сердить и злить копов, ага?

– Я просто хочу повидаться с Котом Игруном, Генерал Нюхач, – сказал я. – У меня назначена встреча.

– Ох, у всех у них назначена встреча, – парировал Генерал. – Ты не поверишь, скольким Кот назначает встречи. И, разумеется, Кот Игрун знать об этом не знает. Это все так утомляет. И еще этот, другой инцидент...

– Который?

– Ну, тот инцидент в Изысканном. Да. Это было самое трудное.

– Вы о чем говорите? – не понял я.

– Нет, Мистер Скриббл, правда... ваша горячность, она ник чему не приведет. Да. Это был Английский Вуду. Вы потеряли кого-то в тот день, очень ценного и дорого для вас. Она прошла сквозь дверь в Изысканное Желтое, насколько я припоминаю. И была перекачана. Вы, наверное, не знаете, что Хобарт приходится заниматься всеми подробностями этих операций? А у Хобарт есть дела и поважнее. И вы знаете, кого во всем обвиняют? Правильно. Меня. Мне был такой нагоняй в тот день, должен вам сообщить.

– Жалко только Кота Игруна, – вставил я.

– Что ты имеешь в виду?

– Насколько я знаю, Кот именно так сюда и попал. Потерялся в Изысканном Желтом. Или нет?

Генерал на мгновение затих. Он только сидел – пыхтел носом, вдыхая Душителя глубже.

– Вы, как я вижу, многое знаете, мистер Скриббл?

– Я был рядом, – заявил я Генералу. И добавил. – Скажи Джеффри, что я здесь.

Это произвело эффект разорвавшейся бомбы.

– Джеффри? – переспросил он.

– Да. Скажи ему, что я пришел его повидать.

Генерал Нюхач на мгновение задумался, а потом нажал кнопку у себя на столе и проговорил в интерком:

– Кот Игрун... Хм!... да, да... Извините, что побеспокоил... здесь кто-то пришел, хочет видеть вас, сэр. Называет себя Скриббл...

Я услышал, как Кот Игрун что-то ответил в динамике, но не сумел разобрать слов из-за треска помех.

Но Генерал Нюхач, кажется, уловил суть.

– Кот Игрун примет вас прямо сейчас.

* * *

Где-то в Англии есть комната, которую нельзя увидеть. Она существует только в сознании, и только в сознании тех, кто там бывал. Именно там и живет Кот Игрун, окруженный своими вещами. Перекачанными вещами. Кухонными раковинами и клюшками для гольфа, чучелами животных и антикварными глобусами, удочками и автобусными билетами. Все имущество Англии, которое Кот Игрун собирает вокруг себя, перекачивается в бесчисленных безнадежных сделках с людьми, которые приходили к нему в поисках утешения.

Я оказался просто последним в очереди.

– Скриббл, – сказал Кот. – Так приятно, что ты пришел.

Кот Игрун сидел в плетеном кресле, с шарообразным бокалом темного красного вина в руке. Он был в пурпурной домашней куртке, и – обратите внимание – в клетчатых тапочках.

– Не хочешь ли выпить, молодой человек? – спросил он.

– Ты знаешь, чего я хочу, Кот, – ответил я.

– Тебе надо пить больше вина, Скриббл. Ах, я знаю, что в наше время этот Фетиш – последний писк моды среди детей, но на самом деле... только вино оказывает правильное воздействие. Оно, несомненно, облегчает боль, мой котеночек. Ах! Как дети любят такие беседы!

Он подержал свой стакан в свете настольной лампы. Лампа была в форме золотой танцующей рыбки, и ее мерцание действовало успокаивающе. Очередной подарок, предположил я, от кого-нибудь из благодарных гостей.

– Да, все правильно, – заметил он, прочитав мои мысли. – Когда люди приходят ко мнея, они обычно приносят с собой что-нибудь... Какой-нибудь подарок... Какую-нибудь небольшую вещицу.

Он обвел взглядом комнату, заставленную вещами.

– Ты мне принес что-нибудь, Скриббл?

– Ничего.

– Жалко. Ты уверен, что не хочешь выпить?

– Ты знаешь, о чем я думаю, Кот.

– Ах ты, боже мой, какие жестокие мысли!

– Дай мне это блядское Желтое!

– Не надо меня выводить из себя. Я сейчас позову Генерала?

– Делай, блядь, что хочешь! Только дай мне Изысканное!

– Он тебя вышвырнет. Насколько я помню, это довольно болезненно, ...

– Кот! Мне нужно Изысканное! Сейчас же!

– Скриббл...

– Перо!

Он поглядел на меня.

– У меня нет Изысканного Желтого.

И тут что-то промелькнуло в его глазах, какая-то затаенная боль... возможно, он говорил правду. Нет, он лгал!

– Не ври. Тристан мне все рассказал. Ты подсел на Изысканные!

Он отхлебнул вина с таким видом, словно ему было плевать.

– Ты знаешь, где сейчас Тристан? – спросил я.

– Знаю.

– Его схватили.

– Я знаю, да.

– И тебя это ни капельки не волнует?

Я пытался растормошить его, вызвать ответную реакцию.

– Молодой человек, – заметил он, – не надо со мной играть. Тебе все равно никогда меня не обыграть.

И что прикажете делать?

– Я думаю, с этим тебе не справиться, Скриббл. Я знаю правила лучше тебя. Я знаю все правила, даже секретные... Те, которые официально не существуют.

– Ладно. Ты выиграл.

Надо быть проще.

– Да. Давай так. – Он сделал еще глоток. – Я с ним виделся, знаешь?

– С братом?

– Да. У него в камере. У меня тоже есть чувства, Скриббл. Они... они сделали ему больно... у него были... у него были раны.

Кровоподтеки, царапины. Крови немного, не очень много. Он жив.

– Рад это слышать.

– Но он, похоже, в печали. Он мне показался таким усталым. И мысли у него нехорошие. Например, что уже скоро все кончится. – Он сделал паузу. – У нас с братом, разумеется, нет секретов друг от друга. – Очередная пауза. – Я же просил тебя, Скриббл, чтобы ты ему помог.

– Я пытался.

– Да неужели? – Кот знал, как меня поддеть.

– Потеря Сьюзи его добила, – сказал я.

– Да, могу себе вообразить.

– Правда, можешь?

– Да, правда.

Мне представлялся образ человека без каких-либо связей и привязок – человека, для которого реальная жизнь была всего лишь отвратительной шуткой, сыгранной жестоким богом. Для этого человека, с самого раннего возраста, Вирт должен был представляться истинными небесами – как прикосновение сильной руки, ведущей его к ощущениям. Он должен был неминуемо пристраститься к перьям. Он наслаждался силой и интенсивностью ощущений, которую они давали ему, и в конце концов, перья сделались для него всем. А реальная жизнь была просто сном – плохим сном. Укус Такшаки должен был показаться ему долгожданным подарком, как и и шанс пропасть – быть перекачанным. Кот воспользовался этим шансом, схватился за него сразу; прошел сквозь дверь в Изысканное Желтое безо всяких сомнений и сожалений; потерял себя в Вирте.

– Ну, это достаточно интересная теория, Скриббл, – сказал Кот. – Кстати, тебе это ни о ком не напоминает?

– Ты никогда не рассказывал мне об Изысканном Желтом. Что ты в нем пропал.

– А почему я должен тебе рассказывать?

– Потому что, это значит, что ты знаешь, как вернуть Дездемону.

– Да. Я знаю.

– Скажи мне.

– Да, в общем-то, просто. Найди Существо. Найди рабочую копию Изысканного Желтого. И вперед. Обратная перекачка. Ничего сложного.

– Ну, тогда иди на хуй, Кот Игрун!

– Ох, дорогой.

– Тебе удалось выбросить Тристана из Изысканного. Он сказал, что ты разрабатываешь перья.

– Скриббл, мой дорогой... уже в том юном возрасте я был

мастером перьев. А ты еще даже и не начинал.

– Я хочу Дездемону обратно!

– Как это пафосно и поэтично.

– Как весьма поэтично.

– Ты мерзавец!

Мои руки сами сжались в кулаки.

ТАМ У ВАС ВСЕ В ПОРЯДКЕ, КОТ ИГРУН, СЭР?

Голос Генерала Нюхача – в динамике интеркома. Кот кивнул на меня и нажал на кнопку на переговорном устройстве, и я вдруг почувствовал, как что-то тянет меня назад, и комната Кота начала растворяться, и все тело наполнилось болью.

– Кот! Пожалуйста! – закричал я.

Кот Игрун улыбнулся, и боль слегка ослабла.

– Все в порядке, Генерал, – сказал он в интерком. – Спасибо. Мы как раз обсуждаем подарки, которые гость готов преподнести хозяину. Не беспокойтесь, Генерал.

ПОНЯЛ, СЭР. ПРОСТО ЗВОНИТЕ, ЕСЛИ Я ВАМ ПОТРЕБУЮСЬ.

– Обязательно.

Кот отключил соединение и взглянул на меня. С тяжелым вздохом он с видимым усилием поднялся из плетеного кресла и подошел к антикварному деревянному шкафчику. В нем были пять выдвижных ящиков, один над другим. Кот Игрун выдвинул верхний ящик.

– Это – моя коллекция, – сказал он.

Я подошел поближе. Ящик был разделен на секции, каждая из которых отделана пурпурным бархатом. Каждая секция представляла собой ряд ячеек, и в каждой ячейке лежало перо. В этом первом ящике все перья были голубыми, различных оттенков. Ощущение такое, как будто глядишь в небеса ярким солнечным днем. Вдоль края каждого отделения шли латунные таблички с названиями перьев, выгравированными на них. Здесь были только голубые перья, и большинство из названий я знал наизусть, поскольку не раз триповал под ними.

– Люди приходят ко мне за перьями, – сказал Кот. – За особыми перьями и особыми снами. За снами, которые, по их мнению, могут спасти. А в замен они дарят мне подарки.

Он закрыл верхний ящик и открыл второй. Там лежали, мерцая, черные перья. Словно смотришь в глубокую ночь. В третьем ящике были розовые. Словно смотришь на плоть. Некоторые названия будили сладостные воспоминания.

– Разумеется, это лишь небольшая часть моей коллекции. Основная часть у меня в хранилище. Это – только любимые перья на данный момент.

Он выдвинул четвертый ящик. Серебряные перья. Словно

смотришь на луну. Одно из отделений было пусто. Называлось оно Генерал Нюхач.

– Боюсь, я буду вынужден попросить Нюхача назад, когда ты с ним закончишь.

Он закрыл четвертый ящик и открыл последний.

Золото.

Глаза разбегались.

Золотые перья.

Словно смотришь на солнце.

Одни только названия, сами по себе, уже навевали волшебные грезы.

– Да, они действительно очень сильные, – сказал Кот. – Я слышал, что кое-кто принимает их анально. Разумеется, об этом не говорят вслух.

Только два названия значили для меня хоть что-то: Изысканное и Такшака.

Отделение, обозначенное Изысканное, было пусто.

– У тебя было Изысканное Желтое? – спросил я.

– Я – хранитель перьев. Конечно, у меня оно было.

– И где оно теперь?

Кот Игрун закрыл ящик.

– Тристан украл, – сказал он. – Ты что, не знал?

– Нет. Я...

– Это вполне очевидно, – заговорил Кот. – Тристану не понравилось то, что Изысканное сделало со мной. Мой брат – человек очень консервативный, Скриббл. Ты и сам, наверное, уже понял. Несмотря на волосы, и Дымок, и ружья... Он был в семье белой вороной. У него создалось впечатление, что он теряет меня в Вирте. На самом деле,все было наоборот; это я потерял его в чистом мире.

– Он не такой уж и чистый, – вставил я. – Он мне сказал, что в нем есть кое-что от собаки.

– Ну, да. Но совсем чуть-чуть. И во мне, кстати, тоже. Наш прадедушка был восточноевропейской овчаркой. Но прадед – это теперь считается дальним родством. В смысле, чистоты крови. Да, иногда мне хочется пососать кость – больше, чем это дозволено этикетом во время обеда в приличной компании. Но больше собачья кровь никак не проявляется, и слава Богу. И, разумеется, он мне завидовал. Потому что я вышел на верхние уровни, а он так и застрял внизу. Ты понимаешь? Застряв в реале.

– Тристан украл у тебя Изысканное Желтое?

– Да, украл.

– И где оно сейчас?

– Есть у меня подозрение, что он хотел спасти от него весь

мир. Он такой чистый, наивный мальчик.

– Я просто хочу знать, где оно.

– Он его выбросил.

– Где?

– Так при тебе же все было.

– Что?!

– Ты был рядом.

– Прекрати...

– Ты думаешь, что я не желаю тебе помочь. На самом же деле я делаю все, что могу.

Я внимательно посмотрел в глаза Кота Игруна, и увидел там ответ. Глубоко-глубоко, но мне все-таки удалось. Потому что, на самом деле, я и сам уже знал ответ. Только не знал, где его искать.

– Господи!

– Разумеется. Ты был совсем рядом.

Он улыбнулся и кивнул.

– Ты ведь вернешься ко мне, да, молодой человек? Сюда, на свое место. Ты – именно то, что мне нужно.

– Я бы предпочел реальный мир и Дездемону.

– Ах, да. Тяга к плотскому миру физических тел. В обще-то, я могу периодически опускаться на нижний уровень и помогать тебе время от времени. Мой брат... понимаешь?

– Нет. Это мое дело. Никаких перьев. Ничего. Даже не рассчитывай на это, Кот.

Я направился к двери.

– И последнее, молодой человек, – сказал Кот.

– Да, я знаю. Надо быть осторожным. Очень и очень осторожным.

– Ты понял меня, мой котеночек.

КОТ ИГРУН

Существуют лишь ПЯТЬ ЧИСТЫХ ВИДОВ БЫТИЯ. И все они равноценны. Быть чистым – это хорошо, у чистых хорошая жизнь. Но кто хочет хорошей жизни? Только одинокие. Таким образом, мы имеем ПЯТЬ УРОВНЕЙ БЫТИЯ. И каждый пласт лучше, чем предыдущий. Чем глубже, тем сладостнее и сложнее.

ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ – самый чистый. Где все существа разъединены и потому несексуальны. Есть только пять чистых состояний, и вот их названия: Пес, Человек, Робо, Тень и Вирт.

ВТОРОЙ УРОВЕНЬ – следующая ступень. Мы выходим на этот уровень потому, что все виды хотят заниматься сексом с другими видами, различными видами, непохожими видами. Кроме того,

они не всегда используют Ваз, и в результате рождаются те самые дети – существа второго уровня. Иногда виды делают операции по пересадке ткани. Есть много способов измениться. Как бы то ни было, существа второго уровня лучше продвинуты в плане знания. Есть десять существ второго уровня, и вот их названия: Собакочеловек, Рободог, Собакотень, Виртдог, Робочеловек, Тенечеловек, Виртчеловек, Роботень, Робовирт и Теневирт. У тебя тоже есть шансы, читатель, стать существом второго уровня.

Но тебе просто хочется секса, правильно? Что выводит нас на следующий, ТРЕТИЙ УРОВЕНЬ, в котором также есть десять видов: Рободогочеловек, Тенечеловекособака, Собакочеловековирт, Рободоготень, Робовиртдог, Теневиртдог, Робочеловекотень, Робочеловековирт, Тенечеловековирт и Роботеневирт. Эти существа стоят ровно посередине на шкале развития, и большинство там и остаются; у них просто не хватает духа двинуться дальше.

Но есть существа, которые так одержимы сексом, что просто не могут остановиться. Отсюда и происходит ЧЕТВЕРТЫЙ УРОВЕНЬ, в котором есть только пять видов, и каждый лишен лишь одного элемента. Вот их названия: Хлопья, Тупица, Наживка, Гаечный Ключ и Поплавок. Эй, а чего ты хотел? Лакомого кусочка – и побольше, побольше. Существа четвертого уровня необыкновенно красивы. Кот знает – кот сам такой. Какого рода? Эй, у нас тут не неделя раздачи подарков? Вы бы еще спросили, кто такая Хобарт? Я знаю, я – любитель поддразнить. Но этим я, собственно, и зарабатываю себе на жизнь.

За всем этим стоит ПЯТЫЙ УРОВЕНЬ. У существ пятого уровня тысячи имен, но среди них нет такого: Робочеловекособакотеневирт. У них тысячи имен, потому что все называют их по-разному. У каждого – свое имя для существ пятого уровня. Называй их, как хочешь – ты все равно никогда с ними не встретишься. Существа пятого уровня на порядок выше нас с вами на шкале знания, и они не любят смешиваться с другими уровнями. Возможно, что их вообще не существует.

А Кот? Он называет существ Пятого Уровня Алисами. Потому что Алиса – так звали мою мать, а мать – это мать, от матерей мы все возникли, и все мы пытаемся к ним вернуться.

Тебе не нравится это имя, читатель?

Тогда придумай свое!

ПРАХ К ПРАХУ, ПЕРЫШКО К ВОЛОСУ

Когда я пришел в себя, Синдерс еще спала.

Я погладил ее по мягким зеленым волосам и взглянул на

цветочные часы на стене. Упало только пять лепестков. Мне казалось, что я пробыл в Серебряном час или больше, но это же Вирт, а в Вирте время течет как-то странно.

Я тихонечко поцеловал Синдерс и пошел в комнату Битла. Он отчаянно рвался и дергался, стараясь вырваться из своих пут. Слишком плотский, слишком человек. Ничего у него не получалось.

И не без моей помощи.

Наверное, мне всегда хотелось увидеть его вот в таком состоянии – беспомощным, зависимым от меня, но сейчас, когда это тайное желание воплотилось в жизнь, мне это было совсем не в радость.

– Пора, Скрибб? – спросил он.

– Пора, – ответил я.

– Если ты освободишь меня, Скриббл, я буду твоим другом на всю оставшуюся жизнь.

– Да у тебя этой жизни осталось всего ничего, Битл.

– Я себя чувствую великолепно, – сказал он.

– Вот и классно. Не окажешь мне напоследок одну услугу?

– Что такое, детка?

– Надо украсть фургон и отвезти меня в одно место.

– Я думал, ты сам в этом деле уже эксперт.

– Я хочу оставаться на чистяке. Никакого Вирта.

– Совсем парень свихнулся.

– Как это верно. Ну как, сделаешь?

Он улыбнулся, и сияющие цвета у него в глазах вспыхнули еще ярче.

– Ну ладно, давай-ка прокатимся на какой-нибудь развалюхе!

Его голос пел.

* * *

Я провел Битла вниз, вдоль канала, к последней арке. Этот старый и ржавый фургон для развозки мороженого стоял на месте, словно жестяной труп. Лицо Икаруса на миг показалось в двери, и во взгляде его был страх. Но я все равно помахал пистолетом, только чтобы удержать его внутри, пока Битл вскрывает фургон. Он сейчас не использовал Ваз – ему это было уже не нужно, – и капот, казалось, открылся для него так, словно пытался неторопливо его совратить. Битл забрался в кабину, и я увидел, как блистают его цвета. Они стекали с его пальцев, касаясь проводов внутри, и двигатель, кашлянув, завелся.

– Знаешь, что, брат? – сказал он. – Сегодня я чувствую в себе

сок.

* * *

И мы использовали этот сок, чтобы снова поехать на вересковые пустоши: я, Твинкль, Мэнди и Битл за рулем – так, как и должно было быть.

– И куда мы направляемся, мистер Скриббл? – спросила Твинкль.

– На пикник. Будем мороженое продавать.

– Темновато уже для мороженого, – отозвалась она.

Было девять часов. Воскресенье, вечер. И деревья меркли в серебре.

– Мне нравится этот фургон, – сказала Твинкль. – Это лучший фургон из всех, в которых мы ездили. Я всегда мечтала прокатиться в фургоне для развозки мороженого.

– Я видела тебя с этой женщиной, Люсиндой, Скриббл, – сказала Мэнди.

– Тебе обязательно надо это обнародовать?

– А почему нет? А ты, оказывается, неплохой любовник.

– Что происходит? – вмешалась Твинкль.

– Скриббл нашел себе...

– Мэнди!

– Что нашел? Что нашел? – закричала Твинкль.

– Ничего!

– Скриббл нашел себе женщину.

– Скриббл!

– Это не...

– Скриббл, как ты мог? – глаза у Твинкль широко распахнулись. – Что скажет Дездемона?

Ее слова меня опустошили.

– Хороший вопрос, – заметила Мэнди с улыбкой.

Я перевел взгляд с молодой женщины на девочку, а потом тупо уставился в окошко с люком, наблюдая, как проносятся мимо поля.

Дездемона. Прости меня.

* * *

Битл провел фургон по тем же самым ухабистым дорогам, по которым мы ехали утром, и остановился в каких-нибудь десяти футах от могилы.

Я вышел из фургона один, велев команде не выключать двигатель.

Холмик свежей земли.

Я принялся раскапывать землю, зачерпывая грязь в ладони; я выгребал эту грязь, продвигаясь все дальше и дальше, пока мои ногти не стали черными-черными, и подо мной не разверзся целый мир.

И там было тело. Ее тело. Сьюзи.

Ее волосы перемешались с землей. Ее прекрасное лицо проступило из грязи, и моя рука ударилась о твердое дерево. Маленькая деревянная коробочка.

Она ждет...

Она лежала на шее Сьюзи, спрятанная в волосах Тристана. И волосы Сьюзи падали на его волосы, так что коробочка оказалось запутанной в сетке волос.

Она ждет...

Я сунул руки в густые спутанные волосы.

Глаза Сьюзи были закрыты, а тело ее было теплое от земли. Она просто спала. Вот и все. А украл вещь у спящей женщины. Вот и все...

Боже! Как меня это достало.

Переплетение ее волос, пот, что падал с моих бровей на руки, скрежет дверцы фургона – Твинкль высунулась наружу и звала меня, безмятежное лицо мертвой женщины; все это объединилось в заговоре против меня, пока я копался в волосах, ругаясь, как черт. Голос Твинкль у меня за спиной: что я там делаю? Но я должен был вытащить эту коробку, вы же понимаете, я просто должен был это сделать!

– Что происходит, мистер Скриббл?

И тут у меня получилось.

Она ждет... Дездемона...

И вот коробка у меня в руках. Коробка, вырезанная из красного дерева; крышка выточена в форме воющей собаки. Никакого замка, просто маленькая латунная задвижка. Я отодвинул ее и поднял крышку.

Желтое!

Желтый всполох, прорезавший тьму.

Желтое! Желтое перо! Оно было маленьким и изящным, в точности, как я запомнил, его золотое оперение притягивало меня, насыщая воздух цветами и грезами.

Твинкль подошла ближе, чтобы посмотреть, и, похоже, она поняла мое состояние, потому что она ничего не сказала, просто молча стояла рядом, и я слышал только ее прерывистое дыхание.

Изысканное Желтое.

Я достал тебя!

Она ждет меня...

ВОЗВРАЩАЯСЬ В ЦВЕТАХ

Мы были. Мы были такими. Мы возвращались в цветах. Битл – за рулем, как в старые добрые дни, но ощущение было совсем другим. Совершенно новым. Такое впечатление, словно я ехал домой, ехал домой в кузове старенького фургона Мистера Уиппинга, с золотым пером в одной руке, и пистолетом Битла в другой. Осталось всего две пули.

Битл с остервенением крутил баранку. Его спектр расширился, его кожа трескалась и крошилась. Я убедил его надеть черную широкополую шляпу и надвинуть ее на лицо – как можно ниже. Мэнди обернула его лицо снизу огромным шарфом. Синдерс дала нам этот шарф и шляпу, вместе с изящными темными очками. Битл надел и их тоже. И свои кожаные перчатки.

– Он выглядит, как Человек-Невидимка! – заметила Твинкль.

Битл просто пожал плечами. Вспышки цвета сочились сквозь прорези в его одеянии, но так и должно было быть.

Мы мчались по Уимслоу-Роуд на скорости Джэммера, назад в Манчестер. У меня в кармане лежала бумажка с адресом. Да, это был чистый Джэм, не считая того, что Битл больше уже не торчал на Джэммерах; теперь, когда в нем сидела пуля, ему это было не нужно.

– Мы сейчас едем за Брид и Существом, Скриббл? – спросила Твинкль.

– Все правильно, малышка, – ответил я.

– Замечательно.

У этого ребенка должна была быть нормальная жизнь, хорошая жизнь. Она не должна разъезжать с нами по городу в кузове украденного фургона для развозки мороженого. А ведь именно я затащил ее сюда, в это темное пространство, просто потому, что мне нужна была ее помощь. И кто я после этого?!

Да, я знаю. Говеный мерзавец.

Мы выехали на перекресток Фаллоуфилда. Ресторан «Сливи Тув» остался слева, и я подумал о Барни и о его жене Синдерс. О ее зеленых волосах, мокрых от пота.

Не думай о ней. Забудь!

Теперь мы ехали вверх по холму Фаллоуфилд, и я уже видел справа телефонную будку у студенческого общежития.

– Битл! – закричал я. – Остановись здесь. Мне нужно позвонить.

Он резко вдарил по тормозам, как в Сумовирте, разбросав нас по всем причиндалам Мистера Уиппинга.

Как будто мне и вправду была нужна эта подзарядка, дружище. Понимаешь, о чем я?

Телефонную будку недавно громили, но капля Ваза в прорезь решила все дело. У меня с собой был голубой Вирт Меркурия, почти поблекший до кремового, но телефонный рот с благодарностью заглотил перо. Потом я выдернул его и вставил себе в рот. В глазах аппарата – на крошечном экранчике – высветилось десять наличных единиц.

Господи. Такой облом.

ПОЛИЦИЯ. ВАМ НУЖНА ПОМОЩЬ? – сказала дрожащая трубка.

Да. Мне нужна помощь.

ПОЛИЦИЯ. ЧЕМ МЫ МОЖЕМ ПОМОЧЬ? – повторил голос с растущим нетерпением.

Я обнаружил, что мне тяжело говорить, и я знал, почему. Причина простая. Впервые за всю мою жизнь я сам вызывал копов.

– Просто мне интересно... – наконец выдавил я.

У ВАС ЕСТЬ ВОПРОС, СЭР? СОЕДИНЯЮ СО СПРАВОЧНОЙ.

Шумы в волнах проводов, словно поцелуй моря. Я взглянул на экран. Для разговора осталось лишь семь единиц.

СПРАВОЧНАЯ. ЧЕМ Я МОГУ ВАМ ПОМОЧЬ? – Мужская голова заменила женскую.

– Пожалуйста, – сказал я. – Я бы хотел узнать ситуацию относительно мистера Тристана Катеррика. Его вчера арестовали. Можно узнать, где он и что с ним?

ОСТАВАЙТЕСЬ НА ЛИНИИ, СЭР. Я ЗАПРОШУ НЕОБХОДИМЫЕ ФАЙЛЫ.

– У меня осталось только четыре единицы, – крикнул я, но на линии уже играли национальный гимн, а голова ласково улыбалась.

И я ждал.

Голос включился снова.

МЫ ПОЛУЧАЕМ ФАЙЛЫ, СЭР. МЫ СВЯЖЕМСЯ С ВАМИ В САМОМ СКОРОМ ВРЕМЕНИ.

– У меня всего две единицы осталось!

Никакого ответа.

Одна единица.

ОСТАВАЙТЕСЬ НА ЛИНИИ, СЭР.

Музыка играла, и тут экран снова сделался голубым, и единицы начали возвращаться. Две единицы. Вспышка. Четыре единицы. Вспышка. И так далее, пока не дошло до десяти. Кто-то

их добавлял, но не я. Наверное, копы. Чтобы удержать меня на линии.

Они запустили трейсер, отслеживающее устройство!

Проблеск языка Такшаки, дрожащий в проводах.

Я резко выдернул перо. Поганый выброс. Но, черт! Времени не было – надо сматываться немедленно.

Мы помчались вниз с холма Фаллоуфилд, как одержимые бесами, вниз к Расхолму, мимо Плат-Филдс, по направлению к забегаловке, где готовили карри. Из каждой машины, которую мы проезжали, торчали флаги, развевающиеся на ветру Пакистанские флаги. В машинах сидели азиатские семьи, они смеялись и что-то кричали, и все машины гудели, как проклятые.

Что за хуйня здесь творится?

Теперь транспортный поток замедлился, и мы оказались вблизи от нашей старой квартиры на Расхолм-Гарденз. Это было не очень приятно – увидеть наше старое логово, где все начиналось. И чем все закончилось?! И мне показалось, что Битл почувствовал тоже самое, потому что слышал, как он матерится. И это была никакая не ностальгия. Это он матерился из-за копов. Я пролез на переднее сиденье и увидел целый кордон: они стояли на дороге и направляли машины по Плат-Лейн.

Много-много копов.

– Не горячись, Би.

– Я уже закипаю, Скрибб.

– Ты блестящий пример для всех нас, Битл, но сейчас я считаю, что тебе надо взять себя в руки и не отсвечивать.

Я убрал пистолет и перо в карманы. Теневой коп высветил наш номер, но все было в порядке; этот старый фургон для развозки мороженого был чистым. И Битл держался прекрасно: откинувшись на спинку сидения, скрылся в тенях кабины. Постовой коп взмахом руки направил нас влево, на Платт, и мы медленно тащились вперед, зажатые в пробке между азиатскими машинами. Мэнди сунулась к нам.

– Что происходит, Мэнди? – спросил я.

– Эйд аль-Фитр, детка, – сказала она.

Ой, и вправду. Веселая ночка! Вляпались по самое не могу.

– Окончание Рамадана. Конец поста. Люди все поголовно сходят с ума, и иногда их просто сносит с нарезок. Вот почему здесь столько копов. Они окружили карри-забегаловку, но толпа просто рассеялась по району.

Банды азиатских подростков выстроились на тротуарах, приветствуя машины и флаги, и Битл нажал на кнопку, которая врубила музыку в фургоне. Детишки тогда прикололись. Они махали нам так, словно мы были своего рода колесницей богов

мороженого, и танцевали под мелодию Морячка Папая, звучащую на предельном уровне.

Мы нормально прорвались, и повернули направо на улицу Трех Тисов. Копов здесь не было. Потом мы свернули направо – на Кларемонт Роуд. Я попросил Битла ехать помедленнее. Он так и сделал, и уверенной рукой направил нас на самом малом ходе между рядами террас. Впереди, на вершине Кларемонта, было видно, как копы блокируют Уимслоу-Роуд. Сотни азиатов двигались за заграждениями на дороге.

– Выруби это дерьмо Папая, – добавил я.

Когда музыка смолкла, воцарилась тишина.

– Какой номер нам нужен, Скрибб? – спросила Мэнди.

– Вот этот, – сказал я.

Фургон мягко остановился.

Карли начала скулить.

И вот мы на месте. Воскресный вечер, 1-го Июня. Десять тридцать вечера, Эйд.

Улица была совершенно пустынна – ни одной машины. Дом в три этажа, на первом этаже – магазин подержанных вещей под названием «Космические Осколки». Между этим домом и следующим располагалась небольшая аллея, закрытая деревянными воротами, по верху которых была протянута колючая проволока. На колючках трепетала собачья шерсть.

Карли завыла, почуяв что-то.

Дом был погружен во тьму, и только в одном окне верхнего этажа – слабое мерцание свечи.

– Плохие собаки, по-настоящему плохие собаки, не любят света, – заметила Мэнди.

Так оно и есть. И именно к ним нам и нужно.

– Посидишь пока здесь, Би? – сказал я.

Потому что никто в здравом уме не пригласит этого блистающего человека к себе домой.

– Ну да, – ответил он.

– Мы пойдем первые. Понял? Никакого героизма.

– Да какой из меня герой? – Его цвета были просто прекрасны. Такими они всегда и бывают незадолго до смерти.

– Ты держишься молодцом, Би, – сказал я.

– Я чувствую себя прекрасно.

Может быть, он все понимал. Что это конец. Но он не сдавался.

– Я просто хотел сказать... – начал я. Но слова застряли у меня в горле.

– Да ладно, забей, – сказал Битл. Как всегда, хладнокровный – даже в самом конце.

– Я горжусь тобой, Битл, – наконец выдавил я.

– Я тоже, – сказала Мэнди.

Битл снял темные очки. Посмотрел на меня, улыбнулся, потом перевел взгляд на Мэнди.

Он поцеловал ее. Это было очаровательно, и поцелуй тянулся долго.

Потом он повернулся к дому.

– У меня мало времени. Давайте уже сделаем это.

Ох, Битл.

– Мы, в самом деле, приехали, Скриббл? – спросила Твинкль из кузова фургона.

Я поглядел назад, но увидел лишь Карли.

Робосука лежала на животе, елозя по полу фургона, как змея. Передние лапы выставлены вперед, задние – чуть приподняты, хвост трубой, задница – вся напоказ, розовая и вытянутая.

– По-моему, она что-то почуяла, – прошептала Твинкль. – По-моему, у нее течка.

Да. Мы приехали. Мы уже здесь. И у всех у нас течка.

ДЕРЬМОВИЛЛЬ

Твинкль и Карли подошли к дому первые. Там была своего рода арка, с дверью в магазин с одной стороны, и дверью в квартиру на верхнем этаже – с другой. Над дверью кто-то прикрепил напечатанное на принтере объявление, гласившее: СВОБОДНАЯ ОТ ЧИСТЫХ ЗОНА. Внизу был пришпилен клочок бумаги со словами, нацарапанными толстыми неуклюжими буквами: «Если в тебе нет собаки, иди на хуй!» Над почтовым ящиком красовалась изысканно украшенная железная вывеска с орнаментом в виде завитков и надписью готическим шрифтом: ЧЕЗ ЧИЕН. На стене под ящиком кто-то вывел, как курица лапой: Дерьмовилль. Смотри под ноги. Это было написано явно человеческой рукой. Слева от звонка была рамка, в ней – фото восточноевропейской овчарки, и слова – Шагай вперед, скрась мой денек! Кто-то приклеил два голубых человеческих глаза поверх собачьих.

Твинкль нажала на звонок.

Этот звонок нельзя было услышать человеческим ухом, так что оставалось только надеяться, что он работает.

Никакого ответа.

Мэнди стояла за спиной Твинкль, а я – позади нее. Битл все еще сидел в фургоне, наблюдая за нами через окно. Пистолет у меня в кармане был горячим наощупь, но мне все равно было страшно. Я просто не мог унять дрожь. Твинкль снова нажала на

звонок, и на этот раз держала долго, не отрывая палец.

По-прежнему нет ответа.

– Возможно, там никого нет, – сказала Мэнди.

– Жми, Твинк, жми, – сказал я.

И Твинкль жала.

Никакого ответа, так что она подняла крышку почтового ящика и закричала сквозь прорезь:

– Есть кто-нибудь дома?

Ничего.

Потом дверь чуть-чуть приоткрылась, удерживаемая тяжелой цепочкой. Два темных, мокрых глаза уставились на нас.

– Чего надо? – провыл глубокий и низкий голос. – Чего надо?

Изо рта говорящего капали слюни.

Твинкль повела себя как настоящая звезда:

– У нас тут есть молодая сука, – сказала она. – Не хотите воспользоваться на время?

Наступила пауза. Собачьи глаза вспыхнули и уставились на меня. Я улыбнулся в ответ.

– Надо послушать ее саму, – пролаял голос.

Твинкль подтолкнула Карли поближе к дверному проему и позволила ей подать голос. Эта сука выла, как секс-богиня из Порновирта; как Синдерс в постельной сцене, взявшей Оскар. Пес-привратник завыл в ответ, переполняемый похотью и страстью. Он исчез на секунду во мраке за дверью, и цепочка свалилась, и дверь распахнулась, выпустив наружу зловонный воздух. Было почти что слышно, как замки становятся мокрыми и скользкими. Когда запах псины ударил нам в нос. Всепоглощающая собачья вонь.

Мы прошли внутрь и оказались в узком и темном пространстве. За спиной пса-привратника ряд ступенек уходил во тьму. Вонь стояла ужасная, она ощущалась почти физически, и глаза песиголовца мерцали прямо напротив моих. Карли рванулась вверх по лестнице. Твинкль с трудом удержала поводок, заставив эту воющую суку застыть на нижних ступеньках.

Пес-привратник имел в себе уйму собачьих черт – полный набор. Он стоял прямо, на двух кривых задних лапах, и в нем это было единственное более-менее человеческое. Его вытянутая морда была вся запачкана грязью. Зубы выдавались из пасти, на розовых губах пузырилась пена. Он тщательно обыскал нас в небольшой прихожей. Ничего не нашел у Мэнди и Твинкль, зато у меня обнаружил пистолет. Он забрал его своими неуклюжими лапами и повесил на крючок для одежды. Потом указал нам на темную лестницу.

– Верхний этаж, – провыл он.

Я шагнул вперед и почувствовал мягкое хлюпанье под ногой. Быстро убрал ногу назад.

Ну, пиздец!

Ступеньки были покрыты собачьим дерьмом.

И теперь тем же дерьмом были покрыты мои ботинки.

Так что я последовал за Твинкль, как безумный танцор, стараясь лавировать между грудами дерьма, поднимаясь к тускло освещенной площадке.

С верхней ступеньки мы попали прямо в кухню. Вдоль одной стены красовалась чешуя десятков змей снов, мерцание зеленого и фиолетового. Три песиголовца ели что-то из мисок на столе. Комната была погружена во тьму, и там пахло мясом, которое они ели, и куски мяса падали на пол, когда песиголовцы пускали слюни. Запах был сладким, но я не мог врубиться, почему. Мясо им, определенно, вставляло; чем больше они ели, тем громче выли. Один из них упал на пол, приземлившись прямо в кучу своего собственного дерьма. Это его нисколько не обеспокоило, и он продолжал кататься по полу, словно находился в своеобразном трансе.

Я не думаю, что они вообще просекли, что к ним кто-то пришел.

Карли принюхалась и тут же помчалась прочь из кухни – по коридору, ведомая наиболее аппетитным собачьим запахом; потом – вверх по следующему пролету, и Твинкль едва-едва сдерживала ее туго натянутым поводком.

Я на мгновение отшатнулся. Мэнди – в паре шагов у меня за спиной. Слева была закрытая дверь. Дверь впереди была чуть приоткрыта, и я распахнул ее настежь. Комната купалась во тьме, и там пахло собачим сексом – запах накатывал волнами. Одно дуновение – и меня унесло обратно в тот розовый Вирт, Похотливую Суку, к Синдерс, понукавшей меня. И когда она взглянула на меня, я увидел, что это не Синдерс, и даже не Дездемона; это был Кот Игрун с улыбкой в собачьих глазах.

Нет.

Не сейчас. Делай все на чистяке. Никаких перьев.

Я заставил себя войти.

Одинокая собакодевушка лежала на черном ковре, широко раскинув ноги, и лизала себя между ног длинным розовым языком.

В комнате стоял запах порно. Собачьего порно. Порно для обоняния.

Сукадевушка взглянула на меня.

У нее были человеческие глаза – ярко синие человеческие

глаза на собачьей морде, заросшей шерстью.

Я не мог смотреть в эти глаза.

Я осторожно закрыл дверь, потом повернулся к двери слева. Мэнди уже рядом не было. Куда она подевалась? Ладно, забей. У тебя есть, что делать. Проверь каждую комнату. Продолжай искать...

Едва различимый шум. Там! Слушай! Просто тихое шебуршение, почти утонувшее в вое с кухни. Я прижал ухо к левой двери. Шум исходил оттуда. Звук инопланетной плоти, попавшей в изрядную переделку на планете Земля.

Я открыл дверь.

Медленно.

Делай все медленно, сдерживай дыхание, не психуй, сохраняй спокойствие.

Я вошел в комнату.

Там стоял запах испорченного мяса, протухшая дымка, обволакивающая все чувства, вызывающая мысли о смерти.

В комнате было Существо.

Я слышал, как оно звало меня на этом своем странном языке.

В комнате было темно, как и везде в этом доме, но теперь я его нашел и мог вытащить его отсюда, вытащить эту толстую тушу. Занавески были задернуты, и проблеск уличного фонаря едва пробивался сквозь плотную ткань. Я различил движение в сумраке. Тонкая фигурка. Она склонилась над Существом. Тусклая вспышка вырвалась из ее пальцев. Фигурка слегка дернулась, когда я вошел в комнату, и дернула головой в мою сторону, и в медленном развороте ее тонкого вытянутого лица я увидел слюнявый рот.

Фигура завыла, довольно пронзительно.

Глаза постепенно привыкли к сумраку. Это был молодой собакомальчик, и он сидел, склонившись, на кровати, к которой было привязано Существо – старыми собачьими поводками. Собакомальчик сжимал в лапах нож для резки хлеба. Он отрезал кусочки от брюха нашего Инопланетянина. У кровати стояла миска. Там уже было немного мяса. Я как будто опять оказался на кухне. Жравшие собаки и сладкий аромат мяса.

Внезапная вспышка, воскресившая в памяти мое возвращение в реал, Существо, взгромоздившееся на меня, этот сладкий аромат, исходящий от его кожи.

Эти собаки ели Существо! Понемногу. Позволяя ему восстанавливать плоть между своими обедами. И потом отрезали себе еще мяса, отправляясь в свой бесперьевой полет в Вирт, прямо в плоть.

Что-то словно оборвалось. Что-то случилось.

Я не уверен, что именно. Но пока это происходило, я почувствовал, как хлебный нож порезал мне руку, чуть выше локтя. Совсем не больно. Хотя я видел, как кровь растекается по рукаву моей куртки. Собакомальчик завыл, когда я поднял его за шкирку.

Отъебись в полете, дерьмо собачье!

Собакомальчик с хлестким ударом врезался в стену, весь обмяк и рухнул на пол. Он так и остался лежать, где упал, сломленный, скулящий.

Я подошел к Существу. Теперь рука начала болеть, но мне удалось разобраться с ремнями – я просто разрезал их ножом. Существо не шевелилось. Даже не издавало никаких звуков. Оно просто лежало, обессиленное, на полу. За те недели, пока его не было с нами, оно потеряло, наверное, тонну веса – сожранного веса; его инопланетный метаболизм усиленно сопротивлялся, но и он уже начал сдавать. Я сбросил поводки с кровати и мягко обернул их вокруг Существа, соорудив что-то вроде лямок. Существо немного пришло в себя и что-то забормотало на этом своем неразборчивом языке. Я пощекотал ему брюшко – там, где ему всегда нравилось. Возможно, это доставило ему удовольствие. Теперь оно было настолько худым, что я почти не сомневался, что смогу унести его в одиночку. Так что я обернул поводки вокруг одного плеча, потом – вокруг другого, глубоко вздохнул и поднял Существо.

И вот оно у меня в руках, или, верней – за плечами, и оно что-то мне говорило. Конечно, оно не могло связно произнести ни слова, но его бормотание все равно выражало довольный покой, словно оно было радо, что его несут.

Я прошел обратно к лестнице, чтобы забрать Твинкль и Карли.

Вверх по следующему пролету – до самого верхнего этажа. Там были еще две двери. Пол здесь мыли совсем недавно, что не могло не радовать – можно было спокойно ходить, не опасаясь вляпаться в дерьмо. Я и так уже был весь изгваздан. Записка, вывешенная на лестничной клетке, гласила: «Никаких грязных лап за чертой верхней ступеньки. Это касается и тебя, Скобба!» Почерк Бриджит. Обе двери закрыты, но из-под той, что была прямо напротив ступенек, пробивалось мерцание голубого света. И устойчивая вонь псины, смешанная с цветами.

Плечи уже начинали болеть под весом Существа.

Я услышал последнюю балладу Динго – «Венера в Шерсти» – мягкий, приглушенный звук.

И тут вдруг раздался голос:

– Это ты, Скриббл?

Голос Бриджит из-за двери.

У меня было Существо. У меня было Изысканное Желтое. Я мог просто слинять оттуда.

Но вместо этого я шагнул вперед.

ДАС УБЕРДОГ

– Как ты могла, Бриджит?!

Она подняла голову и сонно взглянула на меня. Ее глаза были полны грез, и красный румянец расцветил ее обычно бледную кожу. Она лежала на смятой кровати, одетая лишь в мужскую белую рубашку и кружево теневого дыма. В комнате было темно, за исключением дрожащего света свечи у края окна. Лазурное пламя; мягкий, бледно голубой свет.

– Свеча стоит на окне для тебя, Скрибб, – сказала она. – Я знала, что ты меня найдешь.

– Только поиски заняли слишком много времени, – сказал я.

На кровати лежал какой-то мужчина, накрытый покрывалом. У него было красивое лицо, длинные коричневые волосы; если в нем было что-то от собаки, то очень немного. Одной рукой он любовно поглаживал шею Бриджит, в другой – держал раскрытую книгу. Я разглядел выпуклый золотой заголовок, сонеты Джона Донна.

В отблесках голубой свечи спальня выглядела чистой и человеческой. Пахло цветами и ладаном. Как я понимаю, по большей части, это была работа Бриджит; попытка замаскировать запах псины. И ей это удалось, но лишь отчасти; собачий запах задержался здесь, как одна из басовых нот Динго.

Я представил, как Бриджит высаживает это маленькое человеческое пространство в самом сердце Дерьмовилля – высаживает, словно сад. Но зачем, почему? По какой причине?

И почему я – последний, кто это спрашивает?

Карли тоже лежала в кровати с молодой парой. Она пыталась скинуть покрывало, просунув под него нос; ее розовый зад задран кверху.

Твинкль сидела в кресле, наблюдая за игрой Карли.

Я смотрел на все это с лестничной площадки, по-прежнему, сжимая в руке нож для резки хлеба.

Бриджит прикурила сигарету в голубых тенях.

– Мы пришли, чтобы забрать тебя отсюда, – сказал я.

Бриджит повернулась ко мне – ее рот полон дыма, – и улыбнулась своей прежней сонной улыбкой.

– Посмотри на Существо, – закричал я. – Посмотри, что они с ним сделали!

– Да? – отозвалась она, и ее голос был манерно медлителен.

– Они его жрали!

– Жрали кого?

Я вздохнул.

– Бриджит...

– Кстати, а как поживает Битл, Скриббл? Он все еще издевается над тобой?

– Битл замечательно поживает.

А что я должен был ей сказать? Битл доживает свои последние мгновения. Он отчаянно хочет увидеть тебя еще раз, перед тем, как умрет от цветов, так почему бы тебе не пойти со мной – прямо сейчас, легко и непринужденно?

Проняло бы ее или нет?

И куда, черт возьми, пропал этот чувак?

– Это мой друг, Убер, – сказала она молодому мужчине, что лежал рядом с ней. – Скриббл.

– Доброе утро, сэр, – его голос слегка отдавал собачьей хрипотцой. – Очень рад познакомиться.

– Скриббл, это Убер, – сказала мне Бриджит.

– Как ты могла, Брид?! – закричал я. – Скажи мне!

Бриджит подняла на меня свои сонные глаза, и в голубом свете они выглядели, как драгоценные камни.

– Убер – очень хороший. Он водит меня тусоваться.

– Ага. Например в этой засранной дыре.

Убер отшвырнул одеяло.

Карли грохнулась на пол вместе с одеялом, вернее – грохнулась бы, но Убер успел подхватить ее. Он был сильный и молодой, и поднял собаку без особых усилий. Карли не возражала. Эта робосука была влюблена! Она уселась у него на коленях.

Убер и вправду был очень красивый.

Идеальный половинчатый микс. Такое случается один раз на тысячу. Выше пояса он был человеком, ниже пояса – собакой. Он спустил на пол свои покрытые шерстью лапы и сел на кровати, держа Карли у себя на коленях. Она водила носом и тянулась к нему, норовя облизать лицо. Убер отвернулся от нее и взглянул на меня – медленно и тяжело.

– Я так ждал этой встречи, – сказал он мрачным голосом. – Бриджит очень много о вас рассказывала. Судя по этим рассказам, вы – замечательный человек. Она всегда очень лестно о вас отзывалась, сэр.

Я не ответил.

Тени менялись в дыхании свечи.

Он протянул мне руку с длинными пальцами. Острые когти

выходили из мягких подушечек каждого пальца, и когда он улыбнулся, я заметил, что у него заостренные зубы – собачья черта в человеческой половине.

– Что не так? – спросил он. – Вы не хотите пожать мне руку, сэр?

Он мог по желанию втягивать и выпускать когти, и сейчас он втянул их, но меня это не вдохновило.

– Я вам не нравлюсь, Скриббл? А ведь это я спас Бриджит.

– Спасли ее от чего? – спросил я.

– Ну, от чистой жизни, разумеется.

– Я забираю Бриджит с собой, – сказал я.

Убер повернулся к свече и прищурился, глядя на пламя.

– Ну да, – сказал он. – Я этого ждал. Динго меня предупредил.

– Она уйдет со мной.

– Оставьте, пожалуйста, нашу еду, сэр.

– Не могу.

– Почему?

– Мне оно нужно, Существо.

– Вы его называете Существом. Это не очень-то уважительно. Еда – это самое ценное, и с ней следует соответствующе обращаться.

– Пошел на хуй.

Убер на мгновение закрыл глаза и рассеянно погладил Карли.

– Аппетитная робосука, – заметил он. – Спасибо, что вы ее привели к нам.

Он сунул пальцы между задними лапами Карли.

– Скриббл? – воскликнула Твинкль.

– Не беспокойся, малыш, – сказал я ей. – Все под контролем.

– Да неужели? – сказал Убер. – Все под контролем? И это называется – под контролем? Ну, хорошо. Пусть под контролем. Только под чьим контролем? – И каждое слово звучало мрачнее предыдущего, и как-то более по-собачьи, словно, когда он злился, он постепенно терял в себе все человеческое.

– Я ухожу отсюда, – сказал я.

– Не выводи его, Скрибб, – вмешалась Бриджит.

– И забираю с собой Существо, – продолжил я. – Ты готова, Твинк?

– Я готова, – сказала она и повернулась к своей любимице. – Карли!

Карли подняла одно ухо, но тут же его опустила.

– Давай, Карли! – сделала еще одну попытку Твинкль, но я полагаю, что эта собака была на седьмом небе от счастья.

– Ты идешь, Бриджит? – спросил я.

Она даже не взглянула на меня.

Твинкль вскочила и встала рядом со мной. Убер чесал Карли загривок, там, где она больше всего любила. Он задул свечу даже с такого расстояния – своим собачьим выдохом. Когда он повернулся ко мне, его собачье лицо было как будто разрезано надвое чистой псовой ухмылкой.

– Не заставляй меня это делать, – сказал Убер и сжал шею Карли. Сначала Карли не сопротивлялась – она решила, что это любовное прикосновение. Но потом поняла, что это было на самом деле: пыточный акт. Пальцы Убера сдавили ей трахею; он выпустил когти, и на шее у Карли выступили крошечные капельки крови. Он был экспертом по поиску мягкой плоти между пластиковыми костями.

Теперь Карли скулила, отчаянно пытаясь освободиться.

Убер разомкнул свои толстые губы, показав острые белые зубы, словно высеченные из мрамора.

– Я – Дас Убердог, – провыл он. – Этот мир – мое отхожее место.

И его глаза были дикими – дикими и свободными, и его когти рвали мягкое горло.

Я рванулся вперед – насколько рывок, вообще, был возможен под весом Существа, – но Твинкль меня опередила. Она бросилась на вперед, Дас Убера со всей своей молодой силой, матерясь на чем свет стоит.

Убер согнул свою сильную мускулистую собачью лапу, как рычаг, так что Твинкль оказалась зажатой в мощном захвате. Потом Дас Убер резко разогнул ногу, и Твинкль с визгом отлетела назад и приземлилась у моих ног.

– И как вы оцениваете ситуацию, сэр? – спросил Дас Убер.

Кровь из шеи Карли сочилась между его длинными человеческими пальцами.

– Ну, прежде всего, от тебя жутко воняет говном, – сказал я.

– Спасибо, – ответил он.

Я развернулся, чтобы уйти.

Твинкль вцепилась мне в ноги, пытаясь остановить. Она закричала:

– Скриббл! Скриббл! Не оставляй нас здесь!

Но я просто развернулся и зашагал прочь.

Есть вещи самые важные, важнее всех остальных; есть вещи, ради которых пойдешь на все – и забудешь про все остальное.

Я спускался вниз по ступенькам и вес Существа у меня на плечах как будто подталкивал меня вперед.

Холодный, как камень.

Твинкль рыдала наверху, но я уже был внизу – на первой лестничной клетке. Такое ощущение, словно я нес саму Дездемону. Вот как я себе это и представлял: перекачка уже завершена, – просто, чтобы поддерживать нужный накал. Мимо комнаты, где девушка-сука лизала себя до исступления. Я слышал, как она скулит за дверью. За угол, по коридору, по направлению к кухне, где все трое песиголовцев теперь катались по полу, трипуя в каком-то мутантском Вирте, воспламененном плотью Существа.

Где Мэнди? Где Твинкль? Где Битл? Где Бриджит? Почему я один? Где Тайные Райдеры, когда они тебе больше всего нужны?!

И тут с верхнего этажа раздался вопль Дас Убера, прозвучавший, как плач сирены, отвергнутой в любви. Скрежет его собачьих когтей по линолеуму и паркету. Я предпринял финишный рывок по последним ступенькам – к выходу, и пес-привратник повернулся, чтобы посмотреть, что происходит.

Но дело в том, что он был немного занят.

Потому что Мэнди обвилась вокруг него и ласкала его рукой между ног.

Спасибо за помощь, Мэнди. Я этого не забуду.

А потом я увидел, что свободной рукой она тянется к вешалке, к крючку с пистолетом. Да, девочка, правильно. Сделай это, давай!!

Я слышал, как сзади уже приближались собаки, когда летел вниз по лестнице, спотыкаясь под тяжестью Существа, поскальзываясь на собачьем дерьме, и катясь вниз, словно на ледяной горке, прямо на пса-привратника. Его глаза были такими огромными, что у меня вдруг возникло стойкое ощущение, что сейчас я скачусь прямо в них. Кто-то схватил меня сзади, дернул за Существо у меня на спине, вцепился мертвой хваткой, так что мы с ним тянули в разные стороны, назад и вперед, на полпути вниз по пролету, зажатые между стенами. Сильная белая человеческая рука вытянулась вперед и схватила меня за шею. Я рывком обернулся лицо и уставился прямо в глаза Дас Убердога. И именно в это мгновение включился свет.

Обжигающее великолепие.

Жестокое излучение, слепящая радуга цветов.

Битл! Неужели это твоя работа, дружище?

Собаки наверху взвыли от боли; звук был похож на тот вой, которым сопровождается плохой выброс.

Все собаки – да, но не Убер.

Он даже не моргнул глазом на яркий свет, и я почувствовал, как его когти вцепились мне в горло.

Я поднял правую руку с ножом и отвел чуть назад по

широкой дуге.

Дас Убер уловил движение краем глаза и попытался увернуться – на дикой скорости, с собачьим заджэмованным инстинктом.

Но все равно слишком медленно.

Нож тяжело вошел в плоть, в его левую щеку, задел кость, скользнул по ней, и врезался изнутри в челюсть. Его кровь у меня на лице, воющий Дас Убер, мое бешенство, когда я проворачивал нож – полный пиздец!

Теперь я освободился от его хватки, так что я подхватил Существо поудобнее, бросил нож и снова двинулся к двери. Пес-привратник старался освободиться от Мэнди. Прикрывая глаза от свечения одной лапой, он рванулся вверх по лестнице, шаря вслепую перед собой второй лапой.

И вот тогда Мэнди достала пистолет. Вот и умница.

Ну давай, девочка!

Сначала – вспышка яркого горячего света, потом – оглушительный грохот. Потом – воющий вопль пса-привратника, когда его бросило на ступеньки. Он врезался в меня и упал. В центре его спины горела черная и неровная дыра. Лучевая пуля.

Собаки выли вверху на лестнице, я на миг обернулся и увидел, как Дас Убердог выдергивает нож из своего разорванного лица. Он раздвинул челюсти, стараясь не касаться клыков, демонстрируя свою рану.

Я перешагнул через тело пса-привратника, и присоединился к Мэнди внизу. Она стояла, широко расставив ноги, держа пистолет двумя руками. Мэнди умела стрелять – научилась в бессчетных Кровяных Виртах. Я видел, как собаки в панике мечутся на верхней площадке, ударяясь о стены; их полупораженные мозги уже не справлялись с наплывом сообщений. За ними я разглядел Бриджит и Твинкль. Твинкль держала Карли на поводке. Робосука выглядела нормально, только слегка пошатывалась; крови было немного.

– Ты ранен, Убер? – крикнула Бриджит сверху.

Он не ответил, даже не обернулся, только сошел вниз – еще на одну ступеньку.

Мэнди неплохо держала прицел, но я заметил, что она вся дрожит.

Убер, держа нож в правой руке, сошел вниз еще на одну ступеньку. Нож был весь в крови; кровища буквально хлестала из раны.

– Еще один шаг, мой песик, – сказала Мэнди, – и тебе обеспечена большая конура.

Убер поднял одну лапу, глядя ей прямо в глаза. Он видел пот

у нее на лице, видел, как дрожат ее руки.

Он начал осторожно спускать лапу.

– Она сделает это, Убер, – заорала Бриджит. – Я ее знаю! – И добавила: – Это мои друзья.

Он остановился и посмотрел на свою любовницу, на свою прекрасную теневую девушку с сонными глазами. И я опять подивился, что она в нем нашла, в этом песиголовце?

– Хватит, Убер, – проговорила Бриджит.

Нет. Не проговорила. Просто подумала. Я был настроен на них, на женщину и собаку, и, вообще, на все, что между ними происходило.

Я так думаю, она была чистейшим существом из всех, кого он знал в жизни.

И когда он повернулся к нам, я заметил, что что-то в нем изменилось, что-то заволокло эти глубокие глаза – глаза существа, которое разделяло судьбу собак, но в тоже время читало стихи Джона Донна.

Он шагнул назад, на ступеньку выше.

Наверное, в этот раз победила поэзия.

– Ты спускаешься, Твинкль? – закричал я.

– Карли ранена, – прорыдала она.

– С Карли все хорошо. Она настоящий Тайный Райдер. Прямо как ты, малышка.

Бриджит кивнула, когда Твинкль взглянула на нее. И девочка спустилась вниз по лестнице, ведя за собой рободога. И Дас Убер шагнул в сторону, давая ей пройти.

Именно так, как и должен был бы поступить человек.

Твинкль бросилась в мои объятия. Ее лицо было мокрым от слез. Я вытер их прямо руками – своими грязными руками.

Это у меня не было ничего другого.

Я глянул вверх, мимо Дас Убера, туда, где Бриджит сдерживала собак. Взгляд в ее глазах поведал мне всю историю. История известная: о том, чтобы бросить что-то хорошее, во имя чего-то еще. И только потом понять, что пути назад уже нет. Хотя, возможно, ты уже и не хотел возвращаться назад.

Да, наверное, так.

Ради того, что я потерял, и что забрал, часть этой истории – для тебя, Бриджит. Где бы ты ни была.

Я по-прежнему не знал, где Битл, и кроме того – лампы начали гаснуть, но мне вдруг подумалось: «У нас все получится! Мы выберемся!»

– Ты едешь домой, Большая Тварь, – сказал я, иТвинкль рассмеялась.

Мэнди засунула пистолет за пояс джинсов и открыла входную

дверь. Она вышла первой, ведя с собой Твинкль и собаку Карли. Я шел следом, с Существом на спине. Оно извивалось и корчилось, словно знало, что мы уходим отсюда, из мрака Кларемонта, и направляемся к фургону.

Но там теперь была припаркована еще одна машина, которая загораживала дорогу. Машина копов. Луч света дернулся и выхватил нас на выходе. Теневой луч! На полную мощность. Инфолучи шарили по моему лицу, ища разгадки. Разгадки страха.

Полицейская Мердок ждала нас под уличным фонарем с пистолетом в руке. Теневой коп Такшака завис на крыше одной из полицейских машин, и он улыбался этой своей дымной улыбкой, когда передал:

НЕ ДВИГАЙТЕСЬ. ВЫ АРЕСТОВАНЫ.

– Я полагаю, что мы тебя взяли, Скриббл? – сказала Мердок.

Еще четверо копов – все реальные, из плоти и крови, – вышли из машин.

– Да, полагаю, что так, – ответил я.

ВСПЫШКА

– Все в порядке, офицеры. Мы его взяли.

Четыре копа отступили немного назад и облокотились на свои машины, стоя в расслабленных непринужденных позах, словно это была вечеринка друзей.

Я стоял в дверях собачьего дома, держа Твинкль за плечи. Карли рычала на теневого копа, но с поводка не рвалась. Мэнди стояла чуть впереди, под моросящим дождем, и я видел, что ее волосы уже начинают блестеть от воды. У меня за спиной дверь в Дерьмовилль все еще оставалась открытой, но я не мог рискнуть пошевелиться – из-за Такшаки, высвечивающего меня. Дело было, как говорится, швах. Иными словами – пиздец.

– Тристана жалко, – сказала Мердок.

Ее волосы все промокли. Она выглядела, как утопающий на грани смерти, но ее взгляд был исполнен решимости, и я начал кое-что понимать.

– А что такое? – спросил я осторожно.

– Да, умер в ходе дознания.

– Кто бы сомневался, – сказал я, но мое сердце сжалось, и меня охватило отчаяние, и мир как будто слегка накренился в сторону, или это просто дождь полил косо.

– Сегодня утром его нашли, – проговорила Мердок. – Повесился на оконной решетке. Наверное, не смог смириться с заключением.

– Наверное, да.

Я заговаривал ей зубы, тянул время – в ожидании подходящего момента, чтобы сбежать.

Есть вещи, которые ты понимаешь только под самый конец, и часть этой истории – для тебя, Тристан.

– И где сейчас этот крутой чувак? – спросила Мердок.

Хороший, мать его так, вопрос!

– Какой чувак? – ответил я вопросом на вопрос.

Видя цвета...

– Битл?

– Ты убила его, Мердок. Эта Пуля Мэндел его и прикончила.

– А он прикончил одного из наших.

Голос Мердок был холодный и жесткий, и я все просек – все, что здесь происходит, и почему она сдерживает этих копов.

Полицейская перешла в режим личной мести.

Я думаю, она ждала и надеялась, что кто-то из нас дернется или сделает резкое движение, и тогда у нее будет законное основание, чтобы открыть огонь.

Цвета играли на краю моего поля зрения.

МЕРДОК! У ЗАДЕРЖАННЫХ ЕСТЬ ОРУЖИЕ. ПИСТОЛЕТ. ОН ВООРУЖЕН!

Лучи теневого копа перекрещивались надо мной, пытаясь найти пистолет. Я заметил, что ему было как будто не по себе на свежем ночном воздухе, как будто его настоящим домом был Такшака-Вирт, а здесь, в этом мире, были лишь дождь и скука.

Ты сделал большую ошибку, Теневой хуй, оставив Мэнди в тени...

– Думаешь им воспользоваться, Скриббл? – спросила Мердок.

... и упустив из внимания угол дома...

– Куда мне с тобой тягаться, Мердок, – ответил я, продолжая тянуть время. – Ты – лучшая.

...где играли цвета...

Я уловил краем глаза, как Мэнди вытащила пистолет из-за пояса, держа его спрятанным за спиной.

Будь осторожен, солдат. Осталась всего одна пуля.

Мердок улыбнулась. И вот тут кто-то окликнул ее:

– Мердок!

Голос Битла! Голос, полный цветов.

Полицейская повернула голову – совсем чуть-чуть, чтобы не выпускать из поля зрения и нас тоже. Мы все повернулись в ту сторону и увидели Битла в момент его сияющей славы – он вышел из-за угла, омытый искрящейся радугой.

Карли завыла.

Битл был голый. Его тело было уже не плотью – оно было сгустком сияния, которое постоянно меняло форму. Фракталы

полностью завладели им, переливаясь в водоворотах и арабесках в каждой части того, что было когда-то обычным человеческим телом. Он стал Блистающим Человеком, ходячим фейерверком. Темнота растворялась и меркла всюду, где он проходил сквозь гало огня, и дождь обращался в искры, когда ударялся о его кожу. Самый лучший из всех, Битл шел к нам с этим безбашенным хладнокровием Тайного Райдера, которого мне никогда не удавалось достичь.

Вспышка. Он был как вспышка живого огня.

– Мердок! – крикнул он снова, и слова выходили в цветах. – Оставь их в покое!

Плотские копы, потрясенные и ослепленные, сделали неуклюжее движение в сторону от своих автомобилей и схватились за пистолеты. Один из них попытался схватить Битла. Неудачная мысль, приятель! Одно прикосновение – и смертельный ожог. Он прошел через все цвета спектра, прежде чем рухнуть на мостовую. Из него получился прекрасный труп. Воспользовавшись всеобщим замешательством, я потянул Твинкль назад к открытой двери. А она тянула за поводок Карли, впрочем, Карли тянуть не пришлось – рободог явно не горела желанием понаблюдать за происходящим.

– Давай в дом, малыш, – прошептал я с трудом. – Это приказ!

Я затолкал их двоих в подъезд, в сам встал в дверях – между ними и бедой. Если что-то пойдет не так, я хочу, чтобы они были вместе, Твинкль и Карли.

Мердок увидела, что Битл приближается к ней, навела на него пистолет и прокричала остальным копам:

– Не стрелять!

Только Шака держал свои лучи нацеленными на нас, переводя их с меня на Мэнди и обратно.

МЕРДОК! ЭТО НЕ СКРИББЛ! ПИСТОЛЕТ НЕ У СКРИББЛА!

– Что?!

Теперь Мердок и вправду занервничала, не зная, куда и глядеть.

ПИСТОЛЕТ НЕ У СКРИББЛА!

Такшака словно обезумел, он выстреливал свои лучи по всем направлениям. Один из этих лучей, раскаленный докрасна, ударил в грудь Битлу. Блистающий человек просто вобрал в себя жар, и его цвета засияли змеиными алмазами.

Один из плотских копов просек, что происходит, потерял над собой контроль, вдарился в панику и открыл огонь. Битл даже не шелохнулся, когда пуля вошла в его тела. Куски его новой бесплотной плоти брызнули во все стороны, цвета неистово переливались. А Битл шел вперед – напролом...

Ох, Би.

... шел вперед – напролом, и теперь уже и остальные копы открыли огонь. Он был уже почти рядом с Мердок, и она тоже стреляла в него. Он принял в себя целый залп, и его тело разлетелось на части, расколовшись на огненный душ из фракталов. И моя жизнь вдруг как будто лишилась цветов. Они все вытекли. В открытый космос. И голос Битла прорвался сквозь них.

Мое имя, начертанное в облаке искр в ночном небе, в ночном небе Манчестера. А потом все цвета померкли – растворились в небытии. Там, где живут ангелы.

У ДЕВУШКИ!

Лучи Такшаки сфокусировались Мэнди.

Мердок опять повернулась к нам и прицелилась, но Мэнди уже была там – на краю ничто, – и наблюдала за тем, как Битл заканчивает свой путь, как он умирает, а потом она выкрикнула имя Битла и ...

Спаси хоть что-то!

Я подался назад к двери собачьего дома.

... и подняла активированный пистолет.

Шум и пламя.

Пуля прочертила дугу огня.

И когда падал назад под весом Существа, я увидел, как тело Мердок словило эту лучевую пулю – по полной программе, прямо в сердце.

Отсоси теперь, сука!

Мердок вскрикнула, а потом все пространство взорвалось грохотом выстрелов, когда копы взяли Мэнди. Ее тело отбросило назад, плоть взорвалась кровавым фонтаном, разлетевшись по стенам, и Мэнди свалилась у нижних ступенек – словно просто прилегла отдохнуть. Я прижал Твинкль и Карли к стене. Твинкль плакала – из-за Мэнди, – а собака скулила. Существо по-прежнему прижималось к моей спине, извиваясь и корчась, громко выкрикивая мое имя. А потом я захлопнул дверь, и пули пробили дыры в дереве.

Дождь щепок, острых, как стекло.

Я задвинул дверной засов, но стрельба уже начала стихать.

Теперь я лежал на полу, Существо заменяло мне подушку, Твинкль с Карли – чуть поодаль, Мэнди – у меня на руках.

Мэнди умирала у меня на руках.

Бесполезно.

Ее уже не вернуть.

Ради Мэнди и Битла, ради Тайных Райдеров, часть этой истории – для тебя.

Стрельба смолкла, и передача Шаки прорвалось сквозь дверь, громкая и злая, почти человеческая.

ТЕБЕ НЕ УЙТИ. ВЫХОДИ БЕЗ ОРУЖИЯ. ДРУГИХ ВЫХОДОВ ИЗ ЗДАНИЯ НЕТ.

Собаки выли вверху на лестнице.

Дас Убердог и Бриджит стояли на лестничной площадке, в окружении завывающих песиголовцев. Там собралась настоящая свора, мерзкая стая псов. Бриджит позвала меня: поднимайся.

– Это конец, мистер Скриббл? – спросила Твинкль.

– Пока еще нет, – ответил я.

– Мы – Тайные Райдеры, да?

Я посмотрел на ее лицо, залитое слезами.

– Да, – сказал я. – Всегда на пределе, и нам это нравится.

ВЫХОДИ ЧИСТО.

«Чисто» – значит без оружия.

Или выходи грязно.

ДРУГИХ ВЫХОДОВ ИЗ ЗДАНИЯ НЕТ. ДРУГИХ ВЫХОДОВ НЕТ.

Давай поспорим?

Они дали нам на размышление, может быть, пару секунд, перед тем, как всадить еще одну пулю в дверь – в качестве предупреждения.

Твинкль вскрикнула.

– Не бойся, Твинк, – прошептал я. – Не давай им себя запугать.

– Я не боюсь, мистер Скриббл, – отозвалась она. – Неужели вы ничего не поняли?

Я посмотрел ей в глаза – в эти сильные глаза.

– Вопи дальше, малыш, – сказал я.

И Твинкль завопила – словно раненный ребенок, словно Синдерс в кульминации любовной сцены.

ДАВАЙТЕ НЕ БУДЕМ СОЗДАВАТЬ СЛОЖНОСТЕЙ.

– Заткнись, Шака! – заорал я. – У нас здесь ребенок. Эта пизда ее ранила!

СОЖАЛЕЮ ОБ ЭТОМ, СКРИББЛ. НО У НАС ТУТ ТОЖЕ НЕВЕСЕЛО. МЫ ТОЛЬКО ЧТО ПОТЕРЯЛИ ОДНОГО ИЗ НАШИХ ЛУЧШИХ СОТРУДНИКОВ. У НАС НЕТ ПРЕТЕНЗИЙ К ДЕВОЧКЕ. ПУСТЬ ВЫХОДИТ НАРУЖУ. МЫ ОТВЕЗЕМ ЕЕ В ГОСПИТАЛЬ. ХОЧЕШЬ, МЫ ЕЙ ПОМОЖЕМ?

– Я тебе не доверяю, – выкрикнул я в ответ.

ПОЧЕМУ? В ЧЕМ ПРОБЛЕМА?

Потому что мир на твоей стороне, а не на моей.

Я помолчал секунд пять, и сказал:

– Хорошо, Шака! Девочка сейчас выйдет. Только без фокусов.

ХОРОШО. ХОРОШО.

– Она в критическом состоянии.

ДАЕМ ТЕБЕ ВРЕМЯ.

Время – вот все, что мне нужно.

Я побежал вверх по лестнице, волоча за собой Твинкль. Мимо Дас Убердога, который сдерживал своих шестерок, ожидающих только команды. Собаки выли, как безумные, обуянные жаждой крови.

Крови копов.

Злейший враг. Лучшее мясо.

– Убери этих копов на хер, Дас! – заорала Бриджит.

Как только я поднялся, Дас Убер повел собак вниз к входной двери. Карли глядела вслед сваре – глядела с тоской.

– Хочешь пойти вместе с ними, Карли? – спросила Твинкль.

Карли воспользовалась своим шансом и бросилась вниз по лестнице за Дас Убердогом.

Полицейские думали, что появится ребенок. Но они получили целую свору кровожадных пожирателей копов.

Интересно, как они с ними «с-коп-ерировались»?

– Здесь есть другой выход наружу, Брид?

Она улыбнулась мне. И ответила.

Даже не открывая рта.

СМЕРТЬ ЗА ЖИЗНЬ

Мы бежали сквозь мягкую грязь. Даже думать об этом было противно; такое ощущение, словно весь мир стал отхожим местом. Я почти ничего не видел; просто протискивался сквозь кучи дерьма – по лодыжки в дерьме, – с трудом сдерживая рвоту. Твинкль бежала впереди. Мимо рисунков на каменных стенах, выкрашенных говном.

Бежали и видели мельком:

Собаки, ебущие женщин. Мужчины, ебущие собак. Рождавшиеся в половинчатом миксе дети, корчащиеся в отвратительных миазмах, что поднимались от нечистот.

Лицо Дас Убердога, мерцающее в темноте со стены впереди.

Эти нарисованные глаза приковали меня к месту, требуя веры; я не мог даже пошевелиться. Собачье дерьмо стекало в мои ботинки. Твинкль повернулась, чтобы меня подстегнуть.

– Вам здесь нравится, Мистер Скриббл?

Нет! Нет, не нравится!

– Ну так и оставайтесь!

Девочка рванулась вперед, продираясь сквозь говно.

О, мой бог!

– Твинкль, подожди!

Бриджит провела нас в этот подвал, вниз по лестнице за дверью в кладовку на кухне.

– Скорее всего, на том выходе тоже будут копы, Скриббл, – сказала она.

– Ничего, как-нибудь разберемся.

Оставайся на чистяке. Никаких перьев. Через дыру в стене в этом собачьем сортире.

И там и вправду был коп, ожидающий нас.

Он плавал лицом вниз в стоячей воде.

Коп, утонувший в собачьем дерьме.

Этот образ я навсегда запомню.

И искры цветов, исходящие из закрытого плавкого предохранителя, когда мы проходили мимо – цветов Битла. Отлично сработано, друг.

Я с трудом брел следом за Твинкль, утопая в грязи, ориентируясь на свет впереди – мягкий блеск уличных фонарей, пробивающийся сквозь распахнутые люки, размещенные в крыше подвала. Потом – вверх по ступенькам. Тусклые всполохи цветов Битла мерцали из вывороченных дверных замков. Мы вышли в сад, заросший высокой травой и сорняками. Целая насыпь из, может быть, пятидесяти пяти полных до краев мусорных мешков, ожидающих, когда же их, наконец, заберут.

Я так думаю, что уже никогда – Муниципалитет давным-давно забил на этот дом.

Запах был сладким и одуряющим, но одновременно – и великолепным, свободным от Дерьмовилля. С той стороны дома слышались крики людей и собачий лай.

Я надеюсь, что вы, песиголовцы, сегодня прикончите нескольких копов, и что некоторым из вас удастся спастись.

Открытые ворота в задней стене вывели нас на узкую улочку. Не спрашивайте, как она называлась. Это нем было неинтересно – мы просто двинулись по ней. Впереди была небольшая дорога, ведущая прочь от Паркфилд-Стрит, и мы бросились по ней со всех ног, подгоняемые болью. Существо висело на мне неимоверной тяжестью. Твинкль бежала впереди.

Я довольно неплохо знал эти маленькие боковые улочки на задах нашего прежнего дома на Расхолм Гарденз. Мы повернули налево, потом – направо, на Хилд Плейс. Дальше – на Платт Лейн. Парк раскинулся впереди. На улицах по-прежнему было полно азиатских подростков, в парке мерцали огни, и там грохотала музыка, глубокие ритмы песен Бхангрaдога.

Никаких копов.

Мы без проблем перебежали через дорогу. Азиаты смотрели на нас как-то странно, но я уже начал к этому привыкать. На

Платт Филдз. Деревья раскачивались в медленном танце в ритме грохочущей музыки – звуковых волн из динамиков саунд-систем. Даже дождь как будто уловил пульсацию Бхангры; он бил мне в лицо, и я уже вымок до нитки вместе с Существом, которое обмякло у меня за спиной жирной грудой губчатого вещества, и весило оно, как здоровенная свинья. Я уже изнемогал под его весом, но продолжал идти вперед, по направлению к танцующим подросткам.

– Ты в порядке, Большая Тварь? – спросил я.

Оно дало мне какой-то ответ, наряду с некоей Вирт-волной; все, что я время от времени от него улавливал, это скомканные слова – мое имя, имя моей сестры, и какая-то тарабарщина. Но раз оно говорило, значит, оно еще живо, а это – главное.

У меня было Существо. У меня было желтое перо.

Все, что мне требовалось, так это спокойное тихое место, и достаточно времени, чтобы принять их обоих. Но сначала нужно укрыться от всяких случайных копов. И я направился в Бхангра-толпу. Было уже ближе к полуночи, но эти ребята все еще танцевали. Система была закрыта дождевиками, но дождь не отпугнул танцоров; это была их ночь. Они торчали на Эйде, и молодая азиатская жизнь била из них ключом.

Они дали нам пройти.

Они смеялись и показывали на нас пальцами; белый парень с какой-то странной штуковиной на спине и молоденькая девчонка, бегущая впереди. Да, наверное, со стороны мы смотрелись прикольно. Но все в порядке. Меня это не задевало. Главное, они пропустили нас, по направлению к дорожкам, что вели вниз – к озеру с лодками.

Мы почти добрались до озера...

Выстрел света прорезал пелену дождя, дыхание огня опалило мне ухо. Мне удалось увернуться, и я перевернул Существо в сторону от линии обзора. Сквозь дождевую завесу я увидел копа, быстро приближающегося к нам; его лучевой пистолет выбрасывал инфо. И вот тогда азиатские подростки действительно стали подбадривать и приветствовать нас. Потому что главный враг веселья преследовал нас, двух безумных долбоебов, намереваясь прикончить нас или повязать. Я полагаю, что именно так они видели данную ситуацию. Твинкль уже намного опередила меня. Существо наваливалось на меня, прижимая меня к земле, вынуждая идти медленным шагом, чуть ли не ползком. Я поскользнулся на мокрой траве и только чудом не грохнулся носом в грязь, ломясь сквозь дождь, который был как уколы стали, резавшие кожу. Все было мокрое и неясное, все обесцвеченное в лунном свете, фиолетовая и зеленая тень играла

в траве прямо у меня под ногами.

Шакакоп!

Он переключился на полный режим Желтого Такшаки, направляя лучи с Плат-Филдз, он наполнял все пространство своей змеей дыма и расцвечивал воздух над Бхангрой в цвета старых мифов. Подростки, понятное дело, отреагировали на это отнюдь не благожелательно. Потому что Такшака был Хинду, а ребята были мусульмане – а это, как говорится, две большие разницы. Змея снов опускалась ко мне, а я сам лишился сил: и своих собственных сладостных грез, и грез всех тех, кто верил в меня. Скользя по черной грязи, заставляя себя буквально ползти вперед в сторону мерцающего озера. Но никаких шансов добраться туда.

Никаких шансов.

Ударила первая пуля. Тяжелый толчок в спину. Я почувствовал, как ее гнусная энергия долбанула меня, толкнула на землю. Я свалился лицом в траву, но тут же снова поднялся, собрав последние силы, все еще веря.

– Беги, Твинк! – закричал я.

Ударила вторая пуля. Она прошла по теневому следящему лучу и попала точно в цель, бросив меня вперед, так что я со всей силы впечатался головой в землю и уже не смог встать – я просто лежал, ожидая, когда придет боль, ожидая, что сейчас вся спина у меня загорится, и жизнь покинет мое бренное тело.

А я вроде как к ней привязался.

Боль почему-то не приходила.

Я уже ничего не соображал.

Цвета змеи снов залили светом пространство вокруг меня, и Такшака навис надо мной. Прогремел еще один выстрел, но на этот раз попадания не было. Я с трудом повернул голову и глянул назад -туда, где эти азиатские чуваки окружили копа. Безумная возбужденная толпа. Потом я посмотрел вперед и увидел, что Твинкль уже добралась до озера. Сквозь стену дождя мне казалось, что до нее – несколько миль. Я попытался подняться, но Существо обмякло мертвым грузом у меня на спине. Все, что я смог, это перекатиться на спину – на Существо, – и поглядеть прямо в израненное лицо Такшаки, на его раздвоенный змеиный язык, который высовывался между длинными клыками с шипением, похожим на шум дождя.

А потом эта змея бросилась вниз, на меня – молниеносно и точно, омерзительное пятно света. Но она не впилась мне в шею, куда обычно целятся змеи, вместо этого она вонзила свои клыки мне в лодыжку, проколов кожу, и теневой дым был повсюду вокруг, и я улетел, отрубившись – абсолютная теневая ебля...

В мир чисел.

Падая...

В царство туманов, где зеленые и фиолетовые инфо-лучи играли в волнах теней. Запах жасмина окутал меня. Я падал сквозь желтые облака, но во время падения я все-таки мог двигаться по собственной воле, и дернулся вправо.

По-прежнему падая.

Снова дернулся, пытаясь посмотреть вверх. По-прежнему падая. Повернулся, описав полный круг, но направление, которое я выбрал, не имело значения, и я падал вниз – прямо в змеиную яму. И все эти числа кружились рядом: чистая, голая информация, поглощавшая меня в математике. Записи всех моих преступлений – в шафрановом воздухе. Все мои преступления, и все преступления Тайных Райдеров. Все. Все, что мы сделали, и все, что мы потеряли, и все, кого мы убили. Я обрел тогда всю историю целиком – в этом сосредоточии чисел, с волосами, все еще мокрыми от дождя в мире снаружи.

Я был в сознании Такшаки, Желтого Копвирта, где он проигрывал всю свою инфо, все преступления мира. Я падал сквозь это математическое море без каких-либо чувств и желания подняться или опуститься, просто падал и падал, пока что-то не обернулось вокруг моей ноги, вокруг лодыжки – там, где меня укусила змея снов. Меня с силой швырнуло назад, ударив волной давления, позвоночник трещал на грани разрыва, и Существо с силой вдавилось в меня – между лопатками и основанием шеи. Оно не издавало ни звука, смягчая для меня удар. Потом меня дернуло в другую сторону, так что моя голова едва не коснулась живота, и только Существо уравновесило мое положение, и вот я уже смотрел прямо на Короля Змей.

Такшака завис в пространстве, его хвост обвивался вокруг моей лодыжки, его лицо – всего в нескольких дюймах от моего, так что я ощущал его теневое дыхание и видел оранжевые клетки инфо, бегущие у него в глазах.

Я ВОТ ЧТО ДУМАЮ: НАДО БЫЛО ПРОСТО БРОСИТЬ ТЕБЯ.

Это все ненастоящее!

ТЫ БЫЛ НАСТОЯЩЕЙ ЗАНОЗОЙ В ЗАДНИЦЕ, СКРИББЛ.

Он испускал лучи прямо в мой череп, сверля кость своими словами, пронзая мой мягкий мозг, пока я не получил сообщение целиком, каждое слово – новая боль.

ЗДЕСЬ У НАС ЕСТЬ ПЛОХИЕ МАТЕРИ. И АППЕТИТНЫЕ УРАВНЕНИЯ. ОНИ МОГУТ ФРАКТАЛИЗОВАТЬ МУЖЧИНУ ЗА СЧИТАННЫЕ СЕКУНДЫ. ЭТО ЖЕЛТЫЙ ВИРТ. ЦВЕТ, КОТОРЫЙ УБИВАЕТ. ТЫ ЭТОГО ХОЧЕШЬ?

Очередная волна давления – и моя голова откинулась назад, так что я оказался подвешен в пространстве. Внизу под нами клубились числа и символы, накатывали друг на друга. Это было похоже на ряд открывающихся и закрывающихся челюстей. А потом, когда уравнения были решены, сломленные числа брызнули во все стороны и превратились в колонки неровных зубов.

БИТЛА ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЖАЛКО. ОН УШЕЛ ХОРОШО, ПРАВДА? МНЕ ЭТО НРАВИТСЯ В ЛЮДЯХ. Я МОГ БЫ НАЙТИ ДЛЯ НЕГО МЕСТО НА СЛУЖБЕ. ТАКИЕ ДЕМОНЫ НАМ НУЖНЫ. СКАЖУ ТЕБЕ ОТКРОВЕННО, СКРИББЛ, ИНОГДА Я РЫДАЮ, ГЛЯДЯ НА ЧИСТЫХ КОПОВ, КОТОРЫХ НАМ ПРИСЫЛАЮТ.

Он немного ослабил хватку, так что я слетел вниз фута на два, но потом он поймал меня снова и сжал еще крепче.

УУУПС! ЕДВА ТЕБЯ НЕ УРОНИЛ.

Он опустил свое изуродованное лицо, так что оно опять оказалось напротив моего лица.

ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ МЕРДОК, КОНЕЧНО. С НЕЙ ВСЕ БЫЛО В ПОРЯДКЕ. ОНА БЫЛА СУПЕР ЧИСТОЙ. И, ОХ, ТАК ХОРОША В ПОСТЕЛИ... УУУПС! КУДА ТЫ ОПЯТЬ СОБРАЛСЯ?!

Я почувствовал, как его хвост ослабляет хватку.

И рухнул вниз, прямо в пасть змей чисел, вопя...

– Ааааааааааа!!!!!!!!!!

Вниз – в размазанное пятно, где шипят змеи. Я падал свинцовым грузом, мое сознание поблекло и начало погружаться в сон. И тут я приземлился в чьи-то мягкие руки, и они подняли меня вверх, и мягкий голос позвал меня, ласково вырвав изо пасти сна.

– Я поймал тебя, Скриббл, – сказал мне голос. – Я поймал тебя.

Я открыл глаза и увидел кривую ухмылку Кота Игруна.

Он завис в туннеле, крепко держа меня одной рукой, словно во мне не было никакого веса, словно у меня на спине не висело тяжелое Существо.

– Кот! – выкрикнул я. Всего одно слово. Все, на что я был способен.

– Не бери в голову, – сказал он. – Просто смотри, как это делается.

Кот поднял свободную руку. В ней был плотницкий молоток, и я видел, как сок змеиной травы капает с бойка.

Такшака быстро приближался к нему, шипя от досады и гнева.

И, по-моему, змея потеряла самообладание, отдавшись во власть своей ярости.

Зато Кот был совершенно спокоен. Он размахивал молотком, от которого исходила волна жара. Потом он отвел молоток назад, всего на какой-то дюйм, и прицелился, словно игрок в Виртболл, собирающийся загнать мяч в победную лунку.

Встретил эту змеиную голову по полной программе.

Резкий, пронзительный металлический звук, вспышка света, потом – шипение, треск горящего костра. И хруст плоти под сокрушающей сталью. Что-то просвистело под самым ухом, и когда я повернулся посмотреть, что это было, я увидел Такшаку, метавшегося из стороны в сторону. Хвост развевается, кровь хлестала из разбитого лица. Он упал в челюсти чисел. Уравнения сомкнулись над Королем Змей, и не осталось вообще никаких звуков – только пронзительный крик Такшаки. Его длинное тело было разорвано надвое. Взрыв оранжевого сока, залившего все вокруг. И нас с Котом – тоже. С головы до ног.

Кот Игрун швырнул молоток вниз, вслед за Такшакой.

– Думаешь, я такое для каждого делаю? – прошептал он, и змеиный сок капал с его лица. – Думаешь, я это делаю для тебя?

– Ты убил его?

Кот достал из кармана желтое перо.

– Такшаку нельзя убить. Можно лишь выиграть раунд в игре.

– Спасибо тебе.

Он положил перо в рот. Пункт за пунктом, список преступлений Тайных Райдеров стерся с воздуха. Кот вытащил изо рта перо Такшаки и сунул его мне в рот.

– Это не для тебя, – ответил Кот. – Это для Тристана.

И тут я улетел, выброшенный наружу – туда, где вообще не существует никаких переключателей выброса.

* * *

Я, наверное, отрубился на пару секунда – там, на поле грязи, – потому что, когда я открыл глаза, то увидел улыбающееся лицо, склонившееся надо мной.

– Я не знаю, как ты это сделал, приятель, но эта змея просто взорвалась! Бамц – и все! Это было потрясно.

Я почувствовал сильную руку, схватившую меня под плечом и поднявшую меня на ноги. Я уставился прямо в лицо юного азиата. Лицо, залитое дождем – сумеречным дождем. Его черные волосы падали на глаза, но я видел в них жизнь и энергию.

– Иди, приятель, – сказал он. – Не знаю, что у тебя на уме, но пусть у тебя все получится.

Он взял меня под руку и отвел туда, где ждала Твинкль. Я все

время оглядывался – боялся, что змея вернется за мной. Но никакой змеи не было, никаких цветов, ничего – просто серый дождь, бьющий по воде озера.

Я упал в объятия Твинкль.

Она потянулась к моему лицу, чтобы смахнуть какую-то грязь. Приятное ощущение – это ее прикосновение. Я взял азиатского парня за руку. Он улыбнулся. Я видел, как остальные ребята бегут со всех ног – прочь от одинокого копа. Он стоял совершенно голый, под дождем, подростки растащили его одежду, и, можно даже не сомневаться, прикарманили пистолет. Коп, ясное дело, выглядел жалким и потерянным – розовый и дрожащий под осенним дождем.

– Ладно, удачи, – сказал азиат и ушел, скрывшись в дожде. Музыка смолкла, систему вырубили; огни погасли, один за другим, и воцарилась тьма.

Полночь.

Твинкль взяла меня за руку. Я по-прежнему был по уши в собачьем дерьме, но я уже не переживал – дождь смоет всю грязь. А вот Существо у меня за спиной обвисло...

Мертвым грузом...

Я вспомнил пальбу. Вспомнил, как падал под пулями. Но только теперь до меня дошло, куда эти пули попали.

– Они застрелили Существо, – сказал я Твинкль.

– Ты не волнуйся, – отозвалась она.

Но я не мог сдержать слез.

– Оно мертво, Существо.

Все, что я мог сказать. Все, о чем я мог думать.

Потому что теперь я уже окончательно потерял Дездемону.

– Держитесь, мистер Скриббл. Большая Тварь спасла вас.

– Ради чего? – рыдал я. – Ради чего?

Потому что нельзя перекачать смерть за жизнь.

Даже в Вирте.

Озеро, мерцающее последними отблесками заката. Груда мертвой плоти – у меня за спиной. И мы с этой девочкой – бредем по берегу, вдоль кромки воды.

Направляясь в никуда.

Все дерьмо смыто дождем.

День Двадцать Четвертый
«Крутое дерьмо».

КОНЕЦ ПОСТА

– Ты знаешь, где «Сливи Тув»?

– Конечно. Он за холмом. Мы его проезжали.

– Там работает Барни. Ты помнишь Барни?

Твинкль кивнула.

– Он поможет тебе. Ступай туда. Прячься за деревьями. Держись самых темных улиц.

– Мистер Скриббл...

Ее молоденькое личико было все мокрое после трипа.

– Теперь ты сама по себе, малышка, – сказал я.

– А как же ты, Скриббл? Что ты будешь делать?

– Да так, кое-что.

– Главное, верь.

– Правильно. Главное – верить. Иди.

И Твинкль пошла – в темное утро сквозь дыхание деревьев. Она оглянулась лишь раз.

– Не останавливайся, – крикнул я.

Не останавливайся.

Я сдернул с плеча одну лямку, потом другую, снял с себя Существо и положил его на землю.

Его мертвые глаза глядели прямо на меня.

То есть, наверное, это и были его глаза.

Существо, разумеется, было мертво. Две дырки в спине, куда попали пули.

Но мне оно нужно живым. Я достал из кармана Изысканное перо и вставил его в рот Существа, если это был рот. Сошло бы любое отверстие. Я колотил и колотил его в грудь.

– Давай! Ну, давай же!

Просунул перо еще дальше – вполне достаточно для воскрешения Лазаря, так почему бы и не для воскрешения Существа. Я молотил кулаками по его груди... думая о Битле и Мэнди, и о том, как я всех потерял... потерял ни за что ... молотил кулаками... снова и снова....

Ничего.

Нулевой эффект.

Его мертвые глаза.

Я потерял тебя, мой инопланетянин... и все уйдет вместе с тобой.

Я вытащил перо. Потом поднял тело и понес к берегу озера.

Опустил его в воду.

Существо на мгновение застыло на поверхности, пока вода не залила все его поры. Потом оно потонуло. Скрывшись под водой.

Все кончено.

Я обернулся туда, где азиатские подростки паковали свое оборудование. Дождь слегка поутих, и дорога, казалось, находилась за несколько миль отсюда, и поэтому создавалось впечатление, что я пока в безопасности и свободен. На какое-то время.

Но это лишь впечатление. Никто не бывает свободен и в безопасности, если он этого не заслужил.

Я подошел к деревьям, нашел то место в цветах, где когда-то, скрытые листвой, лежали мы с Дездемоной, доставляя друг другу радость и наслаждение. Озеро рябило между тенями и ветками, а от пера исходили вспышки желтого.

Пора отправляться.

Но куда? Тебе нечего дать взамен, Скриббл, так какой, вообще, смысл?

Я поднес перо ко рту. Едва коснувшись нижней губы.

По тут же убрал, неуверенный в себе.

Так давно мы отправлялись под желтым в последний раз!

Я вставил перо в рот.

На этот раз – глубоко.

Почувствовал яркий блеск; изысканные очертания желтого.

Дездемона зовет.

В последние мгновения реальности я вытащил перо изо рта и положил его в карман. Изысканное Желтое вставило...

Дездемона, где-то...

Конец поста.

СТРАННЫЙ ДОМ

Желтый свет омывал мне лицо.

– Хорошо выглядишь, Стивен.

– Спасибо.

– Ты держался молодцом. Можешь собой гордиться.

– Да, я знаю. Но у меня, наоборот, ощущение, что я все запорол.

– Не надо так говорить. Ты прошел.

Я провел бритвой по щеке, обнажив участок кожи, и вытер пену фланелькой.

– Но я не достал того, что она хотела. Тебе знакомо такое чувство?

– А я о чем?

Я прополоскал бритву в раковине. Вода почему-то была грязной.

– Я очень хотел сделать ей приятное, понимаешь?

– Понимаю.

– Она так хотела ту сумку.

– Неважно, Стивен. Поверь мне. У нее все равно будет замечательный день рождения.

– Ты же знаешь Дез.

– Поверь мне. Я лучше всех ее знаю.

Я внимательно всмотрелся в эти глаза. Желтые глаза.

– Понимаешь, что я имею в виду?

Неоновая лампа над зеркалом бросала желтое сумрачное свечение мне на лицо. Свет казался почти густым, и воздух как будто сопротивлялся, когда я снова поднял бритву. Это была опасная бритва моего отца, та самая – острая-острая, наточенная на кожаном ремне для правки бритв, который висел рядом с раковиной. Папа терпеть не мог, когда я пользовался его бритвой. Но какого черта?! Не каждый день твоей сестре исполняется шестнадцать. Сегодня вечером я собирался отправиться с ней на прогулку. Я хотел выглядеть хорошо. И особенно потому, что...

– Я должен был раздобыть эту сумку...

– Стивен!

Я говорил сам с собой. Со своим отражением в зеркале ванной. Называл себя по имени.

– Как только Дез ее нашла, мне надо было сразу ее купить. Сразу. Но нет. Мне обязательно захотелось выпендриться. Сделать ей сюрприз.

– И тот парень украл ее у тебя.

– Дело не только в этом...

– Ты купил ей что-то другое?

– Нет. Я...

– Ты вообще ничего ей не купил?

– Нет. Она больше ничего не хотела... черт!

Я порезался. Кровь упала в воду, закружилась в водовороте. Я потянулся за бумажной салфеткой, чтобы остановить кровотечение, и когда вновь посмотрел в зеркало, то увидел лицо отца...

О Господи! Я...

– Я же тебе запретил пользоваться этой бритвой.

Я... Я...

– Это бритва для взрослых.

– Папа... Прости меня.

Что это было? Где я? Что это за ощущение? Что это... думай...

думай!

– Дай мне бритву, Стивен.

– Пожалуйста...

Это все нереально! Никто не зовет меня больше Стивеном.

– Опять мне придется тебе наказать?

– Нет...

Это Призрачный Зов!

– Папа!

Он размахивал бритвой...

Это все нереально. Я в Вирте. Выбрасывайся!

Бритва приблизилась к моему лицу.

Господи боже! Выбрасывайся, ты, идиот...

* * *

– Хорошо выглядишь, Стивен.

– Спасибо.

– Так ты ничего и не купил Дездемоне, да?

– Не напоминай мне.

Я затягивал мой лучший галстук Виндзорским узлом. Папа показал мне, как это делается, когда мне было семь лет.

– Все равно это бы ничего не дало. Она никогда не будет твоей....

– Слушай...

Узел получился неправильный.

– Извини, Стивен. Это все из-за меня.

– Да. Не надо меня отвлекать.

Я стоял в спальне и разговаривал сам с собой – со своим отражением в зеркале платяного шкафа. Я развязал галстук, чтобы начать все заново. На левой щеке у меня был небольшой порез. Квадратик бумажной салфетки прилеплен к порезу пленкой засохшей крови – не лучшее украшение в день рождения сестры. Но это так, пустяки. Порез заживет за пару минут. Я ждал возвращения Дездемоны из колледжа. Сегодня вечером мы собирались гулять и праздновать, и я надел свой лучший костюм – постиранный и отглаженный. Оставалось лишь правильно завязать галстук. Но слабый лимонный блеск от прикроватной лампы отнюдь этому не способствовал. Мои глаза в этом свете казались желтыми.

– Она рассердится, Стивен.

– Я не думаю, что... вот черт!

Узел был весь перекручен. Я опять развязал его.

– Не получается? Давай я тебе помогу...

– Мне не нужна ничья помощь! И перестань называть меня Стивеном!

– Это имя я дал тебе, мальчик.

– Меня зовут...

Подожди...

– Когда, черт возьми, ты уже научишься?

Отец взял оба конца галстука в свои большие мозолистые руки.

– Сколько раз я тебя буду учить, как завязывать Виндзорский узел?

Это не я там, в зеркале! Это отец...

– Папа...

– Это узел для взрослых. Для настоящих мужчин.

Он сложил галстук, широкий конец против узкого, сделал петлю, вниз, вокруг и назад, в правую сторону. Широкий конец – вниз через петлю, под правым углом – над узким, потом – через петлю в последний раз и – завершающий штрих – широкий конец через узел впереди. Отец осторожно затянул законченный Виндзор, так что узел оказался прямо напротив горла.

Это все ненастоящее!

– Вот. Замечательно. Просто и элегантно!

Он крепко затянул узел. Крепко-крепко! Так, что сдавил мне горло. Мне было нечем дышать. Я поднял руки, но я был таким слабым...

Призрачный Зов!

– Каждый дурак это сможет!

У меня уже не осталось воздуха. Всполохи света перед глазами. Боль. Жестокий взгляд в глазах моего отца.

Это Вирт!

– Но только не мой мальчик.

Темнота и боль манят к себе.

Выбрасывайся! Давай! Скорее!

Боль отхлынула, когда я лишился воли, чтобы...

* * *

– О Боже!

Я дрожал среди деревьев, у берега озера. Листья шуршали под ветрома. Я не мог унять дрожь.

Убирайся.

Уматывай отсюда.

Тень закрывает собой луну.

Господи, как все плохо. И никаких следов Дездемоны.

Дрожа, дрожа...

Судорожно глотая воздух. Еще раз. Еще. Легкие болели, и горло тоже болело. И острая боль на щеке от пореза бритвой.

Долгий выдох.

Что-то приближалось ко мне – между луной и деревьями.

Найди выход. Найди.

Но из Желтого выброситься нельзя.

Листья дрожали – что-то двигалось среди них.

Так что же...

– Я нашел тебя, Стивен.

Отец раздвигает ветки. Отблеск света на бритве в его руке.

Я все еще в Вирте!

– Я не допущу, чтобы мои дети шлялись по улицам после десяти вечера.

Отец шагнул вперед, полностью заслонив собой лунный свет. Осталась лишь темнота. И лезвие...

Убирайся отсюда!

Его рука у меня на шее...

* * *

– Хорошо выглядишь, Стивен.

– Ты тоже выглядишь замечательно, виновница торжества.

– Идем куда-нибудь вечером?

– А как же, Дез.

– Куда?

– На Платт Филдс.

– На Платт Филдс? А я думала, что мы где-нибудь поужинаем. А потом – в клуб. Мне хочется танцевать.

– Я знаю. Но там есть рощица, на берегу озера. Уединенное, уютное место, и мы сможем... ну, ты понимаешь...

– Скриббл! Ты скотина!

– Только из-за тебя.

Она толкнула меня на кровать. Потом запрыгнула на меня и начала всерьез щекотать меня именно там, где я не переносил.

– Дез!

– Я не собираюсь в какой-то сомнительный парк. Я собираюсь танцевать!

– Ты должна пойти со мной.

– Что ты имеешь в виду, должна? Я никому ничего не должна!...

Мне удалось обхватить ее за талию и швырнуть на кровать, но ласково, и вот я уже на ней, и она улыбается подо мной.

– Мы должны пойти туда, Дез. Не спрашивай, почему. Я просто знаю, что мы должны.

– Почему?

– Это важно.

Она тут притихла.

Ее спальня была залита теплым желтым свечением, последние лучи солнца пробивались сквозь задернутые занавески. Ее глаза были для меня всем – глаза, полные жизни.

Я лег на нее всем телом и поцеловал ее в губы.

– Осторожно, Скрибб.

– Почему?

– Ты изомнешь свой лучший костюм.

– Это все для тебя, Дездемона. Все для тебя.

Мы еще немного поцеловались.

– Ты купил мне подарок, Скрибб?

– Я пытался.

– Скриббл!

– Я хотел подарить тебе эту сумку, которую ты хотела. Ну, я купил ее. Но...

– Не говори мне, что ты ее потерял!

– Я...

– Я тебя ненавижу.

– Ее украли, Дез. Какой-то чувак в автобусе. Я купил тебе сумку, вез ее домой. Хотел завернуть ее и все такое. Но этот чувак просто выхватил ее у меня, сбежал по ступенькам и спрыгнул в тот самый момент, когда автобус отходил от остановки. Я не знал, что делать.

– Ты понимаешь, что это значит?

– Да, понимаю.

– Это значит, что мы не пойдем на Платт Филдс.

– Я понимаю. Но почему?

– Я не знаю. Сумасшествие, правда?

– Мне очень жаль, Дез.

– Ладно, неважно. Мы просто останемся дома. Мы сможем...

– Ничего не получится. Отец... Он...

– Он снова к тебе придирался?

– Наорал на меня из-за бритвы. А я просто брился, понимаешь?

– Ага.

– И потом... у меня вкомнате... ну, это было погано.

– У нас странный дом, правда, Скрибб?

– У нас плохой дом.

Я вытащил ее блузку из-за пояса и обнажил толстые рубцы шрамов на ее очаровательном животике. Прижался к ним губами,

как будто хотел поцелуями рассосать их. Разумеется, у меня ничего не вышло.

– Когда-нибудь я его убью.

– Вряд ли это возможно, Скриббл. Он – нереальный.

Я слегка отстранился, чтобы снова взглянуть ей в глаза; пытаясь осмыслить, что она имела в виду. Наверное, она и сама не знала. И я тоже не знал. Но мы знали, что это правда.

– Спасибо за открытку, Дез.

– Какую открытку?

– Открытку на мой день рождения.

– Не придуривайся. Это мой день рождения, Скрибб. Мой, а не твой.

– Нет. Я имею в виду раньше. На мой двадцать первый день рождения.

– Скриббл, тебе же только восемнадцать!

Это остановило меня.

– О Господи!

– Я знаю. Я помню, как посылала ее. Что случилось, Скриббл?

– У меня есть для тебя подарок, Дез.

– Покажи!

Я сунул руку в карман и почувствовал, как что-то дрожит там, но я не знал, что это было, пока не вытащил перо – но и когда вытащил, я все равно не понял.

– О, Скрибб! Это перо!

– Похоже на то.

– Посмотри на цвета. Все оттенки желтого. Они точно такого же цвета, как свет в этом доме.

– Точно. Странно все это.

– Я никак не могу избавиться от ощущения, Скриббл… Словно меня что-то зовет, я не знаю… Словно там, снаружи, есть другой мир, но я не могу туда попасть.

– У меня то же самое ощущение. Не могу это объяснить.

– А для чего это перо?

– Наверное, для того, чтобы пощекотать тебя.

– Звучит заманчиво.

Она еще приподняла блузку, открыв весь живот и грудь. Я ласково провел желтым пером по ее коже. Начал с татуировки дракона, потом – вниз, поперек и опять вверх…

– О боже. Как хорошо. Когда ты так делаешь, мне представляются всякие образы. Я их вижу так ясно.

– Что ты видишь?

– Мы с тобой уходим из этого дома. Становимся старше. Продолжай гладить. Вот так. Так хорошо. Мы живем в маленьком доме, в милях отсюда. В милях от отца. Продолжай, продолжай.

Чуть повыше. Вот так. По шее. Замечательное ощущение. В милях от боли. По губам, Скриббл, пожалуйста. Да! В милях от ножа. Сейчас – в рот. В рот!

Я поместил перо сестре в рот, и все мое существо как будто приказывало мне протолкнуть его дальше, глубоко-глубоко, до самого горла. Я не знал: зачем, почему... Я просто должен был это сделать. Осторожно проталкивая все глубже...

– Скриббл!

– Что?

– Твои глаза!

– И что у меня с глазами?

– Желтые! Они желтеют!

О черт!

– Вытащи перо, Стивен.

– Отец...

– Это игры для маленьких мальчиков.

Я лежал на отце, заталкивая перо ему в рот. Он поднял руки, чтобы схватить меня. Я пытался толкнуть перо глубже, не знаю - почему, просто мне показалось, что так надо, но он прикусил перо, твердо зажав его между зубами. Потом его руки опустились мне на спину, и я почувствовал, как в спину вонзается бритва.

Такое ощущение, что вся спина в огне.

Он всадил бритву еще раз.

О, Боже!

Боль была невыносимой. Я изо всех сил пытался вырваться, но он был сильнее. Я чувствовал, как бритва раздирает кожу у основания шеи, готовая для очередного удара.

– Папа, пожалуйста...

Подожди...

– Большего ты не заслуживаешь, жалкая мразь!

Но, когда он заговорил, перо выпало у него изо рта.

Это все нереально!

Он обозвал меня гнусным ебарем. Сказал, что я ебу собственную сестру.

Это Вирт! Выбрасывайся!

Бритва вонзилась в меня.

Нет! Выброситься невозможно! Я просек ситуацию. Отсюда выброситься невозможно. Тебе только покажется, что ты вышел, но все начнется по-новой. Это Изысканное Желтое. И это не мой отец. Это моя сестра. Дездемона! Это просто отец, сотворенный Виртом. Он живет внутри Дездемоны. И пути назад нет. Выброситься невозможно. Можно идти только вперед.

Бритва снова вонзилась мне в спину.

Боль была ужасной. Кровь на лице у отца. Неверное, это была

моя кровь.

Забей.

Внезапный проблеск глаз Дездемоны, глядящих на меня из глаз моего отца, и ее голос, говорящий мне...

Протолкни перо внутрь!

Я собрал все свои силы – которые еще оставались, – я боролся со всей этой яростью и безумием, и мне все-таки удалось пропихнуть перо ему в рот. Он опять прикусил его, но теперь я дошел до отчаяния. Я зашел слишком далеко.

Толкай!

Глубоко в глотку отца. Которая, на самом деле, была глоткой Дездемоны. Где и должно было быть перо. Его тело тут же начало расплываться. Бритва больше не терзала меня. Я вытащил Изысканное у него изо рта и вставил его себе в рот.

Пожалуйста, Господи, я все делаю правильно.

Себе в рот. Где оно и должно было быть.

Отец истошно кричит... где-то далеко... далеко...

И ясный голос Дездемоны, прорвавшийся ко мне...

Но, Скриббл, ведь мы уже в Изысканном Желтом. Как же так получилось...

Хорошо выглядишь стивен спасибо хорошо выглядишь стивен спасибо хорошо выглядишь стивен спасибо спасибо желтый свет омывает мое лицо, желтый свет омывает мое лицо, желтый свет...

!!!!!ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!!!!!

бритва для взрослых бритва кружащаяся для меня в зеркале зеркала зеркала изысканнее и изысканнее бритвы взмах тысячу раз, когда она

Пласт за пластом...

!!!!!ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!!!!!

отражаясь одно в другом, когда она

Чей это голос?

тысячу раз сквозь желтый воздух, который желтый на желтым, когда она когда она хорошо выглядишь стивен

!!!!!ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВЫ СЕЙЧАС В МЕТАВИРТЕ!!!!!

спасибо когда это когда это изысканнее и изысканнее когда бритва касается дездемоны

Что происходит?!

тысяча отражающихся ножей и каждый острее и острее как зеркало, когда они когда они впиваются в тело моей сестру, которая

ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ?!

которая прильнула ко мне которая прильнула ко мне вся в крови

Этот голос. Я знаю этот голос. Это голос...

ей как минимум девятнадцать лет у меня в руках, когда я увидел тысячи глубоких порезов дважды реальных и образ

ВЫ, ВАШУ МАТЬ, НАРУШИЛИ РАБОТУ ВСЕХ МОИХ СИСТЕМ!

дездемона сестра

Этот голос! Это был голос...

улетая от меня в крови когда я крепко вцепился в нее тысячу раз когда я мой отец отражались в зеркале отражались в зеркале отражались в зеркале когда я когда я видел приближающиеся лезвия сестра

ПОЖАЛУЙСТА, ОБЪЯСНИТЕСЬ!

Это был голос Генерала Нюхача.

А, ЭТО ВЫ. Я ДОЛЖЕН БЫЛ СРАЗУ СООБРАЗИТЬ.

Генерал Нюхач...вы не можете...

Я НАДЕЮСЬ, ВЫ ОСОЗНАЕТЕ...

кровь повсюду

Что происходит, Генерал? Вы не можете мне помочь?

... ВЫ ОПЯТЬ ДОСТАВЛЯЕТЕ МНЕ НЕПРИЯТНОСТИ.

Скажите мне!

ВЫ ПОПАЛИ В МЕТА. НО НЕ В ОБЫЧНЫЙ МЕТА.

сестра вопит от порезов

А В ЗЕРКАЛЬНЫЙ МЕТА. ВЫ ПРИНЯЛИ ИЗЫСКАННОЕ...

изысканнее и изысканнее

...ВНУТРИ ИЗЫСКАННОГО. ЕЩЕ НИКТО НЕ ДЕЛАЛ ТАКОГО! НИКТО! И НИКОГДА!

Вытащите меня. Вытащите нас обоих!

ЗДЕСЬ НЕТ ВЫХОДА. ВЫ ПОПАЛИ В ЗАМКНУТЫЙ КРУГ.

наш отец прокладывающий тысячи путей сквозь дездемону, когда он резал, когда улыбался

Вы должны нам помочь, Генерал!

ДАЖЕ ЕСЛИ БЫ Я ХОТЕЛ ПОМОЧЬ... Я НЕ ЗНАЮ, КАК.... НИКТО НИКОГДА...

Выдуй Душителя у себя из носа и помоги нам!

ЭТО В ПРИНЦИПЕ НЕВОЗМОЖНО! ХОБАРТ... ОНА...

сестра, падающая в отдалении

Будет хуже, Генерал.

ЧТО ВЫ ИМЕЕТЕ В ВИДУ?

достав серебряное перо отражающееся тысячу раз из кармана

НЕ ДЕЛАЙТЕ ЭТОГО!

сестра потянулась ко мне когда она когда она потянулась ко мне истекая кровью истекая кровью и раны были израненная

Ты думаешь, у меня есть выбор, Генерал?

ПОЖАЛУЙСТА!

я затолкал ей в рот серебряное перо генерал нюхач когда я когда я затолкал серебряное перо ей в рот вместе с изысканным

желтым

ЭТО МЕНЯ ВЫ ПРОТАЛКИВАЕТЕ, МЕНЯ!

Мне нужна дверь, Генерал...

два пера за раз, кто еще делал такое?

НИКТО НЕ ДЕЛАЛ... СКРИББЛ! СКРИББЛ! БОЛЬНО!

Крутое дерьмо.

серебряное наплывает желтое, которое было желтым в желтом серебряное в желтом в желтом тысяча зеркал разлетается вдребезги... когда я...

отец размахивает бритвой перед лицом сестры...

когда я...

жду, когда развернется меню...

1. ПРОВЕРКА.

2. КЛОН.

3. ПОМОЩЬ.

меню остановилось...

когда я остановил руку отца...

Я ВАМ НЕ ПОЗВОЛЮ

Черт! Под каким номером была дверь? Под каким номером!

ВЫ ИЗДЕВАЕТЕСЬ НАДО МНОЙ, СКРИББЛ. Я ЭТОГО НЕ ДОПУЩУ.

довольно, отец...

когда я...

Под каким номером была дверь? Под каким номером?!

когда я выхватил бритву из его руки и тогда...

ХОБАРТ НАКАЖЕТ МЕНЯ!

Дверь – номер четыре. Четыре. Вот так.

тогда я вонзил бритву в...

НЕТ!!!!!

тогда я вонзил бритву в глаз моего отца...

чувства возвращались ко мне теперь когда я когда я думал о номере четыре мой отец вопил прижимая руки к глазам, когда передо мной развернулось меню...

1. ГОЛУБОЙ.

2. ЧЕРНЫЙ.

3. Я НЕ ДАМ ВАМ МЕНЮ.

Все в порядке, Нюхач. Больше мне и не нужно.

когда я подумал о номере пять

Пять – это жизнь.

дверь открывается когда разбивается зеркало наш отец поднес красные руки к глазам и дверь открылась в его глазах и я увидел деревья платт филдс сквозь дыры в его глазах

– Генерал Нюхач!

Новый голос.

ХОБАРТ... МИСС... Я СОЖАЛЕЮ.

– В чем проблемы?

я толкнул дез в сторону двери в глазах моего отца

Я САМ ПРЕКРАСНО УПРАВЛЮСЬ, МИСС ХОБАРТ

– Я пытаюсь заснуть, Генерал. Пожалуйста, объяснитесь.

дездемона не пройдет сквозь нее эту дверь она льнет ко мне и тащит за собой

У НАС ТУТ ЗЕРКАЛЬНЫЙ МЕТА В ИЗЫСКАННОМ ЖЕЛТОМ, С НЕЗАКОННЫМ ПРОЛОМОМ ДВЕРИ В ЖИЗНЬ ПЛЮС ПОПЫТКА НЕАВТОРИЗОВАННОЙ ОБРАТНОЙ ПЕРЕКАЧКИ БЕЗ АДЕКВАТНОГО МАТЕРИАЛА В ОБМЕН.

– Это все?

МИСС ХОБАРТ...

Пожалуйста, Скриббл... пойдем со мной.

сестра просит меня...

Это невозможно, Дез. Просто невозможно.

– Не злите меня, Генерал.

МИСС ХОБАРТ... ПОЖАЛУЙСТА...

и я подумал про номер один, пока они спорят номер один это голубой передо мной разворачивались тысячи голубых названий думая об "Н" как о наслажденье

– Где мы, Скриббл?

Мы с сестрой сидим на скамейке в парке Наслажденьевилля, слушаем песни птиц и наблюдая за игрой испещренного пятнами света на недавно подстриженной лужайке. Резвятся дети. Никаких признаков почтальона. У меня есть еще две, может быть, три минуты, до того, как Генерал извлечет меня из этого сладкого голубого мира. Сестра была со мной, и она, наконец, выглядела счастливой – такой, какой я ее помнил; это был Голубой Наслажденьевилль – для тебя.

– Мы в Вирте, Дез.

– Здесь так красиво.

– Ты что-нибудь помнишь?

Ее улыбка на секунду поблекла, когда она принялась копаться в своих воспоминаниях.

– Ничего, – сказала она. – Вообще ничего, только, что этот мир – это красивое место, и ты – мой брат, и что мы должны просто остаться здесь навсегда. Мы так и сделаем, Скриббл?

– Нет.

Ее взгляд на мгновение стал озадаченным, глаза наполнились голубой пустотой.

– Это нереальный мир, Дез. Реальный мир – он совсем не красивый, но именно он – твой мир. Нет, не пытайся понять. Просто поверь тому, что я говорю. И я тебя вытащу, Дез. Я тебя

верну. Если смогу.

– Ты пойдешь со мной, Скриббл?

– Я не принадлежу тому миру, сестренка. Здесь мое место. Это то, что я есть.

– Скриббл!

– Так не получится, Дез. Просто не получится. Я слишком сильно тебя люблю. Или же ты недостаточно меня любишь.

Впрочем, и то, и другое сводится к одному К одной и той же груде костей.

Я заглянул в голубые глаза сестры, увидел там правду, и отвернулся. Дездемона молчала. Мальчик и девочка сидят на скамейке в парке в солнечный день, девочка смотрит на солнце, мальчик обхватил голову руками.

ВОТ ВЫ ГДЕ! Я ВАС ПОВСЮДУ ИСКАЛ.

– Хобарт велела тебе разобраться, Генерал.

ВЫ ПРОСИТЕ НЕВОЗМОЖНОГО, СЭР.

– Верни обратно мою сестру!

ЕЕ НЕ НА ЧТО ОБМЕНЯТЬ. ТАК НЕЛЬЗЯ...

– Я остаюсь здесь.

О...

– Скриббл! Что происходит?

Голос сестры зовет...

В ТАКОМ СЛУЧАЕ... МНЕ ТОЛЬКО НУЖНО ПРОВЕРИТЬ ПОСТОЯННУЮ...

– Скриббл. Пожалуйста, не надо...

Она крепко схватила меня за руку, пытаясь тащить меня за собой. Но я уже основательно пустил здесь корни, работая в Вирте так, словно в нем я родился.

– Ты знаешь правду, Дез. Главное – верь. И все время думай обо мне.

Отец открыл глаза – кроваво-красные в голубом небе Наслажденьевилла.

– Скриббл!!!!!

ТАК. ВСЕ ГОТОВО... ПРЕКРАСНО, СЭР.

– Давай!

и дездемону унесло прочь прикосновение ее пальцев дар ее глаз падая падая в глаза отца туда, где я видел мельком качающиеся ветки и луну над озером, в парке, где мир – красивое место и дождь ласкает...

Я вытащил изо рта Изысканное Желтое, но оставил серебряное. Все пласты уносило, пока не осталась одна темнота.

Я ПОЛАГАЮ, НАМ СЕЙЧАС СЛЕДУЕТ КОЕ-ЧТО ПРЕДПРИНЯТЬ ОТНОСИТЕЛЬНО ВАС?

– Я тоже так думаю, – сказал я.

Развернулось меню.

1. ГОЛУБОЙ.
2. ЧЕРНЫЙ.
3. РОЗОВЫЙ.
4. СЕРЕБРЯНЫЙ.
5. ЖИЗНЬ.
6. КОТ.
7. ЖЕЛТЫЙ.
8. ХОБАРТ.

ПОЖАЛУЙСТА, ВЫБЕРИТЕ ВАШУ ДВЕРЬ. ТО ЕСТЬ, НЕ ТО, ЧТОБЫ У ВАС ЕСТЬ ВЫБОР...

– Номер шесть... Генерал.

Падаю...

* * *

Генерал Нюхач сидел у себя за столом, выравнивая три дорожки порошка Душителя.

– Очень мне все это надо.

Я ничего не сказал. Дверь Кота Игруна была прямо за ним.

– У меня теперь неприятности с Мисс Хобарт. – Он сделал паузу между понюшками. – Она требует объяснений, вы понимаете? Она хочет полный отчет. Это огромная работа, и все из-за вас! Она тогда чуть не проснулась. А вы знаете, каковы будут последствия несвоевременного пробуждения Мисс Хобарт? Знаете? Что будет, если она проснется и перестанет грезить? Нет, это немыслимо. Мы все лишимся работы. Включая и вас, мистер Скриббл...

Он взглянул на меня.

– Сэр... вы плачете...?

Я не знал, плачу я или нет. Я знал только то, что спина у меня жутко болела. Я вдруг почувствовал слабость, и комната поплыла перед глазами.

– Послушайте... что я могу... – Генерал Нюхач поднялся из-за стола и протянул мне бумажную салфетку. Не знаю уж, как я выглядел, но Генерал даже забыл о своем порошке и дошел ко мне. – Господи, там у вас на спине... столько порезов... дайте я...

– Все в порядке, Генерал. Я хотел бы увидеть Кота.

– Сию секунду, сэр.

Я начал отрубаться.

Но дверь в офис уже открылась.

И Кот Игрун уже ждал меня.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Сейчас, всегда
«И иногда, иногда...»

ЖИЗНЬ ПОЛНА СЮРПРИЗОВ

Карта дурака приколота к стене, прямо напротив меня. Серебряное перо заняло свое место в шкафчике Кота.

В этой комнате – тысячи вещей, и я просто одна из них; живу среди предметов и подарков. Пишу все это на стареньком текстовом процессоре; безнадежная перекачка за какое-то безмазовое перо.

Кот сидит в своем кресле, попивая вин – трудится над выпуском на следующую неделю. Он любит писать древней ручкой с чернилами; будущее вместе с прошлым.

Мне теперь сорок один. Но чувствую я себя лет этак на двадцать пять. Выгляжу на столько же. Существование в Вирте действительно замедляет старение. Бог его знает, сколько лет Коту Игруну. Он выглядит не по возрасту, где-то на пятьдесят. На моложавые пятьдесят.

Двадцать лет.

Минуло двадцать лет с того дня, как Мэнди впервые вышла из того круглосуточного «Вирта на любой вкус». Сохранились ли там у них подобные заведения? Я не привязан к той жизни. Реальной жизни. Разумеется, Кот время от времени кое-что мне рассказывает. Всякие истории. Например, о том, как Дез и Твинкль снимают где-то дом. С ребенком. Все правильно. Дез была беременна, когда она выбралась из Желтого. Беременна пять часов. Кот Игрун утверждает, что это – мой ребенок, зачатый между Виртом и реалом; что Дездемона была внутри Синдерс, когда мы занимались любовью, не предохраняясь, на Католической постели. Я не знаю, возможно ли такое. Я не знаю, что возможно, а что нет. Кот утверждает, что такое случилось впервые: обрюхатить одну женщину, пока занимаешься любовью с другой. Он считает, что получилось очень даже неплохо – для чувака, который всегда был слишком хорош с женщинами в постели.

Я не знаю.

Дас Убердог теперь постарел, как стареют песиголовцы; он очень поднялся в музыкальной индустрии, сотрудничая с Динго Клыком. Бриджит, похоже, исчезла совсем. Кот не смог разыскать никаких следов. Она где-то там, ждеть своего часа. Синдерс и Барни разошлись. Я не знаю, где теперь повар. Синдерс слишком стара, чтобы играть в порно-перьях, так что я ее не видел уже давно. Возможно, я должен выяснить, где она, чем занимается. Кот несколько раз брал меня с собой вниз, через дверь номер пять. Мы провели там несколько часов, просто шатались тайком,

невидимые, в поисках историй. Кот это любит. Я не знаю... Меня это все не особенно привлекало, все эти «фото без лести»; я себя чувствовал, словно призрак.

Иногда я прошу Генерала Нюхача дать мне доступ к двери; голубой или черной. Просто там объявилась эта новая актриса. Ее перо называется Краска Стыда. Ей двадцать лет, она замечательно делает свое дело, и внешне очень похожа на Дездемону; и чуть-чуть – на меня. Она обязательно станет знаменитой.

Я не знаю. Я просто не знаю.

Иногда я прохожу сквозь третью дверь, в Розовый мир. Просто, чтобы избавиться от некоторых ощущений и чувств. То же самое делает и Кот Игрун. Он посещает те перья, которые связаны с мальчиками и матросами. Возможно, я должен был это понять давным-давно. Мне он не докучает. Обращается со мной как с братом.

Возможно, он теперь знает; я всегда буду ждать.

Иногда я удивляюсь тому, почему он держит меня здесь. Разумеется, я помогаю ему в работе над журналом, иногда пишу рецензии, копируя его стиль. Мне кажется, он меня учит чему-то.

Что еще?

Ничего не известно про Карли. Мне нравится думать, что она годами скиталась по улицам, с той сворой, и погибла, в конце концов, в каком-то отчаянном мероприятии. Это хорошая история.

И иногда, иногда...

Я открываю какую-нибудь голубую или черную дверь, и эта женщина приближается ко мне, ведомая тем же пером. У нее самые прекрасные глаза на свете, и татуировка дракона – на левом предплечье. Мы немного играем, ведем игру вместе, как два эксперта, всегда выигрывая, никогда не проигрывая. Ей тридцать девять. Мне – двадцать пять. Случается это нечасто. Я так думаю, что ей это уже неприятно – видимо, сказывается разница в возрасте, которая растет с каждым годом.

Кот говорит, что у нее теперь новый мужчина, там – в реальном мире. Все в порядке. Я могу с этим смириться.

Ее раны зажили; так же, как и мои.

Наверное, я всегда любил Дездемону больше, чем она любила меня. Вот почему ее пребывание здесь стало бы предательством, предательством жизни.

Что еще?

Кот все-таки сделал перо Наглых Драйверов. Это тяжелое Желтое, и деньги, которые мы за него получали, оказались очень даже кстати – чтобы время от времени подкупать Генерала, позволявшего мне проходить сквозь двери, проходить сквозь

которые мне, по идее, не полагалось.

Именно Кот убедил меня написать эти воспоминания. Я еще даже не знаю, как их назвать. Разумеется, не «Наглые Драйверы». Может быть, я назову их своим именем. Или именем того, кто я есть. Кем я стал.

Может быть, вы их читаете прямо сейчас.

Или, может, играетесь с этим пером.

Или, может быть, вы уже в пере, и вам представляется, что вы читаете этот роман, и вы даже не осознаете...

Ладно, неважно.

Игра скоро закончится.

Еще мгновение...

И все закончится.

СТАРАЯ ЛЕДИ

Пару часов назад Кот Игрун взял меня с собой на встречу с Генералом Нюхачом, и мы вызвали дверь номер восемь.

А ЭТО НЕ БЕЗРАССУДСТВО, СЭР?

– Я думаю, нет. Просто пропусти нас.

ТОЛЬКО ВНАЧАЛЕ МНЕ НАДО... ТАК... ЕСТЬ...

Мы оказались в огромной спальне. Комната погружена во мрак. Не видно вообще ничего.

– Пусть глаза привыкнут, – прошептал Кот.

И я ждал. Это заняло минуту-две. Но даже когда глаза привыкли к сумраку, я различил только слабый пурпурный блеск этого мира. Вокруг постели темнели какие-то очертания, но они были слишком в тени; более-менее ясно была видна только сама кровать. Большая кровать с пологом на четырех столбиках в старом стиле, с пожелтевшими простынями, и вся покрытая пылью. В кровати кто-то лежал, закутавшись в покрывало. Я придвинулся ближе и разглядел лицо на подушках. Старая, очень старая леди; лицо– все в морщинах.

– Это Мисс Хобарт? – спросил я.

– Осторожнее. Мы не должны ее разбудить.

И я прошептал еле слышно:

– А сколько ей лет?

– Очень много.

Я не мог отвести от нее взгляда, и когда она заговорила, это было лишь легкое дуновение у меня в сознании.

– Добрый вечер, уважаемый сэр.

Ее лицо не двигалось; ее губы, ее закрытые глаза, ее покрытый морщинами лоб – все погружено в тишину. Кот осторожно прикоснулся к моей руке. И я так же тихо сказал ей:

– Добрый вечер... Мисс Хобарт.

Ее лицо, как бы сотканное из теней. Ее дыхание, ускользающее от меня.

– Это будет твоя работа, Скриббл. Когда меня не станет.

Я поглядел на Кота Игруна, но его было почти не видно.

– Что ты имеешь в виду, что тебя не станет?

– Ничто не вечно.

– Даже в Вирте?

– Даже в Вирте.

– И что я должен буду делать?

– Следить, чтобы она не проснулась. Еще не время.

– А что будет, если она проснется?

– Мы все там, Скриббл. У нее в голове, у мисс Хобарт. Весь

Вирт. Понимаешь?

– Да, я понимаю.

– Так что ты не шуми. Не шуми.

– Не буду.

Не буду.

… молодой паренек вынимает перо изо рта.